

ООО «Наука и образование»

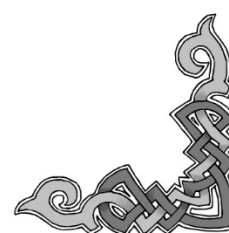
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

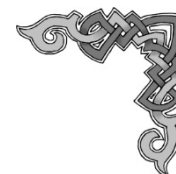

**№ 1
2024**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2024, № 1

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина

ШЕФ-РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, директор издательства ООО «Наука и образование»

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО

«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета –

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Заместитель председателя редакционного совета –

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета.

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Краснодарского университета МВД России;

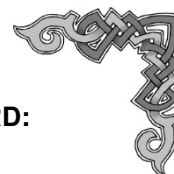
Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Ессентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета им И.Т. Трубилина;

EDITORIAL BOARD:

Chairman of the Editorial Board –

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Deputy Chairman of the Editorial Board –

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University.

Members of the Editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor, Professor of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishai, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Vladimir D. Zelensky, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Doctor of Law, Professor, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of the Kuban Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета, г. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Alexander N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Alexey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ainura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Nikolay P. Narbut, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia. Patrice Lumumba;

Sergey A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;

Konstantin V. Obrazhiev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Инна Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры финансового и HR-менеджмента Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, Почетный работник АПК России, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры институциональной экономики и инвестиционного менеджмента Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению «Уголовное право» Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал».

Pan Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yuri E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Inna N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Financial and HR Management of Rostov State University of Economics (RINH);

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

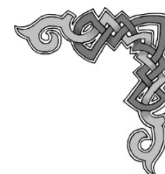
Irina V. Snimshchikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honorary Worker of the Agro-Industrial Complex of Russia, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Institutional Economics and Investment Management of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Yugra State University;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal».

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Касьянов В.В. Основные тенденции сбережения российского населения в 1990–2022 годы	13
Бородавко Л.Т., Чимаров С.Ю. Социально-педагогический компонент правоохранительной миссии сотрудника органов внутренних дел в профессиональном укладе его службы	19
Газимагомедов Р.И., Умаханов Р.М. Социальная справедливость: восприятие и оценка в общественном сознании дагестанского населения	24
Долгих К.С. Виртуальная мобильность молодёжи в современном российском обществе	29
Муллахмедов Х.С. Корпоративное волонтерство в сфере здравоохранения (на примере Дагестана)	36
Нурилова А.З. Трудоустройство молодого выпускника: проблема и тенденции	41
Нятина Н.В. Современные исследовательские акценты в понимании оснований для деструктивного поведения молодежи	45
Понеделков А.В., Аверин А.Н., Щербакова Л.И., Самыгин С.И. Социальная поддержка мобилизованных людей в Вооруженные силы Российской Федерации и их семей	49
Шихалиева Д.С., Муртузова З.М., Ремиханова Р.И. Православные в Дагестане: религиозность и культовое поведение	57
Яковлев А.А., Егоров М.Н. Карьерные стратегии молодежи как путь к перспективной деятельности	62

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Абрамян С.К. Защита материнства и детства в пенитенциарной системе Российской Федерации	69
Глоба В.В. Тактические приемы допроса обвиняемого (подозреваемого): проблемы классификации	73
Ермилов В.Б. Система гражданско-правовой ответственности, применяемой при несостоятельности (банкротстве)	79
Журавков И.А. Особенности последующего и заключительного этапов расследования при наличии содействия подозреваемого (обвиняемого)	84
Леонова Т.В. Проверка и способы проверки доказательств судом на стадии назначения судебного заседания	89
Пация Д.В. Уголовная ответственность за незаконный оборот древесины, запрещенный в ст. 1911 УК РФ	94
Тамазов Э.И. Состояние коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка (на основании социологического исследования)	103
Ткачева Ю.С. К вопросу о взаимосвязи насильственных действий и причинения вреда здоровью потерпевшего	108

Упоров И.В., Стронская А.Д. Предупреждение побегов заключенных из мест лишения свободы в 1945 году (по архивным документам Краснодарского края)	114
---	-----

Чимаров С.Ю. Исторический портрет Пауля Фейербаха: в контексте отдельных фрагментов истории государства и права	120
--	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

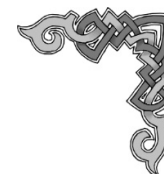
Бабосов Н.С. Исследование системы оценки компетентности специалистов в области управления проектами	127
--	-----

Зубарев А.Е., Коуров В.Ф., Меньшикова Е.А. Финансовое обеспечение программ развития российских университетов	133
--	-----

Кадетова Н.А., Серeda Н.А. Методика выбора пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма	142
--	-----

Нехайчук Д.В., Митина Т.Л. О некоторых инструментах экономического механизма природопользования: практические аспекты	149
--	-----

Соколов А.Я. Теоретико-методические основы создания бренда города	156
---	-----

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Alexander V. Ponedelkov, Valery V. Kasyanov Main Trends in the Savings of the Russian Population in 1990–2022	13
Leonid T. Borodavko, Sergey Yu. Chimarov Social and pedagogical component of law enforcement mission of authority employees of internal affairs in his professional structure services	19
Pamazan I. Gazimagomeov, Ruslan M. Umakhanov Social justice: perception and evaluation in the public consciousness of the dagestani population	24
Ksenya S. Dolgikh Virtual mobility of youth in modern russian society	29
Hadzhimurad S. Mullahmedov Corporate volunteering in the field of healthcare (using the example of Dagestan)	36
Albina Z. Nurilova Employment of a young graduate: the problem and trends	41
Natalya V. Nyatina Modern research focuses in understanding the bases of destructive behavior youth	45
Alexander V. Ponedelkov, Alexander N. Averin, Lidiya I. Shcherbakova, Sergey I. Samygin Social support for mobilized people in the Armed Forces of the Russian Federation and their families	49
Dagmara S. Shikhalieva, Zaira M. Murtuzova, Ramila I. Remikhanova Orthodox in dagestan: religiosity and cult behavior	57
Alexey A. Yakovlev, Mark N. Egorov Career strategies of young people as a way to promising activities	62

JURISPRUDENCE

Suzanna K. Abrahamyan Protection of motherhood and childhood in the penitentiary system of the Russian Federation	69
Valeria V. Globa Tactical techniques for interrogating an accused (suspect): problems of classification	73
Valery B. Ermilov The system of civil liability applied in insolvency (bankruptcy)	79
Ilya A. Zhuravkov features of the subsequent and final stages of the investigation with the assistance of the suspect (accused)	84
Tatyana V. Leonova Verification and methods of verification of evidence by the court at the stage of appointment of the court session	89
David V. Patsia Criminal liability for illegal timber trafficking prohibited in article 1911 of the criminal code of the Russian Federation	94
Eldar I. Tamazov The status of corruption crime in the field of public order (based on sociological research)	103
Julia S. Tkacheva On the issue of the relationship between violent acts and harm to the health of the victim	108
Ivan V. Uporov, Anna D. Stronskaya Prisoner escape prevention from prisons in 1945 (according to archival documents in the krasnodar region)	114

Sergey Yu. Chimarov

Social and pedagogical component of law enforcement mission
of authority employees of internal affairs in his professional structure services 120

ECONOMIC SCIENCES

Nikita S. Babosov

Research of the system for assessing the competence
of specialists in the field of project management 127

Alexander E. Zubarev, Vladimir F. Kourov, Elena A. Menshikova

Financial support of programs development of russian universities 133

Natalya A. Kadetova, Nadezhda A. Sereda

Methodology for selecting pilot rural territories for the development of agricultural tourism 142

Dmytry V. Nekhaychuk, Tamara L. Mitina

About some instruments of the economic mechanism of nature management: practical aspects 149

Yaroslav A. Sokolov

Theoretical and methodological foundations of creating a city brand 156

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.64.13.002>

УДК 314

Attribution

cc by

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СБЕРЕЖЕНИЯ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1990–2022 ГОДЫ

Аверин А.Н.¹, Понеделков А.В.², Касьянов В.В.³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,

²Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

³Кубанский государственный университет

Аннотация. Актуальность темы заключается в том, что в Российской Федерации в 1990–2022 годы проявилась негативная тенденция сокращения численности постоянного населения в результате снижения рождаемости и увеличения смертности. В последнее время на эту тенденцию оказывают влияние коронавирусная инфекция COVID-19, боевые действия в ходе проведения Специальной военной операции, в которых погибают российские военнослужащие, гибель во время обстрела и террористических актов со стороны украинских вооруженных сил мирных жителей новых регионов и некоторых населенных пунктов России, эмиграция людей, которые не хотят быть мобилизованными для участия в Специальной военной операции или не согласны с проводимой политикой государства, а также – в связи с санкциями в отношении нашей страны. Цель исследования заключается в анализе основных негативных и позитивных тенденций сбережения российского населения и его государственной поддержки. Объектом исследования является постоянное население Российской Федерации. К методам исследования относятся статистический метод, сравнение, анализ, синтез, дедукция, индукция.

Результаты исследования. Показана динамика изменения численности населения, его естественного движения, рождаемости и смертности, заболеваний как основной причины смертности, возрастной структуры, городского и сельского, населения, соотношения мужского и женского населения, браков и разводов, средней продолжительности жизни при рождении, меры государства для сбережения народа, повышения благосостояния семей с детьми, защите здоровья людей.

Вывод. В 1990–2022 годы существуют негативные и позитивные тенденции сбережения российского населения. Негативными тенденциями являются сокращением численности населения, уменьшение рождаемости и увеличение смертности, снижение количества браков и рост числа разводов. К положительным тенденциям относятся увеличение средней продолжительности жизни при рождении, реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом; ее влияние на увеличение численности населения, снижение детской, младенческой и перинатальной смертности, рост бюджетных расходов на повышение благосостояния семей с детьми, защиту здоровья людей.

Обзор литературы позволяет отметить, что опубликовано большое количество научных и учебных работ по различным актуальным проблемам демографии; прежде всего, по народонаселению, городскому и сельскому населению, демографическому развитию, демографической политике, рождаемости и смертности, естественному движению и миграции населения.

Ключевые слова: брак, возрастная структура, городское и сельское, население, женщина, заболевание, звание, естественное движение, коэффициент, материнский капитал, меры, мужчина, население, пособие, продолжительность жизни при рождении, развод, рождаемость, семья с детьми, смертность.

MAIN TRENDS IN THE SAVINGS OF THE RUSSIAN POPULATION IN 1990–2022

Alexander N. Averin¹, Alexander V. Ponedelkov², Valery V. Kasyanov³

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

²South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

³Kuban State University

© Аверин А.Н., Понедекин А.В., Касьянов В.В.

Abstract. The relevance of the topic lies in the fact that in the Russian Federation in 1990–2022 there is a negative trend of reducing the number of resident population as a result of a decrease in the birth rate and an increase in mortality. Recently, this trend has been influenced by the COVID-19 coronavirus infection, hostilities during the special military operation, in which, unfortunately, Russian servicemen are killed, the death of civilians in new regions and some settlements of Russia during shelling and terrorist acts by the Ukrainian armed forces, the emigration of people who do not want to be mobilized to participate in the special military operation or do not agree with the policy of the state, as well as in connection with the sanctions against our country. The purpose of the study is to analyze the main negative and positive trends in the savings of the Russian population and its state support. The object of the research is the permanent population of the Russian Federation. Research methods include statistical method, comparison, analysis, synthesis, deduction, and induction.

Results. The dynamics of changes in the population, its natural movement, birth and mortality, diseases as the main cause of mortality, age structure, urban and rural, population, the ratio of male and female population, marriages and divorces, average life expectancy at birth, state measures to save the people, improve the well-being of families with children, and protect people's health are shown.

Inference. In 1990–2022, there are negative and positive trends in the savings of the Russian population. Negative trends include a decrease in the population, a decrease in the birth rate and an increase in the death rate, a decrease in the number of marriages and an increase in the number of divorces. Positive trends include an increase in average life expectancy at birth, the implementation of the State Programme to Assist the Voluntary Resettlement of Compatriots Living Abroad to the Russian Federation, its impact on population growth, the reduction of child, infant and perinatal mortality, and the growth of budget expenditures to improve the well-being of families with children, and the protection of people's health.

The literature review allows us to note that a large number of scientific and educational works have been published on various topical problems of demography, primarily on population, urban and rural population, demographic development, demographic policy, birth and mortality rates, natural movement and migration of the population.

Keywords: marriage, age structure, urban and rural, population, female, disease, rank, natural movement, coefficient, maternity capital, measures, male, population, allowance, life expectancy at birth, divorce, fertility, family with children, mortality.

Введение. В 2022 году российское население сократилось за счет естественной убыли и миграционного оттока в 57 регионах, превышения естественной убыли над миграционным приростом – 10, превышения миграционного оттока над естественным приростом – 5, увеличилось за счет естественного и миграционного прироста – 3, превышения естественного прироста над миграционным оттоком – 4, превышения миграционного прироста над естественной убылью – 6 [1]. Не учитывается статистическая информация по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Херсонской областям.

Результаты. Обсуждение. В 1990–2022 годы сложилась негативная тенденция, связанная с сокращением численности российского населения с 148 млн 273,7 тыс. чел. до 146 млн 447,4 тыс. Если в 1990 году общий прирост населения составил 0,41 %, то в 2022 году была убыль (0,36 %).

Соответственно, общий прирост был равен 608,6 тыс. чел. и общая убыль – 532,7 тыс., естественный прирост – 333,6 тыс. и естественная убыль – 594,6 тыс.; миграционный прирост – 275 тыс. чел. и 61,9 тыс. [2].

Следует отметить в качестве положительной тенденции влияние Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечествен-

ников, проживающих за рубежом, на увеличение численности населения. В 2010–2022 годы в нашу страну переселились 1073815 соотечественников. Динамика переселения неравномерна, в 2010–2015 годы (за исключением 2013 года) количество переселившихся соотечественников увеличивалось с 11768 до 179660 чел., затем снижалось до 60546 в 2022 году [1].

Изменилась численность городского и сельского населения. Городское население увеличилось незначительно с 109 млн 405,1 тыс. чел. до 109 млн 655,5 тыс.; общий прирост был равен 0,62 % и убыль – 0,3 %; общий прирост – 668,9 тыс. чел. и убыль – 326,9 тыс.; естественный прирост – 245,8 тыс. чел. и убыль – 407,8 тыс.; миграционный прирост – 349,2 тыс. чел. и 80,9 тыс. Сельское население сократилось с 38 млн 868,6 тыс. чел. до 36 млн 791,9 тыс.; общая убыль – 0,15 % и 0,56 %, общая убыль – 60,3 тыс. чел. и 205,8 тыс.; естественный прирост – 87,8 тыс. чел. и естественная убыль – 186,8 тыс., миграционная убыль – 74,2 тыс. и 19 тыс. Доля городского и сельского населения составила 73,6 % и 26,4 %; 74,9 % и 25,1 %.

Следовательно, доля городского населения увеличилась, сельского – сократилась.

В численности населения преобладают женщины. Их доля в общей численности населения составила 53,2 % и 53,5 %, доля мужчин – 46,8 % и

46,5 %. На 1 тыс. мужчин приходилось 1136 и 1151 женщин. Средний возраст населения равен 34,9 лет, мужчин – 32,1, женщин – 37,4. В 2022 году он увеличился до 40,4 лет, мужчин – 37,8 лет, женщин – 42,7. Произошло увеличение среднего возраста городского населения – 34,6 и 40,4 лет, мужчин – 32 и 37,6 лет, женщин – 36,8 и 42,7; сельского населения, соответственно – 35,8 и 40,6 лет; 32,4 и 38,4; 38,9 и 42,7.

Изменилась возрастная структура населения сравнительно с 1989 годом. В категории моложе трудоспособного возраста было 35995107 чел., стало 27160253, в трудоспособном возрасте – 83746353 и 79870609 чел., старше трудоспособного возраста – 27195551 и 39416562.

Данные свидетельствуют о сокращении численности людей моложе трудоспособного возраста и в трудоспособном возрасте, увеличении людей старше трудоспособного возраста [2].

Значительное место в численности населения принадлежит естественному приросту или естественной убыли. Родились 1988858 чел. (13,4 на 1 тыс. населения) и 1304087 (8,9), умерли – 1655993 чел. (11,2) и 1898644 (12,9). В возрасте до одного года умерли 35088 чел. (17,4 на 1 тыс. родившихся живыми) и 5876 (4,4).

Естественный прирост на 1 тыс. населения равен 2,2 и убыль – 4. В городском населении на 1 тыс. населения родились 12,7 и 8,9, умерли – 10,5 и 12,6; естественный прирост составил 2,2 и 4,3; число умерших до одного года на 1 тыс. родившихся живыми равно 17 и минус 3,7.

Соответствующие показатели в сельском населении – 15,5 и 8,8; 13,2 и 13,8; 2,3 и минус 5; 18,3 и 5.

Вызывает озабоченность снижение суммарного коэффициента рождаемости, который характеризует средний уровень рождаемости, и чистого коэффициента воспроизводства населения, показывающего степень замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности.

Суммарный коэффициент рождаемости для всего населения равен 1,892 и 1,416, городского – 1,698 и 1,361, сельского – 2,600 и 1,590; чистый коэффициент воспроизводства населения – 0,895 и 0,678; 0,803 и 0,652; 1,227 и 0,762.

Для сравнения, суммарный коэффициент рождаемости выше российского показателя в Нигере (6,89), Индии (2,05), Франции (1,83), США (1,66), Великобритании (1,56), Германии (1,53), некоторых других странах, ниже – в Китае (1,28), Южной Корее (0,84) [3].

Положительной тенденцией является увеличение средней продолжительности жизни при рождении – 69,19 и 72,73 лет, мужчин – 63,73 и 67,57 лет, женщин – 74,30 и 77,77 лет, городского

населения – 69,55 и 73,09 лет, сельского – 67,97 и 71,62 лет [2]. По-прежнему, женщины имеют большую среднюю продолжительность жизни при рождении для всего населения, городского и сельского.

Неблагоприятная тенденция сложилась в связи с уменьшением рождаемости с 1988858 до 1304087 чел., в городском населении – с 1386247 до 980716 чел., сельском – с 602611 до 323371 чел.

Увеличился средний возраст родивших ребенка женщин с 25,3 до 28,9 лет, в городском населении – с 25,3 до 29,2 лет, в сельском – с 25 до 28,2 лет.

По брачному состоянию матери родились живыми 1988858 и 1304087 чел., в том числе в зарегистрированном браке – 1698257 и 1006941 чел., вне зарегистрированного брака – 290601 и 297011 чел., из них зарегистрированные по совместному заявлению родителей – 124244 и 155358 чел., по заявлению матери – 166357 и 141653 чел. Вне брака родились 290601 и 297011 детей, в городском населении – 191185 и 206048, сельском – 99416 и 90963. Необходимо отметить, что количество заключенных браков уменьшилась с 1319928 (8,9 на 1 тыс. человек населения) до 1053756 (7,2), разводов увеличилось с 559918 (3,8) до 682850 (4,7). Вызывает озабоченность существование абортот, хотя их количество сравнительно с 2010 годом в 2022 году сократилось с 1186,1 до 503,8, на 1 тыс. женщин в возрасте 15–49 лет – с 31,7 до 14,6, на 100 родов – с 66,6 до 39, абортот у первобеременных женщин – с 98,7 тыс. до 49,9 тыс.

Самая низкая рождаемость была в 1999 году (1 млн 214 тыс.), в 2002–2014 годы рождаемость увеличилась, начиная с 2016 года, она уменьшается. За 10 лет численность женщин детородного возраста 20–29 лет сократилась на 4,2 млн (на 40 %) и составила на 01 января 2022 года 7,2 млн, в возрасте 15–48 лет – менее 34 млн [4]. Многие молодые женщины откладывают рождение детей, отдают предпочтение карьере, получению образования, финансовой независимости, решению квартирного вопроса.

В нашей стране не только мало рожают, но и умирают рано. По-прежнему, существует негативная тенденция в связи с высоким уровнем смертности. Сравнительно с 2019 годом в 2022 году смертность возросла с 1798307 до 1898644 чел., мужчин – с 898506 до 956087 чел., женщин – с 899801 до 942557 чел., городского населения – с 1301650 до 1388492 чел., смертность сельского населения незначительно уменьшилась – с 515890 до 510152 чел.

Выросли возрастные коэффициенты смертности с 12,3 до 12,9, мужчин – с 13,2 до 14, женщин – с 11,4 до 12, городского населения – с 11,9 до 12,6, сельского – с 13,3 до 13,8. В 1990 и 2022 году много людей умерли в трудоспособном возрасте – 409883 (4,9 на 1 тыс. человек) и 449397

(5,4), мужчин – 329553 (7,6) и 355295 (8,2), женщин – 80330 (2) и 94102 (2,3), в городском населении – 287796 (4,5) и 324628 (5,1), сельском – 122087 (6,1) и 124769 (6,1). На 1 тыс. человек смертность мужчин в сельском населении (9) выше смертности мужчин в городском населении (7,9).

Несомненно, позитивной тенденцией является снижение детской, младенческой и перинатальной смертности. В возрасте до пяти лет умерли 44 417 детей и 7601, мальчиков – 26047 и 4328, девочек – 18370 и 3273. В возрасте до одного года умерли 35088 (17,4 на 1 тыс. родившихся живыми) и 5876 (4,4), мальчиков – 20691 (20) и 3346 (4,9), девочек – 14397 (14,7) и 2530 (3,9).

В 1990 году в перинатальном периоде умерли 35999 (17,94 коэффициент перинатальной смертности), в том числе мертворожденные – 18165 (9,05), умершие в возрасте до семи дней – 17834 (8,89).

В 2022 году ситуация изменилась в лучшую сторону.

Всего в перинатальном периоде умерли 8869 (6,77); мертворожденные – 6999 (5,34); умершие в возрасте до семи дней – 1870 (1,43), в городском и сельском населении соответственно - 6 398 (6,50) и 2471 (7,61); 4996 (5,07) и 2003 (6,16); 1402 (1,43) и 468 (1,45) [2].

Существенное влияние на смертность населения оказывают различные заболевания. В соответствии с международной классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем, существует 22 класса причин смерти. Динамика смерти мужчин от всех причин свидетельствует об увеличении их смертности от 802400 до 956087 чел., в городском населении – от 556743 до 689019 чел.; сельском – от 245657 до 267068 чел., женщин – об увеличении от 853593 до 942557 чел., городском – от 583870 до 699473 чел., сельском – об уменьшении от 269723 до 243084 чел.

Коэффициенты смертности мужчин по причинам смерти увеличились с 1158,1 до 1401,2, в городском населении – с 1093,2 до 1367,1, женщин увеличились с 1084,8 до 1201, городском – с 1004,2 до 1177,2, сельском уменьшились от 1313,2 до 1275,5. В 2018 и 2022 годы умерли от всех причин смерти 1828910 и 1898644 человека.

Преобладают такие причины, как смерть от болезней системы кровообращения (856127 и 831557 чел.), новообразований (297996 и 281109 чел.), внешних причин смерти (144612 и 146040 чел.), симптомов, признаков и отклонений от нормы, выявленных при клинических и лабораторных исследованиях (125275 и 77571 чел.), болезней нервной системы (110119 и 107790), болезней органов пищеварения (95430 и 103351 чел.).

Увеличились коэффициенты смертности по классам причин смерти с 1245,6 до 1294,1, мужчин – с 1341 до 1401,2, женщин – с 1163 до 1201, городского населения – с 1204,6 до 1264,3, сельского – с 1365,4 до 1382,7. Если в 2019 году 35321 (51,9 умерших на 100 тыс. населения) мужчин и 12106 (15,4) женщин умерли от причин, связанных с употреблением алкоголя, то в 2022 году – 34361 (47,7) и 10981 (13,4).

Возросли коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по основным классам причин смерти с 470 до 536,3, мужчин – с 709 до 820, женщин – с 207,6 до 232,4, городского населения – с 445,2 до 512,3, сельского – с 547 до 610,7.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в 2021–2022 годы проявилась тенденция к снижению численности умерших от всех причин – 2 млн 441 тыс. 594 чел. (1673,9 на 100 тыс. населения) и 1 млн 898 тыс. 644 (1294,1), в том числе от болезней системы кровообращения – 933986 (640,3) и 831557 чел. (566,8), новообразований – 283180 (194,1) и 281 109 тыс. чел. (191,6).

Позитивная тенденция проявилась в уменьшении коэффициента младенческой смертности по основным причинам смерти с 48,8 до 44,4, в городском населении – с 46,1 до 42,7, в сельском – с 57 до 49,7.

В 2022 году по причинам смерти средний возраст смерти составил у мужчин 67,5 лет, у женщин – 77,7 лет. В 2022 году от коронавирусной инфекции COVID-19 умерли 1898644 человека, мужчин – 956087, женщин – 942557 чел., на 100 тыс. человек населения – 94,9; 94,1; 95,7, в трудоспособном возрасте – 19,7; 27,4; 33,1, старше трудоспособного возраста – 345,1; 482,9; 63,5, средний возраст смерти – 76,9; 75,2; 78,7 лет.

Государство принимает меры для сбережения народа, повышения благосостояния семей с детьми, защиты здоровья людей.

Реализуются концепции:

- демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года;
- демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года»;
- государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»;
- Стратегия развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года;
- национальные проекты «Демография» и «Здравоохранение»;
- государственные программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения», «Социальная поддержка граждан», «Доступная среда».

Осуществляется финансовая поддержка за счет бюджетных средств.

В 2024 году выделяется 1,3 трлн рублей из федерального бюджета и 300 млрд руб. из региональных бюджетов на выплату единого пособия детям и беременным женщинам, более 495 млрд руб. для получателей материнского капитала [5].

В 2024–2026 годы предусмотрены на выплату единого пособия 4,4 трлн руб., материнского капитала – 1,6 трлн руб. для 4 млн владельцев сертификатов на получение материнского капитала, лекарственное обеспечение граждан с острыми сердечно-сосудистыми заболеваниями, детей с тяжелыми заболеваниями – 1 трлн руб., на борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями – 474,2 млрд руб. [6].

В 2023 году единое пособие получали родители 10,5 млн детей и 375 тыс. беременных женщин. Выдано 879 тыс. сертификатов на получение материнского капитала, за время его существования – 13,7 млн руб. С помощью льготной ипотеки улучшили жилищные условия 393 тыс. молодых семей, 180 тыс. многодетных семей с ипотекой получили выплаты в сумме 450 тыс. на ее погашение [7].

Увеличены размеры материнского капитала. Государственный сертификат на материнский капитал за первого ребенка – 586946,7 руб., второго – 775628,3 руб., третьего и последующих детей – 775628,3 руб.

Увеличены размеры пособий: единовременное пособие при рождении ребенка, при передаче ребенка на воспитание в семью (22909 руб.),

ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (8591,5 руб.), единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (36278,8 руб.), ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву (15548,1 руб.) [8].

Следует отметить такую меру поддержки, как вакцинация населения, прежде всего – мужчин и женщин репродуктивного возраста на этапе планирования семьи, беременных женщин.

Для матери, родившей и воспитавшей десять и более детей, установлено звание «Мать - героиня». При присвоении звания награжденной матери выплачивается единовременное денежное поощрение в размере 1 млн руб. Родители, усыновители, воспитывающие или воспитавшие четырех и более детей, награждаются медалью ордена «Родительская слава». При награждении медалью одному из награжденных выплачивается единовременное денежное поощрение в размере 200 тыс. 2024 год объявлен Годом семьи.

Заключение. Необходимо особо подчеркнуть, что только финансовыми мерами не преодолеть негативную тенденцию сокращения российского населения. Для этого нужен комплексный подход, включающий финансовые, медицинские, социальные, экономические, жилищные меры, а также меры в физической культуре и спорте, сельском хозяйстве, потреблении качественных продуктов питания, охране окружающей среды.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Численность и миграция населения в 2022 году. 2023. Статистический бюллетень. URL : Bul_migr_2022.xlsx (live.com)
2. Демографический ежегодник России. 2023. Статистический сборник. URL : rosstat.gov.ru
3. Емельяненко В. Чтобы люди не кончались / В. Емельяненко // Российская газета. 2023. 05 октября.
4. Игнатова О. День нерождения / О. Игнатова // Российская газета. 2023. 23 января.
5. Жандарова И. Ставка на семью / И. Жандарова // Российская газета. 2023. 19 октября.
6. Маркелов Р. Доходы федерального бюджета в 2024 году могут стать рекордными / Р. Маркелов // Российская газета. 2023. 30 ноября.
7. Кузьмин В. Люди ждут изменений не на бумаге / В. Кузьмин // Российская газета. 2023. 22 декабря.
8. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2023. Статистический сборник. URL : rosstat.gov.ru

References:

1. Population size and migration in 2022. 2023. Statistical Bulletin. URL : Bul_migr_2022.xlsx (live.com)
2. Demographic Yearbook of Russia. 2023. Statistical Collection. URL : rosstat.gov.ru
3. Emelianenko V. So that people do not end / V. Emelianenko // Rossiyskaya gazeta. 2023. 05 October.

4. Ignatova O. Day of Birth // Rossiyskaya gazeta 2023. 23 Yanvarya.
5. Zhandarova I. Bet on the family // Rossiyskaya gazeta. 2023. 19 October.
6. Markelov R. Income of the federal budget in 2024 can become record-breaking / R. Markelov // Rossiyskaya gazeta. 2023. November 30th.
7. Kuzmin V. People are waiting for changes not on paper / V. Kuzmin // Rossiyskaya gazeta. 2023. December 22.
8. Social status and standard of living of the population of Russia. 2023. Statistical Collection. URL : rosstat.gov.ru

Информация об авторах

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru
ORCID 0009-0009-0579-8545

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
milena.555@mail.ru

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru
ORCID 0009-0009-0579-8545

Alexander V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociological Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology and International Relations,
Kuban State University
milena.555@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.49.27.004>

УДК 378

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ МИССИИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ УКЛАДЕ ЕГО СЛУЖБЫ

Бородавко Л.Т., Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Цель: публикация посвящена анализу социально-педагогического «среза» в системе координат профессиональной деятельности личного состава органов внутренних дел, социальный смысл служения которого имеет устойчивое сопряжение с процессом развития общества, а эффективность реализации каждым сотрудником указанной государственной институции своей миссии обусловлена пониманием им потребностей общества и готовностью служить на благо общества. Авторами сформулированы предложения о целесообразности интегрирования в предметное поле воспитательной работы системы МВД России целенаправленных усилий по формированию у каждого сотрудника осознанного отношения к восприятию своей профессии и в контексте ее особой значимости по поддержанию высокого уровня общественного порядка в стране. Кроме того, в статье представлено авторское понимание дефиниции «социально-педагогический компонент правоохранительной миссии». Методы: целеполагание выбора методологической основы исследования обусловлено необходимостью диалектического подхода к пониманию концептуальных основ предназначения социальной миссии органов внутренних дел, деятельность которых осуществляется в интересах общества, под влиянием общества и в условиях контроля с его стороны. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, эвристический, аксиологический) методы познания, а также - метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации нашли отражение отдельные выводы отечественной и зарубежной научной мысли по вопросам социальной педагогики и акцентировано внимание на их приемлемости для профессии сотрудника органов внутренних дел. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в процессе самообразования начальствующих лиц органов внутренних дел и для более углубленного изучения преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: социальная педагогика, социально-педагогический компонент, социальное служение, воспитание, социум, личность, профессиональная деятельность, органы внутренних дел.

SOCIAL AND PEDAGOGICAL COMPONENT OF LAW ENFORCEMENT MISSION OF AUTHORITY EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS IN HIS PROFESSIONAL STRUCTURE SERVICES

Leonid T. Borodavko, Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Purpose: the publication is devoted to the analysis of the socio-pedagogical «slice» in the coordinate system of the professional activities of the personnel of the internal affairs bodies, the social meaning of whose service has a stable connection with the process of development of society, and the effectiveness of the implementation of each employee of the specified state institution of his mission is determined by his understanding of the needs of society and willingness to serve for the good of society. The authors formulated proposals on the advisability of integrating into the subject field of educational work of the Russian Ministry of Internal Affairs system targeted efforts to form in each employee a conscious attitude towards the perception of their profession and in the context of its special significance in maintaining a high level of public order in the country. In addition, the article presents the author's understanding of the definition of «social and pedagogical component of a law enforcement mission». Methods: the goal-setting of the choice of the methodological basis of the study is due to the need for a dialectical approach to understanding the conceptual foundations of the purpose of the social mission of the internal affairs bodies, whose activities are carried out in the inter-

ests of society, under the influence of society and in conditions of control on its part. During the study, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, heuristic, axiological) methods of cognition, as well as the method of content analysis, were used. Results of the study: the publication reflects individual conclusions of domestic and foreign scientific thought on issues of social pedagogy and focuses on their suitability for the profession of an employee of internal affairs bodies. Conclusions and conclusions: the publication materials can be used in the process of self-education of senior officials of internal affairs bodies and for a more in-depth study by teaching staff and researchers of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system.

Keywords: social pedagogy, socio-pedagogical component, social service, education, society, personality, professional activity, internal affairs bodies.

Введение. Симбиотический характер отношений между социумом и отдельно входящей в него личностью способствует аккумуляции воззрений на роль социальной педагогики, имеющей ключевое значение для поддержания гармонии между обществом и системой обучения профессионально подготовленных кадров, обеспечивающих динамику и вектор развития общества. Положения и выводы социальной педагогики востребованы в различных видах государственной службы, включая службу в органах внутренних дел.

В данном случае, речь идет об актуальности органичного сочетания в системе профессиональной подготовки личного состава органов внутренних дел таких идей социальной педагогики, как целостное образование (когнитивные знания, эмоциональное и духовное обучение, практические и физические навыки) и целостное благополучие, проявляемое в согласовании интересов общества и личности. Признавая важность социальной ценности общественных установлений при формировании личностных качеств каждого сотрудника органов внутренних дел, необходимо обратить внимание на целесообразность активного участия личного состава указанных правоохранительных органов во взаимодействии с окружающей социальной средой. Приобретенный опыт подобного рода общения способствует более качественному исполнению сотрудниками органов внутренних дел своей миссии, характеризующейся глубиной социального смысла, неотделимого от его педагогического аспекта.

Обсуждение. Исходя из своего сущностного значения, термин «социальная педагогика» употребим для описания области, охватывающей социальную работу и образование.

При этом целостность и направление развития социальной педагогики покоятся на фундаменте:

– во-первых, национальных моделей прогрессивного образования, сводимого к «общественному образованию» суть «образованию для социальности»;

– во-вторых, на требованиях к профессиональному развитию отдельных специалистов по линии государственной службы [1].

Выявляя доминантные направления социальной педагогики, следует указать на триаду решаемых данной дисциплиной задач, в их числе:

- 1) обучение;
- 2) благополучие;
- 3) личностный и профессиональный рост [2].

Вместе с тем, практическое достижение данных задач не должно ограничиваться исключительно процедурными вопросами и законодательными требованиями [3].

В специальной литературе обращено внимание на то обстоятельство, что в рамках социальной педагогики происходит разработка теории социального воспитания, концепты которой построены на описании, объяснении и прогнозировании данного института воспитания, включая исследование различных субъектов социального воспитания и особенностей их согласованного существования [4, с. 267].

Данный вывод соответствует стандартному установлению британского полицейиста XIX в. Р. Пиля, положившему начало национальным законоположениям большинства стран в части правового закрепления миссии полиции, и зафиксированному в содержании седьмого «пилианского» принципа: «В отношениях с населением всегда придерживаться исторической традиции «полиция – это общество, а общество – это полиция» [5, с. 34]. Как нам представляется, свидетельствуя о принадлежности личного состава органов внутренних дел к населению своей страны, отмеченный принцип подтверждает наличие несомненной связи между социальной миссией полицейской институции и необходимостью внимания общества к правомерному достижению органами внутренних дел высоких показателей их служебной деятельности. Кроме того, констатируя актуальность традиционного компонента «общество – это полиция», следует отметить воспитательное воздействие общественного внимания и уровня общественного правосознания на саму область полицейского дела и личностные качества сотрудников полиции, исполняющих центральную роль в общей системе органов внутренних дел.

Фактор социально-педагогического воздействия личного состава органов внутренних дел на

окружающих его граждан, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, коррелирует базовой идее главного условия самого существования всей системы МВД России, ориентированной на незыблемость соблюдения прав и свобод каждого человека и поддержания в обществе должного уровня правопорядка и общественной безопасности.

Наряду с отмеченным, актуальность социально-педагогического аспекта профессиональной деятельности личного состава органов внутренних дел предопределяется многогранными явлениями дезадаптации поведения отдельных представителей социума, сопровождаемой асоциальными шаблонами их поведения и несоответствием действий отмеченных акторов социального взаимодействия ценностным ориентирам, в их общепринятом понимании.

Данные явления способствуют наличию в обществе определенного уровня виктимизации, деструктивным образом воздействующей на национальную парадигму реально существующего правопорядка, а, следовательно, и на устойчивость государственного суверенитета Российской Федерации.

Указанный нами тезис имеет актуальное значение при решении проблемы профессионального совершенствования «солдатами правопорядка» адекватного применения воспитательно-профилактических мер по отношению к определенным категориям лиц, требующим повышенного внимания к стилю своего поведения [6].

Таким образом, доминанта социально-педагогического подхода к работе с личным составом органов внутренних дел корреспондирует своему центральному моменту, а именно, к важности перманентно осуществляемой профессиональной подготовки специалистов правоохранительного вида деятельности, получающих образование в целях реализации своего социального предназначения, как государственных служащих.

Указанное умозаключение подкрепляется выводом, к которому пришли британские ученые П. Мосс и П. Петри. Согласно заключению данных специалистов, социальную педагогику следует признать в качестве образовательной теории и практики, а с позиции образовательного дискурса, социальная педагогика может быть оценена как образование, происходящее во многих местах и во многих формах: формальных и неформальных [7, р. 401–402].

Исходя из замысла социальной педагогики и логики ее практического воплощения, центральными вопросами образования и воспитания личности сотрудника органов внутренних дел выступают:

1. Изучение природы человека и тех обязательных условий, при которых каждый может иметь полноценное развитие только как член общества/сообщества, к которому он принадлежит. При этом в рамках традиции социальной педаго-

гики, особое внимание должно быть уделено личности.

2. Исследование проблемного поля социальных задач и обучение особенностям работы с отдельными категориями граждан, целеполагание которой предполагает преодоление их дискриминации.

3. Формирование мышления, ориентированного на оказание действенной помощи людям, оказавшимся в трудных жизненных условиях и испытывающих нарушение своих прав и свобод. По данному направлению особое внимание следует уделять развитию у правоохранителей высокой правовой культуры их личности, что несомненно способствует развитию данной культуры у остальных членов общества.

Отмеченному направлению корреспондирует суждение О.В. Курбатовой, по мнению которой профессиональная деятельность личного состава органов правоохранения оказывает социально-педагогическое воздействие на население нашей страны. Указанный феномен находит свое прикладное решение в позитивном изменении правовой культуры в обществе, включая культуру взглядов граждан на власть в государстве и справедливость ее действий [8, с. 3].

Изложенное выше, позволяет указать на необходимость более подробного исследования деятельности органов внутренних дел в контексте социально-педагогической науки и применительно к социально-педагогическому компоненту правоохранительной миссии.

По нашему представлению, социально-педагогический компонент правоохранительной миссии – это социальное предназначение органов внутренних дел как правоохранительного института, сопряженное с поддержанием в обществе средствами профилактической работы с населением высокого уровня правопорядка, основанными на выводах социально-педагогической виктимологии и соответствующими принятым в обществе ценностям, оказывающим также воспитательное воздействие на самих сотрудников органов внутренних дел.

Заключение. Проведенное исследование концептуальных основ социально-педагогического компонента правоохранительной миссии сотрудника органов внутренних дел в профессиональном укладе его службы, позволяет заключить следующее:

1. Выступая в качестве отрасли педагогики и одновременно являясь функцией общества, социальная педагогика отражает:

– во-первых, воззрения общества на роль образования и воспитания его членов и представителей различных профессий, включая профессию правоохранителя, а также – отношения профессиональных сообществ и общества, в целом;

– во-вторых, направления деятельности профессионалов правоохранительного ведомства, социальное предназначение которых заключается в достижении гармонии между благополучием общества, в целом, и каждой личности, в отдельности.

2. Выделяя в профессиональном укладе деятельности личного состава органов внутренних дел социально-педагогический компонент правоохранительной миссии их сотрудников, нам представляется оправданным указать на актуальность интегрирования в систему воспитательной работы с личным составом осознания каждым сотрудником своего социального предназначения, по определению, содержащего педагогический аспект. Данная опция позволит более основательно адаптировать действующую программу образования сотрудников к системе координат симбиотических отношений между правоохранительными органами и различными слоями общества.

3. Положения и выводы социально-педагогического учения могут быть учтены в целях достижения необходимого уровня продуктивности в отношениях между профессиональным сообществом правоохранителей как ячейкой общества и обществом, в целом, что обеспечивается действием обоюдной диффузии:

– во-первых, со стороны личного состава органов внутренних дел как органов исполнительной власти, обеспечивающих соблюдение гражданами нормативных положений действующего законодательства и участвующих в передаче обществу образцов соблюдения ее членами правовой культуры;

– во-вторых, со стороны общества, ориентирующего личный состав на незыблемость соблюдения каждым сотрудником органов внутренних дел канонов, принятых в нашей стране ценностей и стереотипов поведения государственного служащего.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Smith M.K. Social pedagogy: the development of theory and practice / M.K. Smith // Официальный сайт «Infed.org». URL : <https://infed.org/mobi/social-pedagogy-the-development-of-theory-and-practice> (дата обращения 28.12.2023).
2. What is Social Pedagogy? // Официальный сайт «The Therapeutic Care Journal». 03 May 2011. URL : <https://thetcj.org/in-residence/what-is-social-pedagogy> (дата обращения 03.01.2024).
3. Principles of Social Pedagogy. URL : http://galteeclinic.ie/?page_id=94 (дата обращения 05.01.2024).
4. Социальная педагогика / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад // Педагогический энциклопедический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 2002. 527 с.
5. Чимаров С.Ю. К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.
6. Унарова Л.Д. Социально-педагогическая деятельность сотрудников органов внутренних дел по профилактике девиантности несовершеннолетних : дис. ... канд. пед. наук. (13.00.01). Якутск, 2000. 151 с.
7. Moss P. Education and social pedagogy: What relationship? – London Review of Education / P. Moss, P. Peetrie. 2019. Vol. 17(3). P. 393–405.
8. Курбатова О.В. Служебно-педагогическая деятельность сотрудников органов внутренних дел: общая характеристика и особенности / О.В. Курбатова // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 2(65). С. 3–6.

References:

1. Smith M.K. Social pedagogy: the development of theory and practice // Official website “Infed.org”. URL : <https://infed.org/mobi/social-pedagogy-the-development-of-theory-and-practice> / (accessed: 12/28/2023).
2. What is Social Pedagogy? // The official website of The Therapeutic Care Journal. 03 May 2011. URL : <https://thetcj.org/in-residence/what-is-social-pedagogy> (date of access: 03.01.2024).
3. Principles of Social Pedagogy. URL : http://galteeclinic.ie/?page_id=94 (date of application 05.01.2024).
4. Social pedagogy / Editor-in-chief B.M. Bim-Bad // Pedagogical encyclopedic dictionary. M. : Great Russian Encyclopedia, 2002. 527 p.
5. Chimarov S.Yu. On the question of Robert Peel's «principles of law enforcement» in police activity // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(75). P. 33–34.

6. Unarova L.D. Socio-pedagogical activity of employees of internal affairs bodies for the prevention of juvenile deviance: dissertation of the candidate of pedagogical sciences (13.00.01). Yakutsk, 2000. 151 p.
7. Moss P. Education and social pedagogy: What relationship? – London Review of Education / P. Moss, P. Pe-trie. 2019. Vol. 17(3). P. 393–405.
8. Kurbatova O.V. Service and pedagogical activity of employees of internal affairs bodies: general characteris-tics and features / O.V. Kurbatova // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2016. № 2(65). P. 3–6.

Информация об авторе

Бородавко Леонид Трофимович

доктор педагогических наук,
доцент,
профессор кафедры физической подготовки
и прикладного единоборства,
Санкт-Петербургский университет МВД России
borodavkoleonid27@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

Leonid T. Borodavko

Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Physical Training and Applied Martial Arts,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
borodavkoleonid27@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3017-7507>

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.26.93.014>
УДК 316

Attribution
cc by

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ДАГЕСТАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Газимагомедов Р.И., Умаханов Р.М.

Дагестанский государственный технический университет

Аннотация. В статье анализируется социальная справедливость, показано понимание ее содержания, которое заключается в обеспечении равных возможностей для получения материальных и духовных благ отдельно взятым индивидом. На основе вторичного анализа материалов отечественных исследователей даны оценка и восприятие понятия «социальная справедливость» в общественном сознании дагестанского населения; установлена востребованность в массовом сознании респондентов реализации принципов социальной справедливости во всех социальных сферах. Эмпирический материал констатирует существование в общественном сознании опрошенных неверия в возможность соблюдения социальной справедливости в современном дагестанском обществе: причину они усматривают в низком уровне социально-экономического развития региона, существовании коррупции, игнорировании республиканской властью материальных и духовных потребностей населения.

Ключевые слова: дагестанское население, социальная справедливость, социальные установки, социальное равенство, социальное неравенство, материальное благополучие.

SOCIAL JUSTICE: PERCEPTION AND EVALUATION IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF THE DAGESTANI POPULATION

Pamazan I. Gazimagomeov, Ruslan M. Umakhanov

Dagestan State Polytechnic University

Abstract. The article analyzes social justice, shows an understanding of its content, which consists in ensuring equal opportunities for obtaining material and spiritual benefits for an individual. Based on a secondary analysis of the materials of domestic researchers, the assessment and perception of the phenomenon of social justice in the public consciousness of the Dagestani population are shown. The relevance of the implementation of the principles of social justice in all social spheres in the mass consciousness of respondents has been established. The empirical material states the existence in the public consciousness of the surveyed population of disbelief in the possibility of observing social justice in modern Dagestan society: they see the reason in the low level of socio-economic development of the region, the existence of corruption, and the disregard by the republican government of the material and spiritual needs of the population.

Keywords: Dagestani population, social justice, social attitudes, social equality, social inequality, material well-being.

Введение. Проблема социальной справедливости, обеспечения равенства доступа к материальным и духовным благам не теряет своей актуальности ни на одном историческом этапе общественного развития, ибо закономерным является существование сложной общественной структуры, включающей в себя отличающиеся между собой по профессиональной, финансовой, образовательной, гендерной, национальной принадлежности социальные страты. Закономерно, что проблема социальной справедливости и необходимость соблюдения ее базовых положений активизируется в кризисные переломные периоды развития государственного образования и развития [1; 2]. Например, для Российского государства таковым является постсоветский период его истории, когда за не-

большой промежуток времени большой пласт населения оказался в непривычных для себя социально-экономических условиях. Естественно, что трансформация российского общества, обозначение приоритета либерально-демократических ценностей, гласности и т.д. неоднозначно было воспринято в общественном сознании. На смену советской однопартийной политической системе, при отсутствии оппозиции и иных политических партий, готовых отстаивать потребности отдельно взятого человека и группы, в перестроечный период появляется множество политических партий и объединений со своими программами и пониманием дальнейшего развития российского общества. Так, важнейшей целью политических партий их лидеры объявляли защиту прав человека, обеспече-

ние социальной справедливости, равного доступа граждан независимо от их социально-демографических отличий к получению услуг образования и здравоохранения, обеспечения работой и т.д. Декларированное лидерами политических образований приоритетность социальных гарантий и льгот, к сожалению, в последующем не всегда воплощалось в реальность.

Таким образом, в статье анализируется понимание социальной справедливости, сфер проявления неравенства.

Обсуждение. Результаты. «Что такое социальная справедливость?», «Каковы ее ключевые положения?» и «Насколько они реализованы в нашем обществе?» – эти вопросы должны быть первостепенными в социальной политике любого государства.

Если обратиться к феномену социальной справедливости, то в научном сообществе активно обсуждается ее проявление самых различных общественных сферах, вплоть до этнической. Более того, социальная справедливость была предметом изучения философов эпохи Просвещения (Д. Дидро, Ф. Вольтер, Ш. Монтескье, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо и др.). В политической философии XIX столетия появляется течение утилитаризм, представленное И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем, специфика которого заключается в том, что «он выводит справедливость из

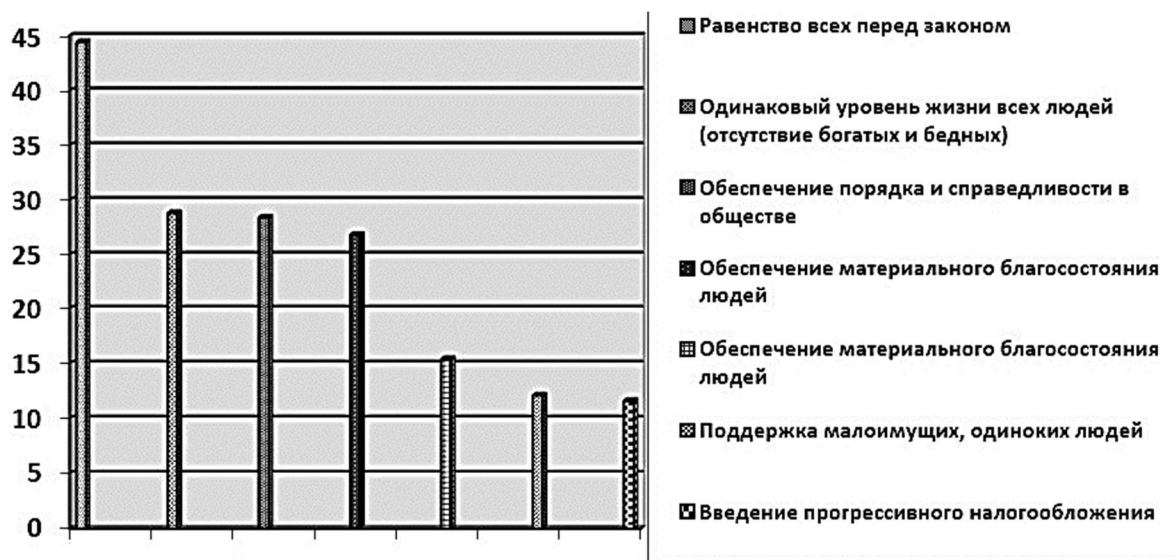
более широкого нормативного принципа – пользы или блага» [3, с. 51]. Кардинально иное понимание и толкование справедливости встречается в трудах Дж. Ролз: «в основе теории справедливости лежат два принципа: равенство для всех с точки зрения свобод и наличие экономического и социального равенства только если оно приводит к преимуществам для всех членов общества; при этом доступ к позициям и должностям должен отвечать условиям честного равенства возможностей и быть открытым для всех» [4, с. 110].

Среди российских ученых, исследующих справедливость, можно отметить В.Н. Аргунову [5], А.Б. Гофмана [6], Е.Н. Данилову [7], Г.Ю. Канарша [8], С.В. Марееву [9], М.Ю. Урнова [10], П.В. Фадеева [11] и др. Они рассмотрели справедливость с точки зрения философии, социологии, политологии, показали природу данного явления, ее восприятие и понимание в обществе.

По мнению С.В. Мареевой, «справедливость сегодня занимает важное место в мечтах населения о будущем страны» [9, с. 110]. В чем заключается содержательная наполненность феномена социальная справедливость и как уровень материального благополучия отражается на ее понимании человеком, являются предметом исследования. Респондентам был задан вопрос [12], позволяющий получить ответы на эти вопросы (Гистограмма 1).

Гистограмма 1

Содержательное наполнение социальной справедливости (%)

Аналитика показывает, что в массовом сознании респондентов с большим отрывом превалирует суждение «равенство всех перед законом», отмеченное 44,4 % респондентов по всему массиву. Среди возрастных групп, придерживающихся этой точки зрения, больше в возрастном разрезе 50–59 лет (53,1 %) и меньше в самом старшем возрастном подмассиве (35,9 %). С разницей в

1,5 раза смысл социальной справедливости 28,7 % респондентов по всему массиву усматривают в одинаковом уровне жизни всех людей; то есть, в отсутствии сословия богатых и бедных.

Анализ по возрастным подмассивам показывает, что одна треть именно социально активного слоя респондентов (когорта 30–49 лет) указывает на недопустимость существования в обществе со-

циального расслоения по материальному положению. По значимости в содержательном понимании социальной справедливости, на третье место опрошенные определили «обеспечение порядка и справедливости в обществе» (28,4 %) и здесь выделяются возрастные интервалы 15–19 лет (33,7 %) и 20–29 лет (33,8 %). Далее, 26,5 % опрошенных по всему массиву сутью социальной справедливости считают «обеспечение материального благосостояния людей», по возрасту выделяются подгруппы 30–39 лет (31,5 %) и 40–49 лет (34,1 %). По мнению 15,3 % опрошенного дагестанского населения по всему массиву социальной справедливости не существует, соответственно, бессмысленно вкладывать в нее какой-то смысл; вместе с тем, 12,3 % понимают справедливость как поддержка социально незащищенных групп населения.

По мнению М.М. Шахбановой, «можно констатировать довольно высокий запрос на социальную справедливость и апеллирование при этом исключительно к государству как гаранту защиты прав всех людей независимо от их социального статуса, положения, национальной и религиозной принадлежности» [13, с. 268]. В этой связи, актуально звучит мысль о том, что «в России же в 1990-е годы демонтаж советской системы начался и, в основном, ограничился свертыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме» [14; 15].

Изучение содержания социальной справедливости требует выявления сфер, в которых несправедливость населением ощущается. Подавляющая часть опрошенного дагестанского населения таковым считает существование неравенства в получении доходов (83,1 %): для дотационной республики, где уровень жизни заметно меньше, по сравнению, с богатыми природными

ресурсами регионами, существование такой точки зрения вполне обоснованно.

Большая часть дагестанского населения проживает в сельской местности, разумеется, многие услуги для него недоступны, что вынуждает его приезжать в город для получения медицинских и образовательных услуг, поэтому на существование неравных возможностей в данных сферах указывают 68,9 % респондентов. Вместе с тем, следует отметить, что в республике наблюдается строительный бум, в сельских поселениях строят частные дома со всеми удобствами, которые ранее населению не были доступны. Поэтому респондентов, указывающих на плохие жилищные условия и невозможность их улучшения, заметно меньше (одна треть).

Городская среда отличается от сельской местности по целому спектру показателей, поэтому имеет место большая безработица и трудности, сопряженные с поиском работы в сельской местности. Следствием является существование в Дагестане внутренней миграции, когда население горных районов перебираются на равнинные территории или в города. Основная масса мигрантов приезжает в столицу республики, ибо здесь практически нет проблемы трудоустройства, особенно в частном секторе. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание стремление человека делать карьеру; к примеру, в настоящее время жизненные цели особенно молодого поколения заметно изменились. Поэтому отмеченное опрошенными неравенство в получении хорошо оплачиваемой работы имеет место (47,3 % по всему массиву), выделяются возрастной разрез 20–29 лет и лица, имеющие высшее образование (39,8 %). Статистически незначимая доля отмечает отсутствие болезненных проявлений социальной несправедливости (3,1 %).

Важным в рамках исследования социальной справедливости является сопоставление данных о материальном благополучии респондентов и обозначение ими сфер, в которых они ощущают проявление неравных возможностей (табл. 1).

Таблица 1

Оценка материального положения (%)

Каково Ваше материальное положение? // В каких сферах Вы ощущаете социальную несправедливость?	Хорошее	Плохое	Удовлетворительное
Медицинские услуги	59,1	30,2	10,7
Образовательные услуги	73,9	19,1	7,0
Трудоустройство	61,2	29,1	9,7
Уровень доходов	43,1	50,3	6,6
Нет таких сфер, в которых есть неравенство	71,8	15,3	12,9

Сопоставление вопросов показывает, что когорта с низким уровнем материального благополучия своих возможности в различных сферах оценивает невысоко по сравнению с респондентами, не имеющими материальные затруднения. Что необходимо делать в такой ситуации? Видимо, государство должно внести определенные изменения в свою социальную политику.

Сложно представить общество социального благополучия, которое сможет в полной мере обеспечить всех граждан равными возможностями для получения необходимых услуг. Но свести к минимуму неравенство, стремиться нивелировать разницу в удовлетворении потребностей человека должно стать приоритетной в политике любого государства.

Заключение. Социальная справедливость является важным элементом в социальной политике государства. Существование неравенства в различных социальных сферах непременно будет дестабилизировать социум, ухудшать взаимоотношения внутри сообщества. Особенно сильно существование социальной несправедливости на себе ощущают социальные группы с низким

уровнем дохода, работающие на низкооплачиваемой работе, внутренние мигранты, которые сталкиваются с проблемой трудоустройства. Обеспечение равных возможностей для всех граждан, независимо от их гендерной, этнической, образовательной и т.д. принадлежности должно быть ключевой для государства.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье студенческой молодежи в условиях кризиса социальной справедливости: вызовы и угрозы безопасности России / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Инженерный вестник Дона. 2016. № 1. URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3524>
2. Касьянов В.В. Пандемия как социальная трагедия для российского населения: обострение системы неравенств / В.В. Касьянов, В.Н. Власова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 1. С. 34–38.
3. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: современная история идеи / Г.Ю. Канарш // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 1. С. 48–73.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. СПб. : ЛКИ, 2010. 536 с.
5. Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново : Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2004. 312 с.
6. Гофман А.Б. Мартовские тезисы о социологии равенства и неравенства / А.Б. Гофман // Социологические исследования. 2004. № 7. С. 23–26.
7. Данилова Е.Н. Периоды изменений в социальной политике и представлениях о социальной справедливости в России / Е.Н. Данилова // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2. С. 18–50.
8. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд-во МГУ, 2011. 236 с.
9. Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян / С.В. Мареева // Журнал институциональных исследований. 2015. Т. 7. № 2. С. 109–119.
10. Урнов М.Ю. Что есть справедливость? Попытка анализа массовых представлений / М.Ю. Урнов // Общественные науки и современность, 2012. № 5. С. 71–88.
11. Фадеев П.В. Социальная справедливость как фактор, интегрирующий мигрантов в местное сообщество / П.В. Фадеев // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 117–134.
12. Шахбанова М.М. Межэтнические отношения в Республике Дагестан: состояние, факторы напряженности, механизмы стабилизации. Махачкала : ИИАЭ ДНЦ, АЛЕФ, 2019. 362 с.
13. Шахбанова М.М. Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих / М.М. Шахбанова // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 3(25). С. 85–96.
14. Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М.К. Горшкова. М. : Новый хронограф, 2010. 256 с.
15. Шахбанова М.М. Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях / М.М. Шахбанова, А.М. Шахбанов; Гл. ред. Г.Г. Матишов // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции. Азов, 2007. С. 264–265.

References:

1. Gafiatulina N.Kh. Social health of students in the context of a crisis of social justice: challenges and threats to the security of Russia / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Engineering Bulletin of the Don. 2016. № 1. URL : <http://ivdon.ru/magazine/archive/n1y2016/3524>
2. Kasyanov V.V. Pandemic as a social tragedy for the Russian population: exacerbation of the system of inequalities / V.V. Kasyanov, V.N. Vlasova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. № 1. P. 34–38.
3. Kanarsh G.Y. Social justice: a modern history of the idea / G.Y. Kanarsh // Horizons of humanitarian knowledge. 2019. № 1. P. 48–73.
4. Rolls J. The theory of justice. SPb. : LKI, 2010. 536 p.

5. Argunova V.N. Social justice: value-institutional analysis. Ivanovo : Publishing House of the Ivanovo State University, 2004. 312 p.
6. Hoffman A.B. March theses on the sociology of equality and inequality / A.B. Hoffman // Sociological research. 2004. № 7. P. 23–26.
7. Danilova E.N. Periods of changes in social policy and ideas about social justice in Russia / E.N. Danilova // Sociological science and social practice. 2015. № 2. P. 18–50.
8. Kanarsh G.Y. Social justice: philosophical concepts and the Russian situation. M. : Publishing House of Moscow State University, 2011. 236 p.
9. Mareeva S.V. Justice and inequality in the public consciousness of Russians / S.V. Mareeva // Journal of Institutional Research). 2015. Vol. 7. № 2. P. 109–119.
10. Urnov M.Y. What is justice? An attempt to analyze mass representations / M.Y. Urnov // Social Sciences and Modernity, 2012. № 5. P. 71–88.
11. Fadeev P.V. Social justice as a factor integrating migrants into the local community / P.V. Fadeev // Sociological science and social practice. 2016. Vol. 4. № 3. P. 117–134.
12. Shakhbanova M.M. Interethnic relations in the Republic of Dagestan: the state, the factors of tension, the mechanisms of stabilization. Makhachkala : IIAE DNC, ALEF, 2019. 362 p.
13. Shakhbanova M.M. Religiosity and cult behavior of Dagestani believers / M.M. Shakhbanova // Islamic Studies. 2015. Vol. 6. № 3(25). P. 85–96.
14. Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension / Edited by chl.-corr. RAS M.K. Gorshkova. M. : New chronograph, 2010. 256 p.
15. Shakhbanova M.M. The causes of social conflicts in interethnic relations / M.M. Shakhbanova, A.M. Shakhbanov; Chief editor G.G. Matishov // Modern state and ways of development of the South of Russia. Materials of the regional scientific conference. Azov, 2007. P. 264–265.

Информация об авторах

Газимагомедов Рамазан Ибакович
кандидат исторических наук,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
ORCID id: 0000-0002-6570-8232
ramazan.gazimagomedovz@yandex.ru

Умаханов Руслан Магомедсаламович
кандидат исторических наук,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
ORCID id: 0009-0008-5557-4382
umakhanov.74@mail.ru

Pamazan I. Gazimagomeov
Candidate of Historical Sciences,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
ORCID id: 0000-0002-6570-8232
ramazan.gazimagomedovz@yandex.ru

Ruslan M. Umakhanov
Candidate of Historical Sciences,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
ORCID id: 0009-0008-5557-4382
umakhanov.74@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.52.12.005>
УДК 316.4

Attribution
cc by

ВИРТУАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Долгих К.С.

Пятигорский государственный университет

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности виртуальной мобильности современного общества. Было проведено исследование предпочтений данного направления мобильности для современной молодежи. Исследование не только является актуальным, но и имеет практическую значимость, т.к. может быть использовано для достижения различных целей: коммерческих или информационных, когда для наилучшего результата необходимо использовать предпочтения молодого поколения.

На современном этапе развития Интернета виртуальная мобильность играет огромную роль. Целью работы было изучение современного молодого поколения, рождённого в век интернета, исследование его предпочтений к онлайн и офлайн горизонтальной мобильности. Исследования проводились при помощи метода анкетного опроса. В процессе работы были изучены выборы молодежью стратегий горизонтальной мобильности, отношение к компьютерным играм, к виртуальному миру в целом и к офлайн горизонтальной мобильности.

Ключевые слова: виртуальная мобильность, горизонтальная мобильность, трансляционные мобильности, нетрансляционные мобильности, социальная стратификация.

VIRTUAL MOBILITY OF YOUTH IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Ksenya S. Dolgikh

Pyatigorsk State University

Abstract. The article discusses the main features of the virtual mobility of modern society. The preferences of the direction of mobility of modern youth were studied. The research has practical significance, and can be used to achieve various goals: commercial or informational, when it is necessary to use the preferences of the younger generation for the best result.

Virtual mobility plays a huge role at the present stage of Internet development. The purpose of the work was to study the modern young generation, which was born in the age of the Internet, to study their preferences for online and offline horizontal mobility. The research was carried out using the method of questionnaire express farrowing. In the process of work were studied young people's choices of horizontal mobility strategies, their attitude to computer games, to virtual world in general and to offline horizontal mobility.

Keywords: virtual mobility, horizontal mobility, translational mobility, non-translational mobility, social stratification.

Введение. Сложно представить жизнь людей без виртуального пространства, в котором индивиды проводят много времени, передают друг другу информацию, порождая, так называемую, виртуальную мобильность.

Современное поколение не представляет себе жизни без всемирной информационной компьютерной сети. Общение, работа, время провождения в сети Интернет являются естественными процессами. Возникает эффект виртуальной мобильности как неотъемлемой части жизнедеятельности современного общества, в особенности молодежи. Пользователи социальной сети проводят в виртуальной среде большое количество времени, совершают огромное количество разнообразных путешествий.

Виртуальная мобильность – это возможность человека взаимодействовать с отдалёнными пространствами, которые могут находиться за сотни тысяч километров [9]. Речь идёт именно о виртуальных путешествиях людей. Такие путешествия могут производиться в режиме реального времени или с какой-то отсрочкой времени. Виртуальные перемещения индивидов можно разделить на трансляционные перемещения и нетрансляционные путешествия.

Трансляционные мобильности – это виртуальные перемещения индивидов в режиме реального времени [23]. Например, прямой эфир какой-либо телевизионной программы или какого-то важного события в настоящий момент времени. Индивиды наблюдают за этой трансляцией и

иногда видят, что происходит в режиме реального времени за сотни километров, при этом они способны испытывать яркие эмоции и откликаться на сложившиеся положительные или отрицательные обстоятельства.

Нетрансляционные мобильности – это виртуальные перемещения индивидов с отсрочкой во времени. В данном случае, речь идёт о просмотре записей телепередач, лекций, сделанных ранее видеозаписей и пр. [18].

Обсуждение. В последние годы интернет-технологии постоянно совершенствуются, и вир-

туальная мобильность в обществе постоянно растёт. Если анализировать диаграмму (рис. 1), то очевидно, что число абонентов мобильного и стационарного интернета постоянно увеличивается. С годами у людей появляется всё больше и больше возможностей осуществлять виртуальную мобильность с помощью разных технических устройств.

Исследование динамики увеличения числа абонентов стационарного интернета показало, что их рост намного более плавный в сравнении с мобильным.

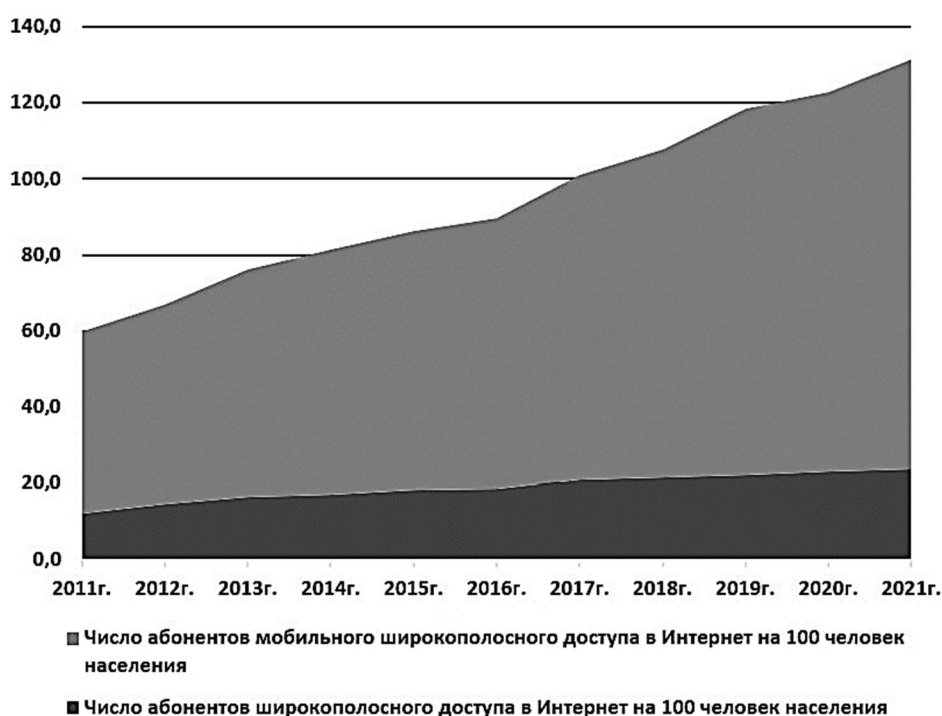

Рисунок 1 – Доступ в Интернет в Российской Федерации [16]

Это объясняется тем, что стационарный Интернет стал раньше широко использоваться людьми, чем мобильный Интернет. Всплеск использования мобильного интернета приходится на время с 2011 по 2021 год, что, вероятно, связано с широким использованием смартфонов населением. Данные факторы привели к стремительному росту виртуальной мобильности, связанной мобильным интернетом. Вместе с тем, количество вариантов вертикальной мобильности постоянно увеличивается.

Виртуальную мобильность можно классифицировать на горизонтальную виртуальную мобильность и вертикальную виртуальную мобильность.

Горизонтальная виртуальная мобильность, по аналогии с горизонтальной мобильностью, в реальном социуме [7] – это перемещения индивида в виртуальном пространстве без изменения со-

циального статуса. Такое перемещение может осуществляться индивидом по миру, связанному с реальным офлайн-пространством. Примером может быть просмотр видеороликов по туристским объектам Российской Федерации, то есть, когда мы переносим реально существующие объекты в виртуальный мир. Также, можно выделить путешествие индивидов по виртуально синтезированному миру, когда люди совершают горизонтальные путешествия по несуществующим в реальном мире пространствам. Примером является просмотр видеороликов о вымышленных инопланетных мирах.

Вертикальная виртуальная мобильность имеет прямое отношение к компьютерным играм или к различным интернет-сообществам, где люди могут занимать определённые социальные позиции в своеобразной стратификации. Например, в некоторых компьютерных играх есть игровые сообщества. В зависимости от принадлеж-

ности к определённому слою в игре, индивид приобретает преимущество, силу, власть. Принадлежность к высшим слоям в играх зависит от объёмов реальных денежных средств, вложенных в «прокачку персонажа» или большим количеством выполненных действий, сравнимых с работой в реальной жизни. Однако данные достижения ценятся преимущественно в виртуальном мире, не считая киберспорт, где виртуальные достижения становятся реальными.

Бывает также, что у человека происходит вертикальная мобильность в интернет-среде, однако, его достижения ценятся и в реальной жизни. К примеру, человек занимает какой-то статус, работая в сети Интернет, но это отражается и на его реальной зарплате, и, соответственно, человек получает бонусы для реальной жизни. При этом абсолютно нельзя сбрасывать виртуальную социальную мобильность со счетов, так как индивиды в процессе мобильности вступают во взаимоотношения с реальными людьми, и социальная иерархия выстраивается с реальными индивидами, подключенными онлайн.

Таким образом, виртуальное пространство становится прообразом реального мира.

В своих работах современные российские социологи выделили различные формы горизонтальной виртуальной мобильности: путешествия при помощи сервисов онлайн карт, видеозаписи поездок, фильмы о путешествиях видеоблогеров, виртуальные экскурсии и прочее [19].

С каждым годом в жизни людей появляются всё новые направления виртуальной мобильности. Так, с появлением Интернета люди путешествовали в пределах сайтов в сети, затем появились социальные сети, что позволило путешествовать и там.

В процессе своей жизнедеятельности индивиды не только совершают виртуальные путешествия, они научились управлять ими. Задачей каждого сайта и любой социальной сети является удержание пользователя в своих границах как можно дольше. Карта сайта представляет собой варианты путей движения пользователя [15].

Сайт лучше индексируется в сети Интернет, если его посещают как можно большее количество людей и как можно больше времени проводят, путешествуя по различным страницам этого сайта.

Для управления перемещениями по сайтам и удержанием пользователей возникают специальные профессии – seo-специалисты. Эти специалисты изучают движения индивида по своим рабочим сайтам. Создаются инструменты, например, вебвизоры, которые представляет собой ничто иное как видеосъемку переходов индивида по данному конкретному сайту.

Таким образом, изучая путешествия пользователей по сайтам, специалисты выделяют наиболее популярные направления путешествий. Создаются другие аналогичные успешные страницы для посещения и виртуальных путешествий.

Похожий принцип работы и у социальных сетей. Социальная сеть – это как «паутина». Всё сделано таким образом, чтобы человек переходил с одной страницы на другую, путешествовал как можно дольше, приобретал социальные связи, налаживал взаимодействие. Успешность социальной сети определяется частотой и объёмами социальных интеракций пользователя.

Большое количество российских авторов посвятили свои исследования виртуальной академической мобильности (И.Ю. Гагарина, О.М. Куликова, И.И.Лисович, Ю.А. Квасова, В.Л. Леонтьева, В.А. Пулькина и пр). Однако авторами не изучалось, какие виды мобильности предпочитает современное молодое поколение. Эти исследования можно использовать в практических целях для продажи тех или иных продуктов, а также – для информационного воздействия на молодое поколение в образовательных целях и пр.

Результаты. Различные поколения совершают разные виды виртуальных путешествий, характерные именно для этих поколений. Например, для каких-то поколений сегодня очень популярны социальные сети. В работе была поставлена задача изучить, какие направления виртуальной мобильности характерны для юношей и девушек в возрасте 15–18 лет, а также выяснить насколько для них важна виртуальная мобильность и как они к ней относятся.

В целях исследования предпочтений молодого поколения в виртуальной реальности было проведено социологическое исследование в форме онлайн-анкетирования. Количество респондентов составило 400 человек, которые были опрошены в период с июня по август 2023 года.

Анализ результатов исследования показывает, что 79,6 % опрошенных указали на то, что посещение сайтов, мессенджеров, социальных сетей, компьютерных игр является для них путешествием в другой (виртуальный) мир. При этом 98 % респондентов отметили, что они любят посещать сайты, социальные сети, пользуются мессенджерами, то есть им нравится виртуальная мобильность. Так, например, 57,1 % опрошенных ответили, что они проводят в социальных сетях более трёх часов в день, а 87,8 % отметили, что им нравится больше посещать социальные сети, чем сайты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что представители опрашиваемого возраста относятся к поколению, которое любит виртуальные путешествия по социальным сетям больше, чем путешествия по сайтам различной тематики (рис. 2).

Диаграмма 1

Ответы на вопрос: «Сколько времени вы проводите в социальных сетях?»

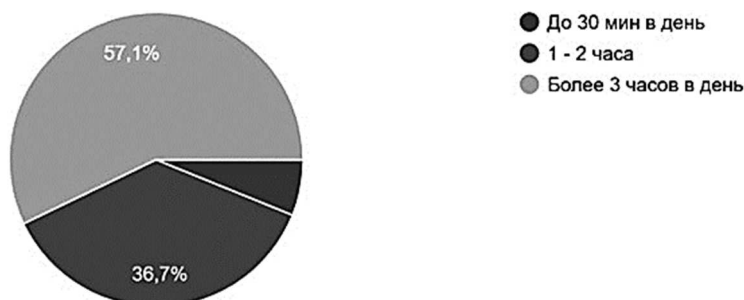

Диаграмма 2

Ответы на вопрос: «Что вам нравится посещать больше: социальные сети или сайты?»

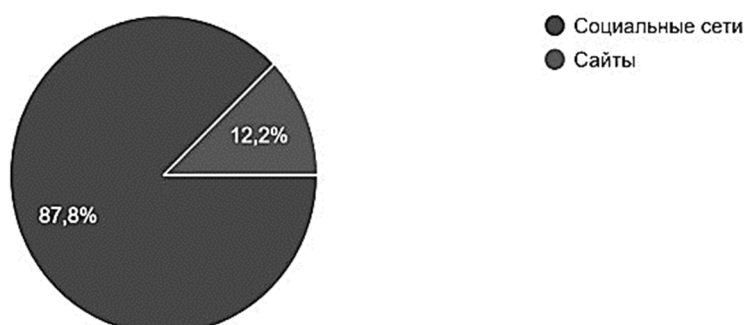

Рисунок 2 – Данные опроса о сравнении виртуальных путешествий о сайтах или социальных сетях

В процессе исследования также было выявлено, что при поиске информации большая часть респондентов предпочитает заходить в поисковые системы браузеров чаще, чем пользоваться поисковой строкой социальной сети, несмотря на высказанные ранее предпочтения виртуальных путешествий в социальных сетях.

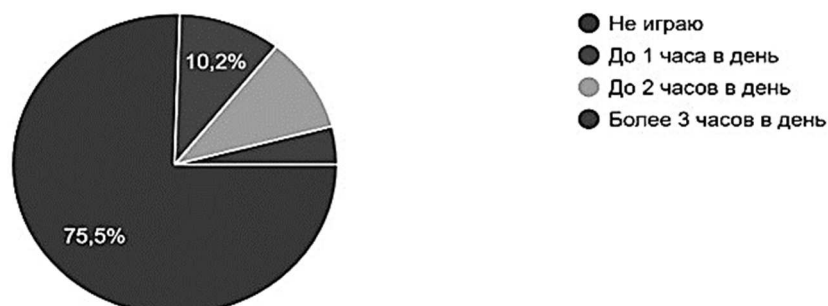
Также, была поставлена задача выяснить, насколько респонденты любят совершать виртуальные путешествия в компьютерных играх. Большая часть опрошенных (75,5 %) отметили, что не совершают виртуальных путешествий в компьютерных играх, а 10,2 % опрошенных отметили, что проводят в компьютерных играх менее одного часа в день.

Также, индивидам был задан вопрос: Что для них более интересно: реальное путешествие в другой город, или просмотр страницы об этом городе в социальной сети? Значительная часть опрошенных (95,9 %) ответила: для них более важным является путешествие в реальном мире, несмотря на то, что они любят ежедневно осуществлять виртуальные путешествия в социальных сетях.

Также, респондентам задавался вопрос: Какой вид путешествий, по их мнению, будет преобладать в будущем? Большая часть опрошенных – 63,3 % ответила, что будущее за обоими видами путешествий в равной степени. При этом меньшая часть респондентов (14,3 %) считает, что будущее за виртуальными путешествиями (рис. 3).

Диаграмма 3

Ответы на вопрос: «Сколько времени вы проводите в компьютерных играх?»

Ответы на вопрос: «Как вы считаете: будущее за виртуальным миром или за реальным миром?»

Рисунок 3 – Результаты опроса (данные о компьютерных играх и прогноз видов путешествий)

Еще одним вопросом, на который респондентам было предложено ответить был вопрос о способах входа в Интернет. Молодых людей спрашивали о том, каким способом они совершают виртуальные путешествия чаще всего: через телефон или через компьютер. Большая часть опрошенных (95 %) ответили, что они, как правило, путешествуют через мобильный телефон.

Вместе с тем, когда опрашиваемых индивидов спросили, что для них является более важным: встреча с друзьями в реальном мире (офлайн) или общение с ними же в социальной сети, большая часть опрошенных (95,9 %) ответила, что для них более важным событием является встреча с друзьями в реальном мире.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что, опрашиваемые респонденты, которые относятся к поколению социальных сетей и много времени проводят там, любят эти социальные сети, но при этом очень ценят общение с людьми в реальном мире. Однако как показали результаты исследований, молодые люди самостоятельно не предпринимают больших усилий для того, чтобы это общение организовать: если кто-то организует для них общение в реальном мире, они с радостью это предложение примут. Такой расклад связан с тем, что виртуальные путешествия более доступны на сегодняшний день, чем та же горизонтальная не виртуальная мобильность.

Также, большая часть опрошенных относится к посещению социальных сетей, сайтов, мессенджеров как путешествию в виртуальном мире. Несмотря на любовь к путешествиям в социальных сетях, опрашиваемые индивиды любят искать информацию не в поисковиках социальных сетей, а в поисковой строке браузера. Большая часть опрошенных молодых людей и девушек или не играет в компьютерные игры, или проводит там менее одного часа в день.

Таким образом, виртуальные путешествия в компьютерных играх респондентам не интересны. Будущее, по мнению молодёжи, как за виртуальными путешествиями, так и за не виртуальной горизонтальной мобильностью.

Респонденты также показывают, что молодое поколение не ушло полностью в виртуальную горизонтальную мобильность, а открыто также и к классической горизонтальной офлайн мобильности.

В горизонтальной виртуальной мобильности юноши и девушки используют различные направления, и нельзя утверждать, что современная молодёжь предпочитает только виртуальную горизонтальную мобильность социальных сетей.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

- Гагарина И.Ю. Виртуальная академическая мобильность в высшем образовании / И.Ю. Гагарина, О.М. Куликова, И.И. Лисович // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». М., 2021. № 1(9(2)). С. 290–306.
- Гофман А.Б. Социальная мобильность и ее разновидности. URL : <https://openedu.ru/course/hse/GSOC/> (дата обращения 26. 05. 2023).

3. Долгих К.С. Анализ органической выдачи и степени использования инструментов SEO-оптимизации сайтов для продвижения услуг санаториев города Пятигорска (Материалы научно-методического чтения «Университетские чтения – 2021»). ПГУ. Пятигорск : ПГУ, 2021. С. 44–49.
4. Долгих К.С. Лингвистическое образование как фактор развития инкамингового туризма и академической мобильности в России / К.С. Долгих // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионального образования : в 2-х частях. Пятигорск : ПГУ, 2021. – Ч. II. – С. 100–104.
5. Квасова Ю.А. Академическая мобильность как инструмент международного коммуникативного взаимодействия вузов / Ю.А. Квасова, В.Л. Леонтьева, В.А. Пулькина // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2022. № 1. С. 40–49.
6. Кузнецов А.А. Виртуальная мобильность: проблемы, возможности, перспективы / А.А. Кузнецов // Мир науки, культуры образования. – Горно-Алтайск 2023. – № 5(102). – С. 40–41.
7. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; Под ред. А.Ю.Согомонова. М. : Издательство политической литературы, 1992. 544 с.
8. Урри Дж. Мобильности. / Пер. с англ. М. : Праксис, 2012. 501 с.
9. Урри Дж. 2017. Офшоры / Пер. с англ. М. : Дело: РАНХиГС. 288 с.
10. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри; Пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
11. Козлова Н.А. Академическая мобильность: сущность, векторы и стратегии развития : монография. СПб. : ТЭИ, 2012. 88 с.
12. Панчук Н.Н. Влияние социальных связей на социальную мобильность / Н.Н. Панчук, А.Ф. Гарнага // Социология. М., 2019. № 6. С. 108–112.
13. Прохорова А.М. SEO-оптимизация / А.М. Прохорова // Экономические науки. М., 2023. № 30. С. 79–82.
14. Федеральная служба государственной. URL : <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения 07.09.2023).
15. Филиппов А.Ф. 2001. Социология пространства. СПб. : «Владимир Даль», 2008. 285 с.
16. Харламов Н.А. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри. М. : Праксис, 2012. 576 с.
17. Ходыкин А.В. Социологический анализ распространения виртуальных мобильностей как формы виртуализации пространственных перемещений (на основании социологии мобильностей Джона Урри) / А.В. Ходыкин // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 3. С. 579–588.
18. Ходыкин А.В. Систематизация трактовок взаимосвязи физического и социального пространства в социологических теориях. В кн.: Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В.А. Ядова). М. : ФНИСЦ РАН. С. 285–290.
19. Urry J. *Automobility, Car Culture and Weightless Travel*. 1999. URL : <http://www.comp.lancaster.ac.uk/socialogy/soc008ju.html> (date of the application 08.10.2023).
20. J. Urry *Mobile sociology* / J. Urry // *British Journal of Sociology*. 2000. № 51. P. 185–203.

References:

1. Gagarina I.U. Virtual academic mobility in higher education / I.U. Gagarina, O.M. Kulikova, I.I. Lisovich // Bulletin of the Russian State University. The series «Literary criticism. Linguistics. Cultural studies». М., 2021. № 1 (9(2)) – P. 290–306.
2. Hoffman A.B. Social mobility and its varieties. URL : <https://openedu.ru/course/hse/GSOC/> (date of the application 26. 05. 2023).
3. Dolgikh K.S. Analysis of organic issuance and the degree of use of SEO optimization tools for the promotion of services of health resorts in Pyatigorsk / K.S. Dolgikh // Materials of scientific and methodological readings «University readings – 2021». PSU. Pyatigorsk : PSU, 2021. P. 44–49.
4. Dolgikh K.S. Linguistic education as a factor in the development of inbound tourism and academic mobility in Russia // Language and culture in the era of integration of scientific knowledge and professional education : in 2 parts. Pyatigorsk : PSU, 2021. – Part II. P. 100–104.
5. Kvasova U.A. Academic mobility as an instrument of international communicative interaction of universities / U.A. Kvasova, V.L. Leontieva, V.A. Pulkina // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2022. № 1. P. 40–49.
6. Kuznetsov A.A. Virtual mobility: problems, opportunities, prospects / A.A. Kuznetsov // The world of science, culture and education. Gorno-Altaysk 2023. № 5(102). – P. 40–41.
7. Sorokin P.A. *Man. Civilization. Society* / P.A. Sorokin; Edited by A.Y.Sogomonov. М. : Publishing House of Political Literature, 1992. 544 p.
8. Urry J. *Mobility*. Translated from English by M., Praxis, 2012. 501 p.
9. Urry J. 2017. *Offshore companies*. Translated from English. М. : Delo, RANEPА. 288 p.
10. Urry J. *Sociology beyond societies. Types of mobility for the XXI century* / J. Urry // Translated from the English by D. Kralechikina — М.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 336 p.
11. Kozlova N.A. *Academic mobility: the essence, vectors and strategies of development* : monograph. SPb. : TEI, 2012. 88 p.
12. Panchuk N.N. The influence of social ties on social mobility / N.N. Panchuk, A.F. Garnaga // *Sociology*. М., 2019. № 6. P. 108–112.
13. Prokhorova A.M. SEO-optimization / A.M. Prokhorova // *Economic Sciences*. М., 2023. № 30. P. 79–82.
14. Federal State Service. URL : <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (date of the application 07.09.2023).

15. Filippov A.F. 2001. Sociology of space. SPb. : «Vladimir Dal», 2008. 285 p.
16. Kharlamov N.A. A new society or a new science of society? Sociology of mobility by John Urry. M. : Praxis, 2012. 576 p.
17. Khodykin A.V. Sociological analysis of the spread of virtual mobility as a form of virtualization of spatial movements (based on John Urry's sociology of mobility) / A.V. Khodykin // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2020. Vol. 45. № 3. P. 579–588.
18. Khodykin A.V. Systematization of interpretations of the relationship between physical and social spaces in sociological theories. In: The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations (to the 90th anniversary of the birth of V.A. Yadov). M. : FNIST RAS. P. 285–290.
19. Urry J. 1999. Automobility, Car Culture and Weightless Travel. URL : <http://www.comp.lancaster.ac.uk/socialogy/soc008ju.html> (date of the application 08.10.2023).
20. J.Urry Mobile sociology// British Journal of Sociology. 2000. № 51. P. 185–203.

Информация об авторе

Долгих Ксения Сергеевна
старший преподаватель
кафедры туризма и гостиничного сервиса,
Институт иностранных языков
и международного туризма,
Пятигорский
государственный университет
ksena2021@list.ru
ORCID 0000-0002-3929-0290

Ksenia S. Dolgikh
Senior Lecturer of the Department
of Tourism and Hotel Service, University
of the Foreign languages
and International Tourism,
Pyatigorsk State University
ksena2021@list.ru
ORCID 0000-0002-3929-0290

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.47.94.020>

УДК 316.4

Attribution

cc by

КОРПОРАТИВНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Муллахмедов Х.С.

Дагестанский государственный технический университет

Аннотация. Вопрос здоровья и качество медицинской помощи являются актуальными для современного российского общества. Существенное влияние на изменение сферы здравоохранения оказали кардинальные преобразования постсоветского периода, когда на фоне ухудшения экономического положения в России заметно снизилось финансирование социальной сферы, в том числе и медицинской. Заметно ситуацию, причем позитивно, изменило появление платной медицины, частных медицинских центров, которые могли оказать квалифицированную и качественно лучшие медицинские услуги населению. Эмпирический материал показывает, что в общественном сознании опрошенных дагестанцев имеет место положительная оценка сферы здравоохранения, причем явно выраженных отличий между государственным и частным сектором медицинской помощи респонденты не отметили: в обеих структурах они усматривают недостатки. Кроме того, респонденты подчеркнули отсутствие узкопрофильных специалистов, а также нехватка квалифицированного медицинского персонала. Эмпирический материал показывает, что пациенты независимо от своего материального положения, чаще обращаются в платные медицинские учреждения. Частные медицинские клиники чаще участвуют в разовых акциях по оказанию медицинской помощи, при этом отсутствует программа корпоративной волонтерской деятельности. Низкие показатели корпоративного волонтерства, видимо, обусловлены тем, что мусульманское население республики выплачивает религиозный налог (закят), средства которого направляются на оказание помощи нуждающимся социальным категориям.

Ключевые слова: корпоративное волонтерство, медицинское волонтерство, здоровье, медицинская помощь, медицинские услуги, пациент.

CORPORATE VOLUNTEERING IN THE FIELD OF HEALTHCARE (USING THE EXAMPLE OF DAGESTAN)

Hadzhimurad S. Mullahmedov

Dagestan State Technical University

Abstract. The issue of health and the quality of medical care are relevant for modern Russian society. The cardinal transformations of the post-Soviet period had a significant impact on the change in the healthcare sector, when, against the background of the deterioration of the economic situation in Russia, the financing of the social sphere, including medical, significantly decreased. The situation was noticeably, and positively, changed by the emergence of paid medicine, private medical centers that could provide qualified and high-quality medical services to the population. Empirical material shows that there is a positive assessment of the healthcare sector in the public consciousness of the Dagestanis surveyed, and the respondents did not note any pronounced differences between the public and private sectors of medical care: they see shortcomings in both structures. In addition, respondents stressed the lack of highly specialized specialists, as well as the lack of qualified medical personnel. Empirical material shows that patients, regardless of their financial situation, often turn to paid medical institutions. Private medical clinics are more likely to participate in one-time medical assistance campaigns, while there is no corporate volunteer program. The low rates of corporate volunteering are probably due to the fact that the Muslim population of the republic pays a religious tax (zakat), the funds of which are directed to providing assistance to needy social categories.

Keywords: corporate volunteering, medical volunteering, health, medical care, medical services, patient.

Введение. Изменение социально-экономического уклада российского общества имело как отрицательную, так и положительную траекторию разви-

тия в различных сферах жизнедеятельности человека и одной из таких является сфера здравоохранения, которая всегда вызывала много вопросов и

негатива со стороны населения: «к числу острых проблем постсоветской России относится сохранение и укрепление здоровья населения. Несмотря на всю сложность, ситуация в данной сфере динамично меняется, о чем свидетельствуют показатели состояния здоровья россиян. Одним из таких базовых показателей, отличающихся высокой надежностью и широко используемых в эмпирических исследованиях, является самооценка здоровья» [1, с. 70]. Следует отметить, что объективные условия для этого имелись: в перестрочный период практически все важные для полноценного функционирования человека области оказались в кризисе и наиболее пострадавшими, по мнению автора, можно считать здравоохранение и образование, хотя иные оказались не в лучшей ситуации. Обозначение на государственном уровне принципов рыночной экономики и рыночного развития Российского государства, затронули не только «чисто» экономическую область, рыночные взаимоотношения проникли и в социальные сферы, в то же здравоохранение. Хорошо это или плохо? Данный процесс следует рассматривать в разных ракурсах и ключевой здесь будет оценка когортой, получающей медицинские услуги, их качества, уровня квалификации врача, наличие/отсутствие доверия пациента к лечащему врачу, характер коммуникации (диалог «врач-пациент») и др.

Появление платной медицины в российской системе здравоохранения имеет позитив, потому что предоставляет возможность выбора для человека: он заранее может ознакомиться с перечнем оказываемых услуг, их качеством, иметь представления (отзывы) других пациентов о врачах за помощью к которому намерен обратиться. Иными словами, можно утверждать, что платная медицина внесла свою лепту в улучшение качества оказания услуг в государственных медицинских учреждениях, ибо появилась конкуренция между муниципальными и частными медицинскими клиниками и больницами. Кроме того, существенное значение имеет возможность немного ослабить напряженность в сфере медицины (огромные очереди), невозможность получить услугу по месту проживания, впрочем, как отсутствие узких специалистов.

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в рамках социологии здоровья вопрос коммуникации врача и пациента является важным: «коммуникации в организации – это взаимодействие между лечебными учреждениями в структуре здравоохранения, взаимоотношения между сотрудниками по поводу внутреннего климата организации. Межличностная коммуникация – это взаимодействие, где отправитель и получатель – отдельные индивиды. Применительно к здоровью это отношения врач-пациент, врач-врач, врач – семья пациента, пациент – его ближайшее окружение, пациент – больные аналогичными заболеваниями, взаимодействие в рамках организаций пациентов и т.п.» [2].

Вопрос социального здоровья населения активно обсуждается в научной литературе, в частности, в трудах Н.И. Беловой [3], Б.П. Денисова [4], В.В. Касьянова [5], И.Л. Андреева [6] и др.

Методика исследования. С целью установления распространенности корпоративного волонтерства в сфере здравоохранения, а также выявления характера взаимоотношений пациента и врача был проведен массовый стандартизированный опрос в городах и районах Республики Дагестан. В исследовании участвовал медицинский персонал государственных и частных медицинских центров, а также пациенты обеих структур. N = 793 чел.

Обсуждение результатов исследования. В ходе исследования характера взаимоотношения «врач-пациент» был задан вопрос: «Как Вы оцениваете квалификацию Вашего лечащего врача?». Позитивно отношение демонстрирует подавляющая часть опрошенных, 23,1 % считают его удовлетворительным, 5,6 % недовольны и считают, что обслуживающий их врач недостаточно компетентен. На уточняющий вопрос: «Чем Вы конкретно недовольны?» подгруппе, которая негативно характеризует «своего врача» (23,3 %), К сожалению, пугает уровень медицинской квалификации (установление диагноза) и характер общения с пациентом: в основном, они недовольны качеством консультации («со мной не обсуждают мою болезнь», «равнодушное отношение», «медсестра больше знает, что мне нужно делать», «отвлекается на ненужные разговоры», «во время приема может зайти другой пациент и мой врач с ним общается»). Общеизвестным является факт «равнодушия врача к своим пациентам», однако, здесь вполне может иметь место «выгорание врача», который морально «устает» от больных, особенно от неизлечимо и тяжело болеющей категории. В общественном сознании сформировалось мнение о том, что врач сам изначально не нуждается в медицинской помощи («Он же врач, все знает, может себе назначения сделать») и данный тезис является ошибочным. Врач такой же живой человек, который наряду с людьми, имеющими другую специализацию, не меньше, а порой - и больше нуждается даже не в медицинской, а больше в психологической помощи.

Далее, в исследовании респондентов попросили оценить работу государственных и частных медицинских учреждений. И следует отметить, что авторская гипотеза о превалировании положительной оценки частного медицинского сектора результатами исследования не подтвердилась: 56,3 % качество обслуживания в коммерческом секторе медицины оценивают положительно, такая же характеристика и в отношении государственного сектора демонстрирует чуть меньшая часть опрошенных (48,1 %). При этом 31,3 % отрицательно характеризуют частную медицину и 29,1 % государственную. В данном случае, респонденты уточняют, что в частном секторе «все дорого», в государственном («нужно отбла-

годарить врача», «трудно получить направление на дорогостоящие исследования»). Суждение «не вижу отличий ближе» отмечено 39,6 % респондентов.

Российские исследователи показывают, что такое же восприятие и оценка медицинского обслуживания характерно и другим регионам страны: «около трети россиян считают, что отечественная сфера здравоохранения сегодня не в состоянии обеспечить доступ граждан к медицине. Только половине наших соотечественников врачебная помощь кажется доступной... среди наиболее частых проблем, с которыми можно столкнуться в государственной или муниципальной поликлинике, граждане называют долгое ожидание записи и/или нахождение в очереди, назначение платных услуг, невозможность получить все услуги в одном месте и отсутствие нужного специалиста. Около 40% респондентов уверены в том, что в российском здравоохранении, в первую очередь, необходимо справиться с проблемой нехватки врачей, со слабой оснащённостью медучреждений современным оборудованием (33%), с недостаточным уровнем профессиональной подготовки врачей (30%). Четверть опрошенных указывают на первостепенность недоступности медицинской помощи для населения (неудобное расположение больниц, дорогие лекарства, услуги)» [7, с. 96].

Исследователи не одно десятилетие подчеркивают нехватку медицинского персонала. Однако никто не задается вопросом: «Почему при наличии медицинских вузов, колледжей (причем на каждом из них осуществляется обучение на коммерческой основе) страна испытывает

острую нехватку врачей и среднего медицинского персонала?».

Ответ лежит на поверхности:

Во-первых, изменилась послевузовская подготовка – если несколько лет тому назад имело место два уровня подготовки (ординатура – 1 год и интернатура – 2 года), то на смену ей пришла одна форма – 2-летняя ординатура. Возможности пройти на бюджетное место в ординатуру, даже для хорошо отучившихся выпускников, к сожалению, небольшая. Поэтому они вынуждены оплачивать ординатуру для последующего устройства на работу. При этом оплата за обучение немаленькая, в зависимости от престижности места прохождения учебы.

Таким образом, вся эта цепочка множества взаимосвязанных факторов в целом создает большие проблемы в сфере здравоохранения и, видимо, власти необходимо принимать меры для улучшения ситуации.

Ранее было отмечено, что в выборку исследования вошли врачи и средний медицинский персонал частных медицинских центров. При анализе полученной эмпирики отдельно была выделена подгруппа частных медицинских центров, чтобы получить представление о степени вовлеченности их в волонтерскую деятельность (Гистограмма 1). Полученный материал показывает, что респонденты отмечают важность помощи частных медицинских центров в качестве волонтеров для оказания помощи в профилактике наркомании, алкоголизме среди подрастающего поколения (77,3 %), эта проблема имеет место, масштабы ее распространения только расширяются.

Гистограмма 1

Распределение ответов на вопрос «Какая деятельность, по Вашему мнению, является первоочередной при осуществлении корпоративного волонтерства?» (%)

Следовательно, необходимо вести не только пропаганду здорового образа жизни, но оказывать реальную медицинскую помощь категории,

которая оказалась вовлеченной в среду наркоманов.

По значимости второе ранговое место занимает вариант ответа, также подразумевающий помощь в конкретно взятой социальной сфере; в данном контексте, и в медицинской: «бесплатные медицинские, образовательные, юридические услуги нуждающимся категориям людей» (65,1 %). Суждения «оказание помощи социальным учреждениям (детдом, хоспис, помощь одиноким и больным и т.д.)», «участие в экологических акциях», «профессиональное наставничество», «благоустройство территорий (озеленение парков, скверов)», «помощь в поиске пропавших людей», «помощь в строительстве социальных объектов (школы, садики, больницы)» имеют не меньше значение для респондентов.

Анализ корпоративного волонтерства показывает, что в современном дагестанском обществе он, к сожалению, не получил широкого распространения. Причина, видимо, кроется в том, что в республике преимущественно проживает мусульманское население, которое выплачивает религиозный налог (закят): он уходит на удовлетворение потребностей социально нуждающихся категорий дагестанского населения, обеспечение учеников религиозной школы (медресе), а также на другие потребности [8; 9]. Вместе с тем, имеет место, когда в месяц Рамадан клиники объявляют акции на оказание со скидкой услуг стоматолога, УЗИ, мрт исследований.

Заключение. Таким образом, анализ восприятия сферы здравоохранения и качества медицинских услуг в оценках дагестанского населения показывает, что, в целом, их неудовлетворенность с

доводами отсутствия специалистов узкого профиля; явно выраженного отличия в оценке государственного и частного секторов медицинской помощи не наблюдается. Опрошенные недостатками в частном секторе считают «высокие цены»; кроме того, они подчеркивают, что препараты «приходится приобретать за свой счет».

Разумеется, в сфере здравоохранения имеются огромные проблемы, которые копились десятилетиями, поэтому население вынуждено обращаться в частные медицинские центры. Если на первом этапе своего возникновения они демонстрировали высокую привлекательность для пациентов, в последующем ситуация заметно изменилась, причем в худшую сторону. Частная медицина привлекает пациентов скидками на оказание разных услуг, возможностью получения ряда медицинских услуг на базе медицинского полиса. Для материально неблагополучных слоев населения такие акции являются существенной поддержкой, особенно в сфере стоматологии.

Вместе с тем, необходимо отметить и низкий уровень оплаты труда медицинского персонала, хотя существенно ситуация изменилась в период пандемии, когда они получали хорошее вознаграждение.

Не менее важным является коммуникация и результаты исследования показывающие, что пациенты в целом позитивно оценивают свои взаимоотношения с лечащим врачом; более того, больной испытывает относительно высокий уровень доверия к своему доктору.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Козырева П.М. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 70–81.
2. Дмитриева Е.В. Социология здоровья: от теории к практике (на примере реализации коммуникативной программы «СМСмаме») / Е.В. Дмитриева, С.А. Фролов // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 118–127.
3. Белова Н.И. Здоровье и практики его сохранения/поддержания / Н.И. Белова; Под ред. Ж.Т. Тощенко // Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Науч. изд. М. : ЦСПИМ, 2016. С. 113–129.
4. Денисов Б.П. Оценка состояния здоровья населения России / Б.П. Денисов // Международный журнал медицинской практики. 2005. № 3. С. 31–36.
5. Касьянов В.В. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи / В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61–66.
6. Андреев И.Л. Философско-социологические проблемы психического здоровья / И.Л. Андреев, Л.Н. Назарова // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 111–118.
7. Фадеева Е.В. Доступность бесплатной медицинской помощи в России: состояние и проблемы / Е.В. Фадеева // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 94–104.

8. Шахбанова М.М. Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан / М.М. Шахбанова; Сост. М.М. Шахбанова // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала : АЛЕФ, 2009. С. 35–47.
9. Шахбанова М.М. Факторы формирования веротерпимости (на примере социологического опроса городского населения Дагестана) / М.М. Шахбанова // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 2. С. 57–70.

References:

1. Kozyreva P.M. Russian citizens' health self-assessment dynamics: relevant trends of the post-soviet era / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov // Sociological Studie. 2020. № 4. P. 70–81.
2. Dmitrieva E.V. Sociology of health: from theory to practice (the Case of 'SMS for Mama' Communicative Program Realization / E.V. Dmitrieva, S.A. Frolov // Sociological Studie. 2020. № 7. P. 118–127.
3. Belova N.I. Health and practices of its preservation/maintenance / N.I. Belova; Edited by Zh.T. Toshchenko // Life world of Russians: 25 years later (late 1980s – mid-2010s): Scientific publication. M. : TsSPiM, 2016. P. 113–129.
4. Denisov B.P. Assessment of the Health Status of the Population of Russia. Mezhdunarodnyj zhurnal meditsinskoj praktiki / B.P. Denisov // International Journal of Medical Practice. 2005. № 3 P. 31–36.
5. Kasyanov V.V. Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth / V.V. Kasyanov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. P. 61–66.
6. Andreev I.L. Philosophical and sociological problems of mental health / I.L. Andreev, L.N. Nazarova // Sociological research. 2016. № 4. P. 111–118.
7. Fadeeva E.V. Availability of free medical care in Russia: state and problems / E.V. Fadeeva // Sociological research. 2020. № 4. P. 94–104.
8. Shakhbanova M.M. Ethnoconfessional features of the Republic of Dagestan / M.M. Shakhbanova; Compiled by M.M. Shakhbanova // Actual problems of the humanities – 2009. Collection of scientific papers, Makhachkala: ALEF, 2009. P. 35–47.
9. Shakhbanova M.M. Factors of religious tolerance formation (on the example of a sociological survey of the urban population of Dagestan) / M.M. Shakhbanova // Islamic Studies. 2021. Vol. 12. № 2. P. 57–70.

Информация об авторе

Муллахмедов Хаджимурад Сайдахмедович
аспирант кафедры психологии
и социокультурного сервиса,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
mr.mullakhmedov@mail.ru
ORCID 0009-0005-1215-2452

Hadzhimurad S. Mullahmedov
Postgraduate Student of the Department
of Psychology and Sociocultural Service,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
mr.mullakhmedov@mail.ru
ORCID 0009-0005-1215-2452

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.58.99.018>
УДК 316.74:2(470.67)

Attribution
cc by

ТРУДОУСТРОЙСТВО МОЛОДОГО ВЫПУСКНИКА: ПРОБЛЕМА И ТЕНДЕНЦИИ

Нурилова А.З.

Дагестанский государственный технический университет

Аннотация. Проблема трудоустройства является актуальной для молодого специалиста. Независимо от полученной специальности, выпускники учебных заведений сталкиваются с определенными трудностями при поиске работы. И такая тенденция наблюдается в отношении выпускников практически всех профессий, и это происходит на фоне констатации на государственном уровне нехватки специалистов различного профиля. Преодолеть разрыв между предложением и потребностями на рынке труда возможно при осуществлении кадровой политики учитывающей специфику российских регионов исходя из особенностей экономического уклада и функционирования промышленных отраслей, их потребности в определенной группе специалистов. Анализ вопроса трудоустройства выпускника учебного заведения показывает несоответствие компетенций молодого специалиста требованиям рынка труда, потребностям работодателя. Проблему можно решить согласованием потребностей определенных отраслей экономики и изменением программ подготовки в учебных заведениях различного уровня (колледжи, вузы), чтобы молодой специалист мог соответствовать критериям необходимым для успешного развития как производства, так и личностной самореализации.

Ключевые слова: трудоустройство, рынок труда, молодой специалист, выпускник, кадровая политика, программа подготовки, образование, безработица.

EMPLOYMENT OF A YOUNG GRADUATE: THE PROBLEM AND TRENDS

Albina Z. Nurilova

Department of Philosophy, Dagestan State Technical University

Abstract. The problem of employment is relevant for a young specialist. Regardless of their specialty, graduates of educational institutions face certain difficulties in getting a job. And this trend is observed in relation to graduates of almost all professions, and this is against the background of a state-level shortage of specialists in various fields. It is possible to bridge the gap between supply and demand in the labor market when implementing a personnel policy that takes into account the specifics of Russian regions based on the peculiarities of the economic structure and functioning of industrial sectors, their needs in a certain group of specialists. The analysis of the issue of employment of a graduate of an educational institution shows that the competencies of a young specialist do not meet the requirements of the labor market and the needs of the employer. The problem can be solved by coordinating the needs of certain sectors of the economy and changing training programs in educational institutions of various levels (colleges, universities) so that a young specialist can meet the criteria necessary for the successful development of both production and personal self-realization.

Keywords: employment, labor market, young specialist, graduate, personnel policy, training program, education, unemployment.

Введение. Из года в год важность образования только растет, ибо оно выполняет ряд значимых социальных функций:

- во-первых, формирует трудовой резерв;
- во-вторых, позволяет сформировать общественный слой, обладающий необходимой для экономики государства профессиональной квалификацией, знаниями и навыками;
- в-третьих, обеспечивает прогрессивное развитие общественных сфер: «целевой ориентир необходимости усиления мотивации к труду,

связанной с тем, чтобы добиваться на этой основе более высокой его производительности, были возведены чуть ли не в ранг экономических законов, начиная с самого начала победы большевизма в России.

В процессе легитимизации социально-экономических и культурных революционных трансформаций, происходивших на протяжении всего XX в., ключевыми стали лозунги трудовых свершений, оставаясь одним из наиболее сложных проблемных вопросов в период переходных трансформаций к рынку» [1, с. 58].

© Нурилова А.З.

В постсоветский период отечественной истории кардинально изменилась система образования, в целом, начиная с дошкольной и заканчивая высшей школой, и здесь речь идет не только об изменении методики и программ преподавания и формирования надпрофессиональных навыков [2], но и появлении платной формы обучения.

Можно утверждать, что крен в сторону коммерческой составляющей в образовательной сфере только повышается. В такой ситуации в установках выпускников резонно доминирование ориентации на получение престижной и высокооплачиваемой работы. Поэтому «большая часть соискателей на рынке труда в современной России – уже имеющие опыт работы, адаптировавшиеся в профессии специалисты, что усложняет поиск работы для выпускников, лишь вчера окончивших вуз. На протяжении довольно длительного времени в стране формируется непрерывно пополняемая группа соискателей с высшим образованием, но без опыта работы, шансы на трудоустройство которых на практике невелики» [3, с. 102].

Вопрос трудоустройства тесно связан и мотивацией в данном контексте речь идет о соответствии спроса и предложения выпускников учебных заведений. Кроме того, молодой специалист на начальном этапе поиска работы сталкивается с рядом требований, в частности, отсутствием практики, которые изначально обозначены работодателем [4]. А где и как молодой специалист может получить практический опыт – аспект, который полностью игнорируется как образовательными учреждениями, так и предприятиями. Иными словами, можно констатировать наличие несогласованности между потребностями в специалистах и требованием иметь стаж работы, причем, как правило, указывается и интервал (не менее 5 лет).

Далее, выпускник учебного заведения, отмеченный как «престижный», изначально уверен в возможности получить высокооплачиваемую работу с мотивацией уровня полученного образования. В реальности он сталкивается с тем, что вынужден на равных основаниях с выпускниками «не престижных» вузов пройти собеседование и конкурс, что заметно снижает его личностную самооценку: «дело не только в подчас завышенных ожиданиях обладателей "престижных" специальностей, но и в некорректной оценке соискателем качества полученного им образования» [5, с. 103], а также жизненного мира молодых людей, их ценностных ориентаций [6].

По мнению В.А. Аникина, «для успешного развития экономики и общества нашей стране нужен особый тип работника. Понимание того, как россияне относятся к работе, какую роль она занимает в их повседневной жизни, какие стороны ее для наших граждан являются значимыми, представляет интерес как для современных исследователей, так и для практикующих политиков» [5, с. 48].

Обсуждение. В рамках исследования вопроса трудоустройства молодого специалиста важными являются несколько факторов:

1. Трудовая занятость и отраслевой рынок труда. В данном разрезе рассматриваются проблема отсутствия вакансий для имеющих практики, что вынуждает претендента трудоустроиваться не по полученной специальности. Однако никто не задается вопросом: «Как и где может студент очной формы обучения получить необходимый для работодателя опыт работы?»; то есть, замкнутый круг, не предоставляющий шанса на приобретение практического навыка.

2. Отсутствие у молодого специалиста необходимых знаний и компетенций из-за отсутствия опыта работы.

3. Отсутствие понимания потребностей рынка труда в специалистах, а также - несоответствие программы подготовки в учебных заведениях и реальные требования экономического развития.

Если обратиться к результатам исследования ВЦИОМ, то точка зрения о преувеличении веса высшего образования в современный период и зависимость карьерного успеха именно от него респондентами подвергается сомнению и 45 % придерживаются этой позиции в противовес 51 % несогласных.

Данные в 2023 г. констатируют, что ни высшее, ни среднее специальное образование не дают уверенности, что выпускник получит высокооплачиваемую работу (12 %). Большинство считающих, что высшее образование гарантирует хорошо оплачиваемую работу в будущем, среди россиян с неоконченным высшим и высшим уровнем образования составляет 52 %, наименьшая в когорте с неполным средним образованием (23 %). Рассматривать среднее специальное образование (колледж, техникум), как «счастливый билет» в будущее больше склонны те, кто получил такое образование (23 %) [7].

Таким образом, проведенный анализ перспектив молодого специалиста показывает наличие системного кризиса на рынке труда, основные причины которого есть выражение отсутствия:

– во-первых, прямой связи между отраслями экономики и учебными заведениями (как среднего специального, так и высшего образования);

– во-вторых, анализа самого рынка труда и его потребностей;

– в-третьих, несоответствие учебных образовательных программ и требований работодателя, то есть компетенций.

Вес комплекс данных факторов, в конечном итоге, обуславливает перенасыщенность в одной отрасли при отсутствии специалистов в другой, который способствует его «перегреву» и, соответственно, появлению скрытой и открытой форм безработицы.

Решение данной проблемы возможно при кардинальном изменении взаимоотношения между работодателем и учебными заведениями:

– первый должен обозначить требования к будущему специалисту;

– вторые должны, с учетом предложений, обеспечить подготовку квалифицированного специалиста, отвечающего современным реалиям.

Слепое следование западной системе образования показывает невозможность и плохую «приживаемость» иной модели образования в отечественной. Через десятилетия внедрения Болонской системы российское общество столкнулось формированием образа студента, который мыслить исключительно в рамках «тестов», который больше напоминает «поле чудес». Видимо, в российской системе образования назрела необходимость проведения реформы, направленной на преодоление наблюдающегося на рынке труда и в кадровой сфере (в данном контексте отсутствие специалистов) кризиса.

Может быть, ответственным за рынок труда необходимо обратиться к советской системе распределения и целевому распределению. Последнее в системе российского образования получило широкое распространение, однако «целевики», здесь речь идет о выпускниках медицинских учебных заведений, после прохождения ординатуры практически не трудоустраиваются в организациях, которые их направили: они остаются работать в городах, в которых прошли обучение.

По мнению автора статьи, определенное влияние на изменение установок молодого специалиста в поиске работы может оказать социально-экономическое положение в стране. Специальная военная операция показала потребность в специалистах военного, инженерного, электронного профиля. Потребности армии обеспечить военнослужащих необходимым оборудованием и техникой способствует развитию частного предпринимательства именно в сфере обеспе-

чения фронта дронами, коптерами предоставляет широкое пространство для инженерно-технических кадров, которые могут открыть собственное производство. Не менее важным является обозначение на государственном уровне необходимости осуществления определенных изменений в образовательной сфере.

Принятая на «Ура!» Болонская система, как показывают реалии, не обеспечивает народное хозяйство и российскую экономику необходимым количеством специалистов разного профиля, видимо, в данной области должна быть более эффективная политика способная обеспечить российскую экономику необходимыми кадрами, а также снизить сектор безработных.

Кроме того, наблюдается ориентация молодых выпускников трудоустраиваться не государственным, а в частном секторе, ибо размеры оплаты заметно отличаются. Если относительно «благополучные» сектора, в частности, добывающая, способны в материальном плане удовлетворять молодого специалиста, то многие государственные учреждения и размер оклада в них не устраивает выпускников, поэтому и наблюдается нехватка специалистов. И только, во-первых, повышение оплаты труда, во-вторых, обеспечение социальным пакетом, в-третьих, создание приемлемых условий труда способно привлечь в госсектор молодых специалистов.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что в современном российском обществе наблюдается нехватка специалистов и основной причиной сложившейся ситуации является отсутствие согласованности между потребностями экономики и учебными заведениями, которые не учитывают сложившуюся на рынке труда ситуацию. Подтверждением является, например, ситуация проведением специальной военной операции, которая показала потребность в инженерно-технических кадрах. Властью предпринимаются шаги по решению возникающих проблем и обеспечению отечественной экономики необходимым количеством специалистов различного профиля.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Андрианова Е.В. Изменение парадигмы мотивации и ценностей труда в контексте развития новой экономической социологии / Е.В. Андрианова // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 8. С. 57–63.
2. Гафиатулина Н.Х. Надпрофессиональные навыки управления конфликтами как фактор успешности молодого специалиста на современном рынке труда / Н.Х. Гафиатулина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 4. С. 205–210.

3. Присяжная Н.В. Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы / Н.В. Присяжная, Н.Ю. Вяткина // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 101–114.
4. Пичко Н.С. Проблемы и противоречия в системе высшего образования в России / Н.С. Пичко, Н.Х. Гафиятулина, А.А. Васильева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. С. 84–88.
5. Аникин В.А. Работа в жизни россиян / В.А. Аникин // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 48–55.
6. Гафиятулина Н.Х. Социокультурный аспект исследования жизненного мира молодой семьи: ценностные ориентации / Н.Х. Гафиятулина, Я.В. Артамонова // Научный альманах стран Причерноморья. 2023. Т. 9. № 3. С. 22–29.
7. Высшее образование: неожиданный ренессанс? URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans> (дата обращения 10.01.2024).

References:

1. Andrianova E.V. Changing the paradigm of motivation and labor values in the context of the development of new economic sociology / E.V. Andrianova // Bulletin of the Tyumen State University. 2014. № 8. P. 57–63.
2. Gafiatulina N.Kh. Superprofessional conflict management skills as a factor in the success of a young specialist in the modern labor market / N.Kh. Gafiatulina // State and municipal management. Scientific notes. 2023. № 4. P. 205–210.
3. Juror N.V. Employment of a young medical specialist: levels of manifestation of the problem / N.V. Juror, N.Y. Vyatkina // Bulletin of the Institute of Sociology. 2023. Vol. 14. № 1. P. 101–114.
4. Pichko N.S. Problems and contradictions in the system of higher education in Russia / N.S. Pichko, N.Kh. Gafiatulina, A.A. Vasilyeva // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 4. P. 84–88.
5. Anikin V.A. Work in the life of Russians // Sociological research. 2009. № 12. P. 48–55.
6. Gafiatulina N.Kh., Artamonova Ya.V. Sociocultural aspect of studying the life world of a young family: value orientations // Scientific almanac of the Black Sea countries. 2023. Vol. 9. № 3. P. 22–29.
7. Higher education: an unexpected renaissance? URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans> (date of the application 10.01.2024).

Информация об авторе

Нурилова Альбина Захарьевна
кандидат философских наук,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
ORCID id: 0009-0002-7751-4555
alnuza@mail.ru

Albina Z. Nurilova
Candidate of Philosophical Sciences,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
ORCID id: 0009-0002-7751-4555
alnuza@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.18.39.008>
УДК 316.624

Attribution
cc by

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ АКЦЕНТЫ В ПОНИМАНИИ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Нятина Н.В.

Кемеровский государственный университет

Аннотация. Современные социально-политические изменения, социокультурные обновления, возможности расширения способов и форм социальной коммуникации непосредственным образом влияют на социальное сознание и поведение молодежи. Классический бихевиоризм, составляя фундамент в интерпретации поведенческих актов личности, в настоящее время дополняется новыми теоретическими подходами, которые расставляют акценты на социальных конструкциях, действительности и институциональных возможностях в регулировании социального взаимодействия молодых людей. Оценивая нормативность/модальность/девиантность в активности молодежи необходимо обращать внимание на социально-психологическую обусловленность действий, относительность в понимании нормативного детерминизма, социально-правового контроля, реализуемого как отражение общественного, так и институционального развития. В работе представлены основания деструктивного поведения молодежи, которые в современной исследовательской практике рассматриваются в качестве ключевых и выступают как показатели для социологической диагностики асоциальной активности.

Ключевые слова: деструктивное поведение, молодежь, сетевые сообщества, жизненные ориентиры, агенты социализации, нормы, институциональное регулирование, ценности.

MODERN RESEARCH FOCUSES IN UNDERSTANDING THE BASES OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR YOUTH

Natalya V. Nyatina

Kemerovo State University

Abstract. Modern socio-political changes, sociocultural updates, opportunities to expand the methods and forms of social communication directly affect the social consciousness and behavior of young people. Classical behaviorism, constituting the foundation in the interpretation of behavioral acts of the individual, is currently complemented by new theoretical approaches that place emphasis on social constructs, reality and institutional opportunities in regulating the social interaction of young people. When assessing normativity/modality/deviance in youth activity, it is necessary to pay attention to the socio-psychological conditionality of actions, relativity in the understanding of normative determinism, social and legal control, implemented as a reflection of social and institutional development. The work presents the foundations of destructive behavior of young people, which in modern research practice are considered key, and act as indicators for the sociological diagnosis of antisocial activity.

Keywords: destructive behavior, youth, online communities, life guidelines, agents of socialization, norms, institutional regulation, values.

Финансирование. Публикуется в рамках реализации Гранта РНФ «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining», № 24-28-01230.

Введение. Моделирование социальных процессов с учетом активизации гражданской и социальной активности молодежи направлено на достижение ключевых общественно значимых ценностей, но при этом обладает отсроченной перспективой.

Деструктивное поведение молодых людей многогранно и требует постоянного внимания исследовательского сообщества и институциональных

субъектов, которые при возможности диагностирования деструктивных проявлений помогают вырабатывать и принимать определенные управленческие решения, которые превентивно бы воздействовали на асоциальное поведение при учете сохранения личностного потенциала и поддержки социального развития личности. Такой подход обладает праксиологической значимостью и учитывает направления, основания деструктивного поведения молодежи.

© Нятина Н.В.

Объектом исследования является деструктивное поведение молодежи, которое представляет собой такую активность, которая формируется под воздействием политических, социокультурных, социально-экономических факторов и выступает основаниями для разрушения сложившихся социальных и правовых норм и внешне проявляются в причинении вреда себе (аутодеструктивность), внешней среде, в том числе социальной инфраструктуре. Особого внимания заслуживает тот факт, что деструктивность проявляется в групповой динамике, часто деперсонализовано и латентно, когда проблематично установить источник трансляции активности (так называемый, эффект сетевого общества). В качестве метода, который позволяют расставить акценты в изучении подобной активности, был использован вторичный анализ социологических (в том числе мониторинговых) исследований, которые фокусируют внимание на причинах и мотивационной составляющей деструкции. Ключевым при анализе деструктивного поведения молодежи, в данном случае, является структурно-функциональный подход, который позволяет проанализировать элементы социального поведения, а также – его назначение. Такой угол зрения позволяет целостно оценить функциональное и дисфункциональное поведение молодежи, которое рассматривается с точки зрения личности как нормативно приемлемое, но обладающее определенной социальной угрозой для социального порядка и действующих социальных и правовых регуляторов.

Обсуждение и результаты. Исследовательский интерес к проблеме деструктивного поведения молодежи постоянно растет. Среди современных вызовов, которые актуализируют внимание исследовательского сообщества к деструктивному поведению молодежи, следует отнести:

– *виртуализацию коммуникации современной молодежи* [1, с. 290]. Данное основание можно одновременно рассматривать как обладающее конструктивным, так и деструктивным потенциалом. Предоставляя возможности для саморазвития, расширения возможностей «опережающей социализации» (по Р. Мертону), развития форм социально значимой активности (например, добровольческой деятельности), оно имеет и свои побочные эффекты. Сетевая социальная реальность наполнена многообразными сообществами, которые доступны для молодых людей и, не обладая устойчивыми диспозициями, сформированной информационной культурой, молодому человеку достаточно сложно отфильтровать 290 деструктивных сообществ, которые могут привлекать внимание своей эмоциональной привлекательностью и внешней идентификацией.

В настоящее время научно-исследовательское сообщество целенаправленно обновляет методики поиска и мониторинга тех сетевых сообществ, которые могут причинить вред молодым людям.

К числу существенных показателей диагностики деструктивных групп относятся использование лингвистических маркеров, поведенческих траектории, социальных связей (когда происходит постепенное «наслоение» сообществ от одного к другому), оценка рисков отклоняющегося поведения с учетом внешних событий.

Достаточно иллюстративным является проект исследовательской группы С.И. Чудинова, Г.Н. Сербинной, Ю.О. Мундриевской, благодаря которому, выявляются сетевые характеристики групп деструктивных девиантных сообществ скулшутеровской и близкой им суицидально-депрессивной тематики [2, с. 312]. Такая сетевая диагностика позволяет понимать направленность угроз, которые представляют опасность для молодых людей, которые вовлечены в сетевое пространство, где у них есть возможность с первого взгляда формировать латентные от взрослого мира запросы;

– *финансовое благополучие как базисный ориентир современной молодежи.* Благополучие – это интегрированный социальный показатель, который отражает не только условия и качество жизни, но и учитывает стремления современной молодежи на отдаленную перспективу. Согласно современной стратегии молодежной политики, ключевой ориентир для социализации и воспитания подрастающего поколения – это гражданско-патриотическое развитие личности с акцентом на добровольческую деятельность [3]. Однако если обратиться к эмпирическим данным, сама молодежь по-другому расставляет свои приоритеты. Так, ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) в 2023 году по результатам исследования отмечает, что к числу доминирующих жизненных ориентиров молодых людей относятся «стремление разбогатеть и делать деньги» (для юношей – 44 %, для девушек – 35 %) [8]. Такой жизненный ориентир молодых людей актуализирует вопрос о понимании способов и средств достижения поставленной цели финансового благополучия. Кроме того, среди молодежи, в силу её психологических и социальных особенностей, особенно выраженным является стремление к инновациям [4, с. 98], поэтому они потенциально могут чаще делать выбор в пользу новых возможностей улучшения своего материального положения в обход традиционным, социально приемлемым инструментам и способам;

– *отсутствие для определенной категории молодежи идеалов и атмосфера бездуховности.* Если мы обратимся к классическим взглядам на миропонимание и мироощущение молодых людей, то столкнемся с тем, что такая ситуация является относительно постоянной во все временные отрезки. Так, Н.А. Бердяев пишет, что «многие иллюзии, многие призрачные идеологии рухнули, и изобличилась их пустота... Но возникли новые, перемешивающиеся с реальностями. Если рухнули иллюзии революционные, то на их место встали иллюзии реставрационные, которые психологически на них очень похо-

дят... Современное поколение молодёжи поворачивает обратно свою духовную направленность. Оно также и даже ещё более оторвано от настоящего... Природа мечты такова, что она одинаково может быть направлена и на будущее, и на прошлое. Но одинаково ошибочна [5, с. 6] ...». Современными исследованиями также подтверждается тезис об отсутствии у определенной категории молодежи идеалов. Так, согласно социологическим замерам, в 1991 году такую характеристику отметили у молодежи 14 % респондентов, а в 2023 г. уже 25 %;

– *противоречивое отношение к правовым регуляторам социального поведения.* Молодые люди признают большую значимость в повседневной жизнедеятельности институциональным норм по сравнению с неформальными регуляторами. При этом большинство российской молодежи солидаризируется с безальтернативным согласием соблюдать действующие требования Уголовного Кодекса и Конституции РФ, но при этом они оценивают их «не совсем справедливыми» или «устаревшими» (по 78 % и 74 %, соответственно). 18 % и 19 % молодых людей в 2022 году утверждали, что соблюдать законодательно закрепленные нормы нужно в зависимости от обстоятельств. Особое внимание при этом нужно обратить на том факт, что не считают для себя обязательным соблюдать законы 1–2 % современной молодежи [6];

– *неоднозначное восприятие молодежью религиозных норм как регулятора социального поведения.* С одной стороны, подростки в возрасте 14–17 лет (26 %) признают обязательность соблюдения таких, но сами они себя к каким-либо конфессиям не относят (только 8 % из 26 % идентифицируют себя с религиозными сообществами). В возрастной группе 18–24 лет (53 %) не считают нужными рассматривать религиозные правила как ориентиры собственного поведения [6];

– *к числу наименее значимых ценностных ориентиров молодые люди относят ценности социальные – участие в общественной и политической жизни (52 %), а также добровольческую деятельность, помощь другим людям (49 %) [6].* И это при том, что 2018 год в России был объяв-

лен годом добровольца, и с тем пор на институциональном уровне достаточно интенсивно осуществляется стимулирование и поддержка волонтерства среди всех возрастных групп.

Также, современные исследователи отмечают, что наиболее важным фактором, влияющим на альтруистическое поведение, является принадлежность к своей группе. Предпочтительное альтруистическое поведение по отношению к друзьям рассматривается исследователями в качестве универсальной характеристики социального поведения человека, присущей представителям как традиционных, индустриальных обществ, так и постиндустриальных [7, с. 53].

Заключение. Современные исследователи при изучении деструктивного поведения молодежи акцентируют внимание на следующих основаниях:

– виртуализации коммуникации, финансовое благополучие как базисный ориентир;

– отсутствия для определенной категории молодежи идеалов и атмосфера бездуховности;

– противоречивого отношения к правовым регуляторам социального поведения;

– неоднозначного восприятия религиозных норм как регулятора социального поведения;

– малозначимости ценностей участия в общественной и политической жизни среди молодых людей.

Основания для деструктивного поведения молодежи социально и психологически обусловлены. Спецификация активности в сетевом пространстве, подкрепленная у определенной части молодежи отсутствием социально конструктивных ценностей, ведет к латентной асоциальной включенности в сообщества.

Одновременно, деактивация мотивированного участия в социально значимой деятельности может привести к необходимости институционального обновления способов и мер развития молодежной активности.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Кузнецова М.Н. Выраженность деструктивного поведения у подростков разных возрастных групп / М.Н. Кузнецова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2023. № 3(217). С. 289–293.
2. Чудинов С.И. Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керженского стрелка» / С.И. Чудинов, Г.Н. Сербина, Ю.О. Мундриевская // Мониторинг

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

- общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 311–331. URL : <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>
3. Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации: федер. закон: принят Гос. Думой 23 декабря 2020 г.: одобр. Советом Федерации 25 дек. 2020 г. М. : Центрмг, 2022. 16 с.
 4. Аликперова Н.В. Молодежь как «мягкая сила» и деньги в современном мире / Н.В. Аликперова, К.В. Виноградова // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(6). С. 96–109.
 5. Бердяев Н.А. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи. Путь. 1928. № 14. С. 3–30.
 6. Ценности молодежи. Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи: высокий уровень благополучия, спокойная жизнь и возможность приносить пользу своему народу. Москва, 14 декабря 2022 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представляет результаты опроса о ценностях и приоритетах в молодежной среде. 1592 опрошенных. В опросе приняли участие граждане РФ в возрасте от 14 до 35 лет. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>
 7. Альтруизм и парохизм у детей и подростков: гендерные и возрастные различия / В.Н. Буркова, М.Л. Бутовская, Д.А. Дронова, Ю.И. Адам // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 50–66.
 8. Образ российской молодежи: мониторинг. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонов номеров, задействованных на территории РФ. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (дата обращения 03.01.2024).

References:

1. Kuznetsova M.N. The severity of destructive behavior in adolescents of different age groups / M.N. Kuznetsova // Scientific Notes of the University named after P.F. Lesgafta. 2023. № 3(217). P. 289–293.
2. Chudinov S.I. Network organization of school shooters in the social network «VKontakte» using the example of the fan community of the «Kerch shooter» / S.I. Chudinov, G.N. Serbina, Yu.O. Mundrievskaya // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2021. № 4. P. 311–331. URL : <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>
3. Russian Federation. Laws. On youth policy in the Russian Federation: federal. law: adopted by the State. Duma December 23, 2020: approved. Federation Council December 25 2020: M. : TsentrMag, 2022. 16 p.
4. Alikperova N.V. Youth as «soft power» and money in the modern world / N.V. Alikperova, K.V. Vinogradova // Economics. Taxes. Right. 2020. № 13(6). P. 96–109.
5. Berdyayev N.A. Illusions and reality in the psychology of emigrant youth. Path. 1928. № 14. P. 3–30.
6. Youth values. Top 3 life guidelines for Russian youth: a high level of well-being, a quiet life and the opportunity to benefit one's people. Moscow, December 14, 2022. The All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM) presents the results of a survey on values and priorities among young people. 1592 respondents. Citizens of the Russian Federation aged 14 to 35 took part in the survey. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi>
7. Altruism and parochialism in children and adolescents: gender and age differences / V.N. Burkova, M.L. Butovskaya, D.A. Dronova, Yu.I. Adam // Experimental psychology. 2021. Vol. 14. № 3. P. 50–66.
8. The image of Russian youth: monitoring. All-Russian telephone survey «VTsIOM-Sputnik». 1,600 Russians aged 18 and over took part in the survey. The survey method is a telephone interview based on a stratified random sample extracted from a complete list of cellular phone numbers involved in the territory of the Russian Federation. URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring> (date of the application 03.01.2024).

Информация об авторе

Нятин Наталья Владимировна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологических наук,
Социально-психологического института
Кемеровского государственного университета
kozeeva_n@mail.ru

Natalya V. Nyatina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociological Sciences,
Socio-Psychological Institute
of Kemerovo State University
kozeeva_n@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.59.29.024>

УДК 355/359

Attribution

cc by

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА МОБИЛИЗОВАННЫХ ЛЮДЕЙ В ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ СЕМЕЙ

Понеделков А.В.¹, Аверин А.Н.², Щербакова Л.И.³, Самыгин С.И.⁴

¹Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,

³Южно-российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,

⁴Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация. Актуальность темы определяется тем, что в связи с проведением специальной военной операции с 21 сентября 2022 года была проведена частичная мобилизация – призыв российских граждан на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации. Мобилизованные люди после необходимой подготовки участвуют в боевых действиях при проведении специальной военной операции. Некоторые мобилизованные люди погибают, получают ранение, травму, контузию, заболевание, увечье, становятся инвалидами. Мобилизованным людям и их семьям государство оказывает разнообразную поддержку. Следует отметить, что на начальном этапе частичной мобилизации были проблемы со снабжением, обеспечением положенными видами довольствия, формой одежды, экипировкой, питанием по нормам военнослужащих-контрактников. Мобилизованные люди приобретали за свой счет экипировку. Поддержку мобилизованным людям также оказывают граждане, общественные и благотворительные организации и фонды. Цель исследования – анализ правовой основы социальной поддержки мобилизованных людей и членов их семей, задача – показать значение государственной поддержки мобилизованных людей, их семей в целом в стране и ее особенности в регионах на примере города федерального значения – Москва и Ростовской области. Методами исследования являются анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение. Объект изучения – социальная государственная социальная поддержка мобилизованных людей и их семей.

Результаты исследования следующие. Российское государство выполняет такую основную функцию, как социальная поддержка мобилизованных людей и членов их семей. Показаны основные элементы социальной поддержки – единовременная денежная выплата, государственная социальная помощь на основании социального контракта, основные социальные цели Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества», предоставление социально-трудовых гарантий, не начисление пени за несвоевременную или не полностью внесенную платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме. Показаны особенности социальной поддержки семей мобилизованных людей в Москве и Ростовской области.

Сформулирован вывод о наличии качественной нормативно-правовой базы, о признании в обществе значительной роли государственной социальной поддержки мобилизованных людей и их семей. Вместе с тем признается важность других мер поддержки мобилизованных людей. Эти меры разнообразны и включают налоговую поддержку, налоговые преференции, ипотечный кредит, выплаты, пособия, возврат средств за ранее приобретенные билеты, туры, поддержка малого и среднего предпринимательства, индивидуальных предпринимателей, например, кредитные каникулы, иные меры.

Ключевые слова: государственная социальная помощь, государственный фонд, денежное содержание, единовременная выплата, контракт, мобилизованные люди, пени, рабочее место, семья, социальная поддержка, социальная цель, социально-трудовая гарантия, социальный контракт, трудовой договор, частичная мобилизация.

SOCIAL SUPPORT FOR MOBILIZED PEOPLE IN THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR FAMILIES

Alexander V. Ponedelkov¹, Alexander N. Averin²,
Lidiya I. Shcherbakova³, Sergey I. Samygin⁴

¹South-Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

³South Russian State Polytechnic University (NPI),

⁴Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract. The relevance of the topic is determined by the fact that in connection with the special military operation, from September 21, 2022, partial mobilization was carried out – the conscription of Russian citizens for military service upon mobilization into the Armed Forces of the Russian Federation. Mobilized people, after the necessary training, participate in hostilities during a special military operation. Some mobilized people are killed, wounded, traumatized, concussed, sick, injured, and become disabled. The state provides a variety of support to mobilized people and their families. It should be noted that at the initial stage of partial mobilization there were problems with the supply, provision of the required types of allowances, uniforms, equipment, food according to the norms of contract servicemen. Mobilized people purchased equipment at their own expense. Support for mobilized people is also provided by citizens, public and charitable organizations and foundations. The purpose of the study is to analyze the legal basis for social support for mobilized people and their families, the task is to show the importance of state support for mobilized people, their families as a whole in the country and its features in the regions using the example of the city of federal significance – Moscow and the Rostov region. The research methods are analysis, synthesis, deduction, induction, comparison. The object of study is social, state, social support for mobilized people and their families.

The results of the study are as follows. The Russian state performs such a basic function as social support for mobilized people and their families. The main elements of social support are shown – a one-time cash payment, state social assistance on the basis of a social contract, the main social goals of the State Fund for Support of Participants in the Special Military Operation «Defenders of the Fatherland», the provision of social and labor guarantees, non-accrual of penalties for late or incomplete payments for housing and utilities, contributions for the overhaul of common property in an apartment building. The features of social support by the family of mobilized people in Moscow and the Rostov region are shown.

The conclusion is made about the presence of a high-quality regulatory framework, about the recognition in society of the significant role of state social support for mobilized people and their families. At the same time, the importance of other measures to support mobilized people is recognized. These measures are diverse and include tax support, tax preferences, mortgage loans, payments, benefits, refunds for previously purchased tickets, tours, support for small and medium-sized businesses, individual entrepreneurs, for example, credit holidays, and other measures.

Keywords: state social assistance, state fund, monetary allowance, lump sum payment, contract, mobilized people, penalties, workplace, family, social support, social purpose, social and labor guarantee, social contract, employment contract, partial mobilization.

Введение. Мобилизация предусматривает перевод Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований на организацию и состав военного времени, экономики, органов государственной власти и местного самоуправления, организаций на работу в условиях военного времени [1]. Она может быть общей или частичной.

Осуществлен призыв российских граждан на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы. В результате частичной мобилизации призваны 300 тысяч человек. Направлено в войска более 1,3 тыс. чиновников, свыше 27 тыс. предпринимателей. 13 тыс. чело-

век самостоятельно явились в военкоматы и были направлены в войска в качестве добровольцев. Средний возраст мобилизованных людей составил 35 лет [2].

Результаты. Обсуждение. Мобилизованные люди имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах [3]. Уровень денежного содержания граждан, призванных на военную службу по мобилизации, соответствует уровню денежного содержания военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Контракты о прохождении военной службы, заключенные военнослужащими, действуют до окончания периода частичной мобилизации. Определены основания

увольнения с военной службы людей, призванных на военную службу по мобилизации: по достижении предельного возраста пребывания на военной службе; по состоянию здоровья в связи с признанием военно-врачебной комиссией не годными к военной службе, за исключением военнослужащих, изъявивших желание продолжить военную службу на воинских должностях, которые могут замещаться этими военнослужащими; в связи с вступлением в законную силу приговора суда о назначении наказания в виде лишения свободы. Людям, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса, предоставлено право на отсрочку от призыва на военную службу по мобилизации на период работы в этих организациях.

Призванным на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы, выплачивается единовременная денежная выплата в размере 195 тыс. рублей [4]. Создан Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» [5]. Его учредителем является Правительство, деятельность и формирование имущества осуществляются за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, добровольных имущественных взносов и пожертвований, иных источников. Фонд и его филиалы осуществляют свою деятельность в каждом субъекте Российской Федерации. Деятельность Фонда направлена на организацию и оказание поддержки и помощи: ветеранам боевых действий, принимавшим участие в специальной военной операции, уволенным с военной службы, службы, работы; людям, принимавшим в соответствии с решениями органов публичной власти участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил, Народной милиции, воинских формирований и органов Донецкой и Луганской народных республик; членам семей людей, погибших, умерших при выполнении задач в ходе специальной военной операции, боевых действий, умерших после увольнения с военной службы, службы, работы, если смерть наступила вследствие увечья, ранения, травмы, контузии, заболевания, полученных при выполнении задач в ходе специальной военной операции, боевых действий. Членами семей являются: супруг, супруга; дети, не достигшие возраста 18 лет; дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет; дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения; родители, проживающие совместно либо проживавшие совместно на дату гибели, смерти; люди, находящиеся на иждивении либо находившиеся на иждивении на дату гибели, смерти.

К основным социальным целям Фонда относятся: обеспечение комплексного сопровождения людей, включая персональное сопровождение, обеспечение социальной адаптации, интеграции и ресоциализации, обучения, переобучения, повышения квалификации, содействие в трудоустройстве; оказание психолого-психотерапевтической помощи, бесплатной юридической по-

мощи по вопросам оформления и предоставления мер социальной поддержки, содействие в получении мер социальной поддержки; реализация дополнительных финансовых механизмов обеспечения лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, техническими средствами реабилитации; содействие в получении при наличии показаний услуг по медицинской реабилитации, паллиативной медицинской помощи, санаторно-курортного лечения, надомного долговременного ухода и осуществление в данных целях взаимодействия с федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными медицинскими и социальными организациями, некоммерческими организациями и добровольческими, волонтерскими организациями; адаптация жилых помещений, используемых инвалидами, под индивидуальные потребности; участие в разработке и реализации государственных программ поддержки ветеранов боевых действий. На финансовое обеспечение социальных целей Фонду предоставляются гранты в форме субсидий из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства. [6].

Для мобилизованных людей определены социально-трудовые гарантии [7]. Сохраняются рабочие места. Работодатель может осуществить временный перевод работника с его письменного согласия на работу к другому работодателю в той или другой местности по направлению центра занятости населения, содержащему предложение работнику о таком переводе. На период временного перевода работника на работу к другому работодателю действие первоначально заключенного трудового договора приостанавливается, при этом течение срока действия первоначально заключенного трудового договора не прерывается. При поступлении в центр занятости населения сведений от работодателя о приостановке производства, работы центр занятости населения при наличии потребности в работниках соответствующего профиля у других работодателей направляет работнику предложение, о временном переводе его к другому работодателю с указанием должности, профессии, специальности, условий оплаты труда, условий труда на рабочем месте, извещает работодателя о направлении предложения. При согласии работника с поступившим предложением он может заключить с другим работодателем срочный трудовой договор с возможностью его продления по соглашению сторон не позднее чем до 31 декабря 2023 года при наличии согласия работодателя, с которым первоначально заключен трудовой договор. Приостановление действия первоначально заключенного трудового договора осуществляется на срок действия срочного трудового договора у другого работодателя. При отказе другого работодателя заключить срочный трудовой договор, первоначально заключенный

трудовой договор продолжает действовать в полном объеме. При прекращении трудового договора, заключенного на период временного перевода работника к другому работодателю, в связи с истечением срока его действия, при досрочном расторжении срочного трудового договора первоначально заключенный трудовой договор возобновляет свое действие в полном объеме. С работниками, принимаемыми на должности, замещаемые по конкурсу, до проведения конкурса может быть заключен срочный трудовой договор, но не более чем на один год.

Предоставляются государственная социальная помощи на основании социального контракта, меры социальной поддержки семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации [8]. При расчете среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта, для назначения ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет, для предоставления ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет, для назначения ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, для назначения ежемесячной выплаты в связи с рождением, усыновлением первого или второго ребенка не учитываются доходы, определенные в перечне видов доходов, предусмотренные основными требованиями к порядку назначения и осуществления ежемесячной денежной выплаты, доходы и суммы единовременной материальной помощи, выплачиваемые за счет средств федерального, регионального и местного бюджетов, иных источников. Решение об отказе в назначении ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет, ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в связи с отсутствием в расчетном периоде у трудоспособных членов семьи заявителя доходов, полученных в денежной форме, не принимается, если такие члены семьи были призваны на военную службу по мобилизации. При принятии решения о предоставлении мер социальной поддержки, при оказании государственной социальной помощи на основании социального контракта их назначение осуществляется на 6 месяцев.

Мобилизованным людям не будут начисляться пени за несвоевременную или не полностью внесенную платы за жилое помещение и коммунальные услуги, взносы на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, заключивших контракт о прохождении военной службы в связи с призывом на военную службу по мобилизации. Аналогичная льгота распространяется и на членов семей таких людей. При приеме на обучение по программам бакалавриата и специалитета наряду с результатами едино-

го государственного экзамена и дополнительными вступительными испытаниями учитываются прохождения по мобилизации.

В регионах оказывается социальная поддержка семьям людей, призванных на военную службу по мобилизации. В качестве примеров приведем Москву и Ростовскую область. В Москве предоставляется ежемесячная выплата в период прохождения военной службы в размере 50 тыс. рублей; при исполнении обязанностей военной службы при получении тяжелого ранения, контузии, травмы, увечья единовременная выплата в размере 1 млн, легкого ранения, контузии, травмы, увечья – 500 тыс.; единовременная выплата при гибели военнослужащих либо смерти до истечения одного года со дня увольнения с военной службы – 3 млн членам семей погибших, умерших [9]. Единовременные выплаты при гибели, смерти военнослужащих предоставляются супруге, супругу, состоящими в зарегистрированном браке; родителям; несовершеннолетним детям; детям, ставшим инвалидами до достижения ими возраста 18 лет и достигшим на день гибели, смерти возраста 18 лет; детям, обучающимся в образовательных организациях по очной форме обучения по основным образовательным программам и не достигшим на день гибели, смерти погибшего, умершего возраста 23 лет.

Для семей людей, призванных на военную службу по мобилизации, предоставляются дополнительные меры социальной поддержки [10]:

- направление во внеочередном порядке детей по достижении ими возраста полутора лет в государственные и муниципальные образовательные организации, предоставляющие дошкольное образование;
- предоставление внеочередного права на перевод ребенка в другую наиболее приближенную к месту жительства семьи государственную и муниципальную образовательную организацию, предоставляющую общее образование;
- освобождение от платы, взимаемой за присмотр и уход за ребенком в государственных и муниципальных образовательных организациях, предоставляющих дошкольное образование;
- предоставление бесплатного двухразового горячего питания – завтрак, обед детям 1–11 классов в государственных и муниципальных образовательных организациях;
- предоставление бесплатного одnorазового горячего питания – обед студентам, обучающимся по очной форме обучения по образовательным программам среднего профессионального образования в государственных образовательных организациях;
- зачисление в первоочередном порядке в группы продленного дня детей 1–6 классов, обучающихся в государственных и муниципальных

образовательных организациях, освобождение от платы, взимаемой за присмотр и уход за детьми в группах продленного дня, при посещении таких групп;

– предоставление детям бесплатного посещения занятий (кружки, секции и иные подобные занятия) по дополнительным общеобразовательным программам в государственных и муниципальных организациях;

– оказание организациями социального обслуживания, включенными в Реестр поставщиков социальных услуг города Москвы, семье, воспитывающей ребенка-инвалида, и членам семьи из числа людей пожилого возраста, инвалидов I и II группы социальных услуг в форме социального обслуживания на дому, признанных нуждающимися в социальном обслуживании независимо от состава семьи и без учета уровня доходов семьи;

– направление в первоочередном порядке в организации социального обслуживания, включенные в Реестр поставщиков социальных услуг города Москвы, членов семьи, признанных нуждающимися в социальном обслуживании в стационарной форме независимо от состава семьи;

– организация профессионального обучения и дополнительного профессионального образования супруги и детей трудоспособного возраста;

– содействие в поиске работы членам семьи;

– оказание единовременной материальной помощи семье;

– оказание психологической помощи семье;

– содействие семье в оформлении социальных и иных выплат, мер социальной поддержки, на получение которых имеет право семья.

Финансовое обеспечение предоставления дополнительных мер социальной поддержки осуществляется за счет городских бюджетных ассигнований. При Государственном бюджетном учреждении города Москвы «Единый центр поддержки» создана Межведомственная комиссия по вопросам оказания социальной поддержки семьям лиц, призванных на военную службу по мобилизации.

В Ростовской области за счет средств резервного фонда Правительство предоставляет единовременную выплату в размере 150 тыс. рублей [11]. Предусмотрено предоставление членам семей [12]:

– бесплатного горячего питания обучающимся государственных общеобразовательных организаций;

– бесплатного одноразового горячего питания, в том числе путем выплаты компенсации, студентам, обучающимся по очной форме обучения по программам среднего профессионального

образования в государственных профессиональных образовательных организациях;

– права бесплатного посещения занятий детям по дополнительным образовательным программам в государственных организациях дополнительного образования;

– оказания социальных услуг в форме социального обслуживания на дому признанным нуждающимися в социальном обслуживании, независимо от состава семьи и без учета уровня доходов семьи: семье, воспитывающей ребенка-инвалида; людям пожилого возраста, частично утратившим способность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью; инвалидам I или II группы;

– принятия в первоочередном порядке на социальное обслуживание в организации социального обслуживания членов семьи, признанных нуждающимися в социальном обслуживании в стационарной форме, независимо от состава семьи;

– содействию в поиске подходящей работы;

– организации профессиональной ориентации;

– организации временного трудоустройства несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время;

– организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования.

Осуществляются меры социальной поддержки:

– предоставление права на внеочередное зачисление в муниципальную образовательную организацию, реализующую программу дошкольного образования;

– освобождение от платы, взимаемой за присмотр и уход за ребенком в муниципальных образовательных организациях, реализующих программы дошкольного образования;

– предоставление бесплатного одноразового горячего питания обучающимся 5–11 классов в муниципальных образовательных организациях;

– предоставление детям права бесплатного посещения занятий по дополнительным образовательным программам в муниципальных организациях дополнительного образования;

– предоставление детям бесплатных путевок в организации отдыха детей и их оздоровления и компенсаций родителям за самостоятельно приобретенные путевки для детей.

Детям военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов, поступившим в 2022–2023 учебном году на очную форму обучения по образовательным программам высшего образования – бакалавриата и

специалитета в вузы и филиалы, расположенные на территории области, предоставляется единовременная выплата в сумме 20 тыс. с учетом суммы налогов [13]. Возраст студента – до 23 лет, местом жительства, пребывания, фактического проживания является Ростовская область.

Заключение. Статья дает целостное представление о системе социальной поддержки мобилизованных людей и членов их семей. Приведенный материал по стране в целом, особенно по

Москве и Ростовской области может явиться условием повышения эффективности социальной поддержки в регионах. Следует подчеркнуть необходимость в полном объеме соблюдать правовые о социальной защите мобилизованных людей и членов их семей.

Статья предназначена для специалистов в области изучения социальной поддержки мобилизованных людей в Вооруженные Силы Российской Федерации.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014; 2022. № 43. Ст. 7267; официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 04 августа 2023 г. № 0001202308040025.
2. Горовцова М. Частичная мобилизация в России завершена / М. Горовцова // Гарант.РУ.
3. Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022, № 39. Ст. 6590.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02 ноября 2022 года № 787 «О единовременной денежной выплате военнослужащим, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 03 ноября 2022 г. № 0001202211030044; Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть I). Ст. 205.
5. Указ Президента Российской Федерации от 03 апреля 2023 года № 232 «О создании Государственного фонда поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 15. Ст. 2660; № 16. Ст. 2895.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июня 2023 года № 973 «Об утверждении Правил предоставления в 2023 году грантов в форме субсидий из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, Государственному фонду поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 25. Ст. 4594.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2022 года № 511 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений в 2022 и 2023 годах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 15. Ст. 2459; № 39. Ст. 6646.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 октября 2022 года № 1933 «Об особенностях предоставления некоторых мер социальной поддержки, а также оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта семьям граждан, призванных на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 45. Ст. 7716; 2023. № 1 (часть II). Ст. 322.
9. Указ мэра Москвы от 22 сентября 2022 года № 52-УМ «О дополнительных социальных гарантиях лицам, призванным на военную службу по мобилизации» // Вестник Москвы. 2022. № 54; № 58.
10. Указ мэра Москвы от 05 октября 2022 года № 56-УМ «О дополнительных мерах социальной поддержки семьям лиц, призванных на военную службу по мобилизации» // Вестник Москвы. 2022. № 57; 2023. № 12.
11. Постановление Правительства Ростовской области от 28 сентября 2022 года № 802 «Об утверждении Положения о порядке и условиях предоставления гражданам, призванным на военную службу по частичной мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, единовременной выплаты» // Собрание правовых актов Ростовской области. 2022, № 9; официальный интернет-портал правовой информации (URL : <http://publication.pravo.gov.ru>) 16 января 2023 г. № 6100202301160001.

12. Постановление Правительства Ростовской области от 10 октября 2022 года № 845 «О мерах поддержки семей лиц, призванных на военную службу по мобилизации» // Собрание правовых актов Ростовской области. 2022. № 10; № 12.
13. Постановление Правительства Ростовской области от 26 декабря 2022 года № 1156 «Об утверждении Порядка предоставления единовременной выплаты детям военнослужащих и сотрудников некоторых федеральных государственных органов, поступившим в 2022–2023 учебном году на обучение по образовательным программам высшего образования (программам бакалавриата и программам специалитета)» // Собрание правовых актов Ростовской области. 2022. № 12.

References:

1. Federal Law № 31-FZ of February 26, 1997 «On Mobilization Training and Mobilization in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. № 9. Art. 1014; 2022. № 43. Art. 7267; official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) August 04, 2023 № 0001202308040025.
2. Gorovtsova M. Partial mobilization in Russia completed / M. Gorovtsova // Garant.RU.
3. Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 2022 № 647 «On the declaration of partial mobilization in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. № 39. P. 6590.
4. Decree of the President of the Russian Federation of November 02, 2022 № 787 «On a one-time cash payment to military personnel undergoing military service under a contract in the Armed Forces of the Russian Federation» // Official Internet portal of legal information (pravo.gov.ru) November 03, 2022 № 0001202211030044; Collection of legislation of the Russian Federation. 2023. № 1 (part I). Art. 205.
5. Decree of the President of the Russian Federation of April 03, 2023 № 232 «On the creation of the State Fund for Support of Participants in the Special Military Operation «Defenders of the Fatherland»» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. № 15. Art. 2660; № 16. Art. 2895.
6. Decree of the Government of the Russian Federation of June 13, 2023 № 973 «On approval of the Rules for the provision in 2023 of grants in the form of subsidies from the federal budget, the source of financial support of which is the budget allocations of the reserve fund of the Government of the Russian Federation, to the State Fund for Support of Participants in the Special Military Operation «Defenders of the Fatherland»» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. № 25. Art. 4594.
7. Decree of the Government of the Russian Federation of March 30, 2022 № 511 «On the peculiarities of legal regulation of labor relations and other relations directly related to them in 2022 and 2023» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 15. Art. 2459; № 39. Art. 6646.
8. Decree of the Government of the Russian Federation of October 29, 2022 № 1933 «On the peculiarities of providing some measures of social support, as well as providing state social assistance on the basis of a social contract to families of citizens called up for military service to mobilize in the Armed Forces of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. № 45. Art. 7716; 2023. № 1 (part II). Art. 322.
9. Decree of the Mayor of Moscow dated September 22, 2022 № 52-UM «On additional social guarantees for persons called up for military service for mobilization» // Bulletin of Moscow. 2022. № 54; № 58.
10. Decree of the Mayor of Moscow dated October 05, 2022 № 56-UM «On additional measures of social support for families of persons called up for military service for mobilization» // Bulletin of Moscow. 2022. № 57; 2023. № 12.
11. Decree of the Government of the Rostov Region dated September 28, 2022 № 802 «On Approval of the Regulations on the Procedure and Conditions for Providing Lump Sum Payments to Citizens Called Up for Military Service for Partial Mobilization in the Armed Forces of the Russian Federation» // Collection of Legal Acts of the Rostov Region. 2022. № 9; official Internet portal of legal information (URL : <http://publication.pravo.gov.ru>) January 16, 2023 № 6100202301160001.
12. Decree of the Government of the Rostov Region dated October 10, 2022 № 845 «On measures to support the families of persons called up for military service for mobilization» // Collection of legal acts of the Rostov region. 2022. № 10; № 12.
13. Decree of the Government of the Rostov Region dated December 26, 2022 № 1156 «On Approval of the Procedure for Providing a Lump Sum Payment to Children of Military Personnel and Employees of Some Federal State Bodies Admitted in the 2022–2023 Academic Year for Training in Educational Programs of Higher Education (Bachelor's Programs and Specialist Programs)» // Collection of Legal Acts of the Rostov Region. 2022, № 12.

Информация об авторах

Понеделков Александр Васильевич
доктор политических наук,
профессор,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Alexander V. Ponedelkov
Doctor of Political Sciences,
Professor,
South-Russian Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
ponedelkov@unu.ranepa.ru

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Щербакова Лидия Ильинична

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры
социальных и гуманитарных наук,
Южно-российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, Новочеркасск
lidia-npi@mail.ru
ORCID 0000-0002-5374-6194

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры финансового
и HR менеджмента,
Ростовский государственный
экономический университет
amygin78_@yandex.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
anaverin1947@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0009-0009-0579-8545>

Lidiya I. Shcherbakova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department Social
and Human Sciences,
South Russian State Polytechnic University (NPI)
named after M.I. Platova, Novochechassk
lidia-npi@mail.ru
ORCID 0000-0002-5374-6194

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of financial and HR Management,
Rostov State University of Economics
amygin78_@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.61.84.021>
УДК 316.74:2(470.67)

Attribution
cc by

ПРАВОСЛАВНЫЕ В ДАГЕСТАНЕ: РЕЛИГИОЗНОСТЬ И КУЛЬТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Шихалиева Д.С., Муртузова З.М., Ремиханова Р.И.
Дагестанский государственный технический университет

Аннотация. Религиозное возрождение затронуло не только мусульманское, но и православное сообщество. Если деструктивные явления под лозунгами ислама обусловили рост интереса научного сообщества о статусе и роли мусульманства, природы и причин религиозного экстремизма в современном российском обществе, радикализации сознания, то вопрос положения православия и социального самочувствия православного населения, возможности соблюдения верующими предписаний православия в многоконфессиональном социуме не нашло своего осмысления. В этой связи, актуальным является анализ религиозности и культового поведения православного населения на примере многоконфессионального дагестанского социума. Результаты исследования показывают важность для подавляющей части опрошенного русского населения собственной религиозной принадлежности, при одновременной самоидентификации с православием. Констатация религиозной самоидентификации сопровождается пассивным религиозным поведением опрошенных, низким уровнем участия в православных праздниках, при несоблюдении базовых православных постулатов.

Ключевые слова: православие, религиозность, культовое поведение, многоконфессиональное сообщество, верующий, атеист.

ORTHODOX IN DAGESTAN: RELIGIOSITY AND CULT BEHAVIOR

Dagmara S. Shikhalieva, Zaira M. Murtuzova, Ramila I. Remikhanova
Dagestan State Technical University

Abstract. The religious revival has affected not only the Muslim, but also the Orthodox community. If acts of religious extremism under the slogans of Islam led to the growing interest of the scientific community in the role of Islam in modern Russian society, then the situation of Orthodoxy and the Orthodox population, the possibility of believers observing the prescriptions of Orthodoxy in a multi-confessional society has not found its meaning. In this regard, it is relevant to analyze the religiosity and cult behavior of the Orthodox population on the example of polyreligious education. The results of the study show the importance for the vast majority of the surveyed Russian population of their own religious affiliation, while simultaneously identifying with Orthodoxy. The statement of religious self-identification is accompanied by passive religious behavior of the respondents, a low level of participation in Orthodox holidays, with non-compliance with basic Orthodox postulates.

Keywords: Orthodoxy, religiosity, cult behavior, multi-confessional community, believer, atheist.

Введение. Религиозность и формы ее существования, религиозная и этноконфессиональная идентичности, культовое поведение, роль религии в современном российском социуме, проблема веротерпимости – это далеко не полный перечень вопросов, которые в настоящее время актуализированы. Россия многонациональная и многоконфессиональная страна и наряду с вопросами ее социально-экономического и политического развития; не менее значимыми являются проблемы формирования межнациональной и межрелигиозной толерантности.

Отечественные исследователи уделяют большое внимание теоретическому и прикладному исследованию вышеперечисленных вопросов,

анализирует их с различных позиций, выделяет разные аспекты, в частности, влияние экономического фактора на межнациональную сферу, взаимоотношения национального и религиозного компонентов, государственно-церковных отношений и т.д. [1, 2, 3, 4].

Как правило, исследование религиозности населения, особенно в северокавказских республиках, в основном сконцентрировано на изучении исламского фактора и его влияния на радикализацию сознания, предупреждения деструктивных тенденций в общественном развитии, недопущения различного характера конфликтов. При этом, к сожалению, должное внимание не уделяется изучению православия и его положения в полирелигиозном социуме. Поэтому нам пред-

ставляется необходимым показать религиозность и культовое поведение русского населения, как последователей православия, на примере Дагестана.

Если обратиться к положению православия на территории Дагестана, то с 1998 по 2011 гг., расположенные все приходы Русской Православной Церкви относились к Бакинской и Прикаспийской епархии Московского Патриархата [5]. 22 марта 2011 г. Дагестан, Чечня и Ингушетия вошли в состав Владикавказской и Махачкалинской епархии. 26 декабря 2012 г. решением Священного Синода из состава Владикавказской епархии была выделена Махачкалинская епархия, наделенная самостоятельным статусом, с центром в Махачкале и включением в ее состав приходов и монастырей в Дагестане, Ингушетии и Чечне [6]. Собственно Махачкалинский церковный округ включает храмы, расположенные в гг. Махачкала, Дербент, Избербаш, Хасавюрт, Буйнакс, Ботлихского, Ахтынского и Хунзахского районов; в Кизлярский церковный округ входят храмы Кизлярского района; Тарумовский церковный округ включает храмы Тарумовского и Ногайского районов, г. Южно-Сухокумск [7].

В настоящее время на территории Дагестана действует множество культовых православных учреждений: Кафедральный Собор Успения Пресвятой Богородицы (г. Махачкала); Храм Святого Знамения Божьей Матери (г. Хасавюрт); Церковь Казанской Божьей Матери (г. Каспийск); Церковь Святого Покрова Божьей Матери (г. Дербент); Церковь преподобного Серафима Саровского (г. Избербаш); Церковь Александра Невского (с. Ахты); Церковь Александра Невского (г. Буйнакс); Храм Святого Великомученика Георгия Победоносца (г. Кизляр); Свято-Никольская церковь (г. Кизляр); Часовня во имя иконы Божией Матери «Взыскание погибших» (г. Кизляр); Церковь Казанской Божьей Матери (п. Комсомольский, г. Кизляр); Свято-Никольская церковь (с. Крайновка); Храм святителя Николая Чудотворца (с. Брянск); Церковь Николая Чудотворца (с. Кочубей); Церковь Андрея Первозванного (с. Тарумовка); Церковь Пресвятой Богородицы (с. Таловка); Церковь Петра и Павла (с. Коктюбей); Часовня Александра Невского (с. Терекли-Мектеб); Крестовоздвиженский женский монастырь (г. Кизляр).

Гордостью Дагестана является Свято Знаменский собор (г. Хасавюрт), самый крупный и красивый православный храм Северного Кавказа. Массовый отъезд русскоязычного населения в 1990-х гг. из Дагестана, в том числе и из Хасавюрта, естественно сократило число прихожан. Тревогу вызывает и состояние самого храма, который нуждается в капитальном ремонте. Однако, несмотря на его плачевное внутреннее и внешнее состояние, меры не предпринимаются, что только ухудшит ситуацию.

Методы исследования. Изучение религиозности и культового поведения православного насе-

ления Дагестана осуществлено на основе вторичного анализа материалов социологического опроса по изучению религиозности и религиозного поведения N = 298.

Результаты. В общественном сознании сложилась ассоциация определенных народов с конкретным вероисповеданием независимо от представителя этнического образования к религии – верующий/неверующий. Примером является восприятие дагестанских народов как носителей исламского учения, а русских как последователей православия. При этом полностью игнорируются такие параметры как отношение человека к религии, его самоидентификация, религиозность, религиозное поведение, которые в совокупности позволяют сформировать портрет верующего человека. Поэтому можно согласиться с мнением, что «православие не является личной религией, это – один из маркеров культурной, этнической или же идеологической идентификации» [8, с. 103]. При рассмотрении религиозного компонента необходимо учитывать его роль в национальной жизни, ибо вероисповедание является одним из маркеров воспроизводства этнической идентичности.

Как выглядит православный человек? Какие ценности для него важны и как данные ценности связаны с религиозными установками? Каковы критерии ассоциации индивида с православием? Об этом также пишут российские исследователи [9; 10]. По мнению С.В. Рыжовой, «православным человек может считать себя не столько потому, что он верует в Бога, а скорее потому, что крещеный и живет в стране с православными традициями. Такой статус идентичности не подразумевает потерю веры, скорее он свидетельствует о том, что в возрождении православия проявляется массовая потребность в историко-культурной идентификации с Россией, в возрождении и новом воссоздании российского мифа» [11, с. 2551].

Что такое религиозность? В религиоведении ее понимают как «социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств (признаков). Характер религиозности можно определить как качественную и количественную особенность, специфику черт религиозности индивида, группы, населения. Религиозность фиксируется с помощью критериев (индикаторов): состояние сознания, поведения, включенность в религиозную жизнь» [12, с. 95]. Иными словами, индикатором измерения религиозности является значение религиозной принадлежности, ее вес в сознании индивида. Аналитика показывает, что для одной трети русского населения религиозная принадлежность представляется «очень важной»; при этом 24,3 % респондентов отмечают, что религиозная принадлежность для них «не очень важна» и 22,0 % придерживаются позиции «совсем не важна». Эмпирика в разрезе отношения к религии показывает, что 13,8 % опрошенных считают себя

убежденно верующими, 56,6 % верующими, 11,2 % колеблющимися, 10,1 % неверующими и 1,9 % убежденно неверующими. При этом 64,8 % «верят в Бога, создавшего мир и управляющего им», 30,6 % ближе к суждению «я допускаю существование Бога или некоей сверхъестественной силы, но не убежден(-а) в этом» и 4,5 % являются атеистами.

Далее, материал на вопрос: «Как часто Вы участвуете в религиозной деятельности?» показывает, что 4,6 % «всегда участвуют во всех религиозных обрядах своей религии и привлекают других людей», 17,6 % «всегда принимают участие в главных религиозных обрядах своей религии», 52,8 % «иногда участвуют в некоторых религиозных обрядах своей религии», 28,7 % «вообще не принимают участие в религиозных обрядах своей религии».

Самоидентификация опрошенных русских с православием характерна для 71,3 %; 5,6 % считают себя последователями ислама, 10,1 % в Бога верят, но не ассоциируют себя с конкретной религией и 7,4 % опрошенных себя ни к какой религии не относят, ибо считают себя атеистами.

Обозначение отношения к вероучению предполагает установление культового поведения респондентов, ибо, как ранее было показано, больше половины опрошенных русских обозначили свое отношение к религии как «верующие». Если обратиться к данным опроса, то они показывают, что 54,6 % редко посещают церковь, 39,0 % вообще не молятся и 33,4 % молятся от случая к случаю, 47,1 % вообще не читают религиозные тексты и 38,9 % редко, но обращаются к Священному Писанию. При этом одна четвертая часть соблюдает пост против 50,9 % не соблюдающих его, 59,3 % никогда не исповедовались, 29,0 % редко, но ходят на исповедь.

Такая же картина характерна и в отношении причащения: 30,6 % редко причащаются и 53,7 % вообще не причащаются. Иными словами, эмпирический материал свидетельствует о пассивном культовом поведении опрошенного русского населения. По всем параметрам измерения религиозного поведения преобладают суждения неучастия респондентов в важных православных обрядах.

В этой связи возникают вопросы: «Можно ли относить опрошенных к верующим?» и «Насколько правомерным будет причисление людей, которые ведут пассивное религиозное поведение к когорте верующих?».

По мнению автора, ключевым индикатором определения отношения человека к религии должно быть обозначение (выделено автором) самим человеком своего отношения к религии –

верующий или неверующий. А соблюдение им религиозных постулатов является его личным делом, более того, может сложиться ситуация когда верующий человек по объективным причинам не может вести активную религиозную жизнь, например, из-за отсутствия, во-первых, церкви, во-вторых, духовного лица на территории его проживания, в-третьих, состояния здоровья, не позволяющего строго соблюдать те или иные православные правила. В качестве примера можно привести соблюдение поста, хотя к посту православных нет таких жестких ограничений, как у мусульман: если физически нездоровый человек будет его соблюдать, то могут возникнуть проблемы с физическим самочувствием.

Таким образом, если придерживаться положений «В-индекса» В.Ф. Чесноковой [13], который выступает индикатором измерения религиозного поведения православных, то эмпирика однозначно свидетельствует о том, что за исключением обозначенного респондентами отношения к религии (верующий/неверующий, последователь православия) маркеры определения религиозности через призму культового поведения очень слабы выражены. Причина такой позиции, видимо, кроется в том, что господствовавшая в советский период атеистическая идеология, репрессии против священнослужителей, в целом, негативно сказались на религиозной ориентации населения независимо от исповедуемого учения. Если мусульмане в течение очень короткого периода приобщились к исламскому учению, а старое поколение, не переставшее и в советский период соблюдать предписания ислама, стали делать это открыто. Более того, отсутствие контроля со стороны государства еще больше интенсифицировал процесс мусульманского возрождения, то в православии данные процессы не имели такой активности и протекали относительно инертно.

Заключение. Анализ религиозности русского населения Дагестана показывает, что в настоящее время на территории республики функционирует множество культовых учреждений, что позволяет верующему православному в полной мере реализовать свои мировоззренческие убеждения. Несмотря на их нахождение в окружении численно доминирующей части последователей ислама, не наблюдается ущемление их прав и преград в демонстрации своего отношения к религии. Более того, необходимо отметить, что на территории Дагестана никогда не наблюдалась дискриминация по конфессиональной принадлежности: все религии и их последователи имели и имеют равные права и возможности в оправлении культовых постулатов. Иными словами, можно констатировать наличие в Дагестане веротерпимости, которая даже в сложные 1990-е гг. прошлого столетия проявила себя в полной форме.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере / Е.В. Пруцкова // Социологический журнал. 2013. № 2. С. 72–88.
2. Дивисенко К.С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира / К.С. Дивисенко // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84–100.
3. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала : АЛЕФ, 2016. 358 с.
4. Шахбанова М.М. Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих / М.М. Шахбанова // Исламоведение. 2015. Т. 6. № 3(25). С. 85–96.
5. Ханбабаев К.М. Христианство в Дагестане / К.М. Ханбабаев, Т.О. Омарова // Народы Дагестана. 2001. № 3. С. 59–63.
6. Решением Священного Синода в пределах Дагестана, Ингушетии и Чеченской Республики образована Махачкалинская епархия. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2674464.html> (дата обращения 11.01.2024).
7. URL : <http://goragospodnya.ru/blagochinija-i-hramy> (дата обращения 11.01.2024).
8. Митрофанова А.В. Россия как православное государство: иллюзии и реальность // Россия и современный мир. 2008. № 4(61). С. 100–110.
9. Гафиатулина Н.Х. Религиозные установки как элемент управления ценностными ориентациями современной молодежи / Н.Х. Гафиатулина // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростовский государственный экономический университет. Ростов-н/Д., 2019. С. 217–225.
10. Белов М.Т. Управление религиозными ориентирами в сознании современной молодежи / М.Т. Белов, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // Экономические проблемы России и региона. Ученые записки. Ростов-н/Д., 2019. С. 186–193.
11. Рыжова С.В. Православная идентичность в гражданском обществе: ресурсы и риски становления / С.В. Рыжова // IV Очередной Всероссийский социологический конгресс. Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Секция 2. М., 2012. С. 2549–2557.
12. Андреева Л.А. Религиозность студенческой молодежи. Опыт сопоставления с религиозностью россиян / Л.А. Андреева, Л.К. Андреева // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 95–98.
13. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический Проект, 2005. 297 с.

References:

1. Prutskova E.V. Religiosity and its consequences in the value-normative sphere / E.V. Prutskova // Sociological Journal. 2013. № 2. P. 72–88.
2. Divisenko K.S. Religious knowledge, beliefs, practices in the structure of the life world / K.S. Divisenko // Sociological Journal. 2011. № 4. P. 84–100.
3. Shakhbanova M.M. Ethnic, religious and state-civil identities of Dagestan peoples in the conditions of transformation of Russian society. Makhachkala : ALEF, 2016. 358 p.
4. Shakhbanova M.M. Religiosity and cult behavior of Dagestani believers / M.M. Shakhbanova // Islamic Studies. 2015. Vol. 6. № 3(25). P. 85–96.
5. Khanbabaev K.M. Christianity in Dagestan / K.M. Khanbabaev, T.O. Omarova // Peoples of Dagestan. 2001. № 3. P. 59–63.
6. By the decision of the Holy Synod, the Makhachkala diocese was established within Dagestan, Ingushetia and the Chechen Republic. URL : <http://www.patriarchia.ru/db/text/2674464.html> (date of the application 11.01.2024).
7. URL : <http://goragospodnya.ru/blagochinija-i-hramy> (date of the application 11.01.2024).
8. Mitrofanova A.V. Russia as an Orthodox state: illusions and reality / A.V. Mitrofanova // Russia and the modern world. 2008. № 4(61). P. 100–110.
9. Gafiatulina N.Kh. Religious attitudes as an element of controlling the value orientations of modern youth / N.Kh. Gafiatulina // Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov State Economic University. Rostov-n/D., 2019. P. 217–225.
10. Belov M.T. Managing religious guidelines in the consciousness of modern youth / M.T. Belov, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // Economic problems of Russia and the region. Scientific notes. Rostov-n/D., 2019. P. 186–193.

11. Ryzhova S.V. Orthodox identity in civil society: resources and risks of formation // IV Regular All-Russian Sociological Congress. Sociology and Society: Global challenges and regional development. Section 2. М., 2012. P. 2549–2557.
12. Andreeva L.A. Religiosity of student youth. The experience of comparison with the religiosity of Russians / L.A. Andreeva, L.K. Andreeva // Sociological research. 2010. № 9. P. 95–98.
13. Chesnokova V.F. In a close way: the process of church formation of the population of Russia at the end of the XX century. М. : Academic Project, 2005. 297 p.

Информация об авторах

Шихалиева Дагмара Сергеевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
anabella.07@bk.ru

Муртузова Заира Магомедовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
nirvana1509@mail.ru

Ремиханова Рамила Идрисовна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории Отечества,
Дагестанский государственный
технический университет, Махачкала
reramila@yandex.ru

Dagmara S. Shikhalieva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
anabella.07@bk.ru

Zaira M. Murtuzova

candidate of philosophical sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University, Makhachkala
nirvana1509@mail.ru

Ramila I. Remikhanova

Candidate in Historical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of History Fatherland Dagestan,
State Technical University, Makhachkala
reramila@yandex.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.81.17.013>

УДК 31.316.3

Attribution

cc by

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ КАК ПУТЬ К ПЕРСПЕКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Яковлев А.А., Егоров М.Н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

Аннотация. В статье рассматриваются карьерные стратегии молодежи как план действий, стремление к перспективной деятельности и факторы их формирования. Авторами указывается на то, что сегодня карьерная стратегия молодежи становится динамичным процессом, требующим постоянной адаптации к новым реалиям жизни. В исследовании отмечается, что хорошо продуманная и разработанная стратегия положительно способствует перенесению любых жизненных переживаний и испытаний, помогает молодым людям достигать своих целей, повышать профессионализм, улучшает свой профессиональный статус и карьерные перспективы. В результате проведенного исследования авторами разработаны практические рекомендации по формированию карьерных стратегий молодежи, состоящие из 7 пунктов. В качестве одного из путей решения рассматриваемой проблемы, авторами предложен проект «КФорм», направленный на повышение у молодежи мотивации в карьере от 18 до 25 лет г. Якутска Республики Саха (Якутия). Одним из основных мероприятий проекта «КФорм» выступает митап на тему «Как стать уверенным в себе и добиться успеха в карьере?» в виде неформальной встречи.

Ключевые слова: молодежь, карьера, карьерные стратегии, государственная молодежная политика РФ, формирование карьерной стратегии, проектная деятельность.

CAREER STRATEGIES OF YOUNG PEOPLE AS A WAY TO PROMISING ACTIVITIES

Alexey A. Yakovlev, Mark N. Egorov

Northeast Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

Abstract. The article examines the career strategies of young people as an action plan, the desire for promising activities and the factors of their formation. The authors point out that today the career strategy of young people is becoming a dynamic process that requires constant adaptation to new realities of life. The study notes that a well-thought-out and developed strategy positively contributes to the transfer of any life experiences and trials, helps young people achieve their goals, improve their professionalism, improve their professional status and career prospects. As a result of the conducted research, the authors have developed practical recommendations for the formation of career strategies for young people, consisting of 7 points. As one of the ways to solve the problem under consideration, the authors proposed the KForm project aimed at increasing motivation among young people in a career from 18 to 25 years of age in Yakutsk, Sakha Republic (Yakutia). One of the main events of the KForm project is a meetup on the topic «How to become self-confident and succeed in your career?» in the form of an informal meeting.

Keywords: youth, career, career strategies, state youth policy of the Russian Federation, formation of a career strategy, project activities.

Введение. К концу XX века в отечественных исследованиях были даны определения, что такое карьера. Феномен карьеры становится объектом исследования многих социально-гуманитарных дисциплин. Этому способствовало устойчивое развитие и активное внедрение ИТ-технологий, усиление конкуренции на рынке труда, рост потребления и производства и многое другое. В научных исследованиях особое внимание начинают уделять тому, как добиться успеха в своей профессиональной деятельности, карьере и, следовательно, предлагаются новые рекомендации и советы по их достижению.

Обсуждение. Как показывают результаты научных исследований и реальные условия жизни, за последние годы произошли существенные изменения на рынке труда. Так, в настоящее время, мы столкнулись с проблемой разработки и формирования карьерной стратегии у молодежи как стратегического ресурса развития страны, что препятствует, несомненно, строительству новой России. В современном мире наличие сформированной карьерной стратегии у молодежи способствует достижению поставленных целей и задач, а также успеха в жизни.

В своих исследованиях российские ученые отмечают карьеру как профессиональный прогресс и продвижение в должности, переход от одной ступени профессионализма к другой, что является показателем определенного достойного социального положения человека в обществе. Его ответственное отношение к собственному развитию в выбранной сфере профессиональной деятельности основывается на нравственности, оценке реальных возможностей и пути достижений поставленных целей.

Карьерные стратегии молодежи мы рассматриваем как стремление к перспективной деятельности, которая учитывает их личностный потенциал, уровень сформированных компетенций и социальные условия. Продуманная карьерная стратегия помогает молодежи анализировать, действовать рационально и ответственно при составлении долгосрочного плана на будущее, увидеть перспективы, сосредоточиться на достижении цели и получение результатов своей профессиональной деятельности. Наличие у неё карьерной стратегии положительно способствует перенесению любых жизненных переживаний, и показывает наши реальные возможности. Все это в совокупности дает развитие, совершенствование, навыки и опыт.

В научной литературе существует несколько концептуальных методологических подходов в определении процесса формирования карьерной стратегии молодежи.

Так, например, В.В. Сериков, Е.Н. Бондаревская, И.С. Якиманская и др., выделяют личностно-ориентированный подход, где ведущими принципами выступают самоактуализация, индивидуализация и субъектность, которые будут способствовать самопознанию, самосовершенствованию, самореализации личности.

Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др., отмечают деятельностный подход, направленный на развитие субъектности через деятельность. Авторы сходятся во мнении, что человек, в зависимости от его профессиональных и карьерных предпочтений, может выявлять, оценивать, регулировать и организовывать свой вид деятельности.

Социологический подход, по мнению М.В. Кораблева, М.В. Полухина, процесс формирования карьерной стратегии соотносится с профессиональным самоутверждением и обменом карьерными ценностями, что в последствии приводит к последовательному и поэтапному изменению должностных статусов, согласно организационной иерархии.

Использование при разработке карьерных стратегий метода продвижения и организации деятельности обеспечит оптимальное применение движущего механизма и, следовательно, уменьшит действие любых ограничивающих факторов и препятствий.

При формировании карьерных стратегий необходимо учитывать взаимосвязанность выбора в сфере образования, работы и семьи. Обеспечение стабильности карьерного процесса является главной задачей карьерной стратегии. Она содержит в себе цели, включающие путь в профессиональной карьере, их сочетание с жизненным смыслом, основными правилами и взглядами, приводящие к их реализации.

На наш взгляд, на формирование карьеры влияют три социальных когнитивных процесса. Во-первых, убеждение в самозффективности, во-вторых, ожидание результатов и, в-третьих, карьерные цели и намерения. Эти процессы взаимосвязаны с этнической принадлежностью человека, его культурой, полом, социально-экономическим статусом, социальной поддержкой и любыми встречающимися барьерами на пути к карьере. Они, соответственно, формируют образовательную и карьерную траекторию человека. Мы убеждены в том, что культура и культурные ценности народа существенно влияют на выбор карьеры у молодежи.

Существуют факторы, влияющие на карьеру, такие как внутренние, внешние и межличностные измерения. К внутреннему измерению относится набор интересов и потребностей человека, связанных с его профессией и ее ролью в социуме. Желание человека к социальному признанию и безопасности относится к внешним измерениям. Влияние окружающих людей, семьи как социального института, друзей и учителей – это и есть межличностное измерение.

Как показывает анализ литературы, многие исследователи изучают карьеру в различных аспектах и предлагают всевозможные подходы к ее изучению. Независимо, в каком аспекте рассматривается карьера, только при наличии у человека мотивации, социального статуса и признания в обществе, материального благополучия обеспечивается его всестороннее развитие как целостной личности. При этом главными качествами для успешного построения карьеры выступают целеустремленность, ответственность и коммуникативные способности.

В настоящее время в России большое внимание уделяется проблемам молодежи и подготовки специалистов по работе с молодежью. Устойчивое развитие инновационной экономики государства дает молодому человеку, как главному ресурсу страны, огромные возможности для его максимального самообразования и самовоспитания, самореализации и саморазвития. В стремительно меняющихся условиях развития страны молодежная политика привлекает большое внимание всех органов государственной власти, научных и общественных сообществ. Тем не менее, профессиональное самоопределение, вопросы формирования карьеры и социализации в обществе остаются актуальными вопросами и наиболее важными проблемами современной молодежи.

В 2020 году был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации», который способствовал укреплению нормативно-правовой базы, определению основных направлений прогресса молодежной политики, закреплению основных полномочий и обязанностей субъектов осуществления государственной молодежной политики, органов исполнительной власти в области общественного правопорядка. Реализация государственной молодежной политики Российской Федерации осуществляется на федеральном, региональном, муниципальном уровне [3].

В Республике Саха (Якутия) действует закон ЗН 49-II от 03 декабря 1998 года «О государственной молодежной политике в Республике Саха (Якутия)», направленный на совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий, которые способствуют успешной самореализации молодежи, их активной интеграции в общество и повышению их влияния в жизни страны. Данный закон отражает стремление учитывать потребности молодежи в различных сферах жизнедеятельности, максимально использовать их потенциал и обеспечить им доступ к образованию, здоровому образу жизни, культурному развитию и поддержке в достижении личных и профессиональных целей. Реализация данного закона предполагает создание повышенных условий для молодежи, оказание им поддержки в решении социально-экономических проблем и обеспечение их участия в формировании и реализации государственной политики [1].

В последние десятилетия в Республике Саха (Якутия) проектная деятельность становится одним из приоритетных направлений развития профессиональной карьеры молодежи. В достижении определенных задач приоритетного направления реализуются различные конкурсы и

программы, такие как Конкурс грантов Главы Республики Саха (Якутия), Молодежный фестиваль «Муус Устар» и кадровый конкурс «Таланты Якутии». Подобные мероприятия направлены на развитие гражданского общества, раскрытие профессионального, управленческого и интеллектуального потенциала молодежи, а также на выявление лидеров и поддержку молодежных инициатив.

Таким образом, формирование и развитие карьерной стратегии молодежи являются стержневым составляющим государственной молодежной политики Российской Федерации и Республики Саха (Якутия). Для формирования и развития профессиональной карьерной стратегии молодежи разрабатываются и реализуются различные государственные и региональные проекты и программы, создаются необходимые условия для самореализации молодежи, открываются многофункциональные центры по трудоустройству и занятости молодежи, проводятся образовательные, творческие форумы, стратегические проектные сессии, различные курсы повышения квалификации и переподготовки и др.

Нами был проведен социологический опрос, основной целью которого являлось выявление сформированности карьерной стратегии среди молодежи Республики Саха (Якутия). В опросе приняли участие 287 респондентов, из них – женщин всего 182 (64 %), мужчин – 105 (36 %). Основной возраст респондентов составил: 18 – 61 чел., (23 %), 20 лет – 67 чел., (21 %) и 21 лет – 46 чел., (16 %). Как показали результаты опроса, наибольшее количество респондентов были из г. Якутска – 86 (30 %), 31 (11 %) из Сунтарского района, и 19 (6 %) из Мегино-Кангаласского района Республики Саха (Якутия).

Результаты социологического опроса приведены в таблице 1.

Таблица 1

№	Вопросы	Общ. кол. уч.	Ответы кол. (%)
1	Знаете ли, что такое карьерная стратегия?	220	Нет – 127 (44,3%)
2	Есть ли у Вас карьерная стратегия?	220	Нет – 155 (54%)
3	Как вы думаете, нужно ли разрабатывать свою карьерную стратегию и почему?	220	Да – 220 (100%)
4	Пройдя опрос, задумались ли Вы о своей карьерной стратегии?	220	Да – 239 (83%)

Один из респондентов социологического опроса указывает на обязательное наличие карьерной стратегии у молодежи, в связи с тем, что, в современном мире приветствуется гибкость, опыт и потенциал из-за высокой конкуренции на рынке труда.

Также, другой респондент делится своим мнением о том, что необходимо разработать карьерную стратегию более гибко, качественно и быстро с меньшим количеством ошибок и промахов, включающую в себя набор актуальных профессий, тренингов личностного роста, курсов повышения квалификаций и др.

Для выявления отношения молодежи Республики Саха (Якутия) к карьерной стратегии, нами был проведен другой социологический опрос, в котором участвовало 244 человек. Участникам предлагались определенные утверждения, касающиеся карьерных стратегий, из которых они должны были выбрать наиболее близкое к их мнению.

Большинство респондентов 78 (30,9 %) скорее согласны с тем, что диплом об образовании необходим для построения успешной карьеры человека. Так, 81 (33,3 %) респондент не согласен с тем, что мужчина должен быть успешнее в ка-

рьере, чем женщина. При этом, скорее согласны – 67 (27,6 %), что у женщин больше препятствий в построении карьеры, чем у мужчин.

70 (28,8 %) – скорее согласны с тем, что карьера является самым главным в жизни человека. Как показали результаты социологического исследования, 95 (39,1 %) участников полностью согласны с тем, что карьерные стратегии являются необходимым для каждого человека, кто хочет добиться успеха. 77 опрошенных (31,7 %) – скорее согласны, что невозможно построить успешную карьеру без должных связей и знакомств.

На основе теоретического анализа и полученных результатов социологических исследований, мы разработали практические рекомендации по формированию карьерных стратегий молодежи:

1. Начните с установления целей.
2. Образуйте команду.
3. Составьте план действий.
4. Развивайте навыки.
5. Найдите наставника.
6. Не бойтесь расширять горизонты.
7. Обладайте позитивным мышлением.

Результаты. Проведенное нами исследование показало, что современная молодежь не обладает соответствующими знаниями и навыками для эффективного формирования карьерных стратегий. В настоящее время, в связи с изменениями, происходящими в экономике и социальных условиях, карьерная стратегия является динамичным процессом, требующим постоянной адаптации к новым реалиям жизни. Однако молодежь не понимает, каким образом можно адекватно оценить текущие требования рынка труда и качественно спланировать свою карьеру на основе этих знаний.

Планирование карьеры является ключевым фактором в достижении успеха в профессиональной сфере. Большинство опрошенных считают, что такой план должен быть разработан уже на ранних этапах жизни, а также указывают на важность наличия социальных взаимодействий и связей в создании успешной карьеры.

Мы разработали проект «КФорм», направленный на повышение у молодежи мотивации в карьере от 18 до 25 лет г. Якутска Республики Саха (Якутия). Одним из основных мероприятий проекта «КФорм» является митап на тему «Как стать уверенным в себе и добиться успеха в карьере?» в виде неформальной встречи. Неформальная встреча представляет собой знакомство с успешными руководителями разных сфер деятельности. Спикеры проекта делятся своим экспертным мнением по важным и актуальным вопросам, маленькими жизненными подсказка-

ми, хитростями и советами, помогают разобратся в происходящих вокруг событиях, усовершенствовать навыки общения и сформировать собственную точку зрения с целью формирования карьерных стратегий.

Следует отметить, что данное мероприятие было нами реализовано 21 апреля 2023 г. в главном учебном корпусе СВФУ им. М.К. Аммосова, «Центр студенческих инициатив». В митапе приняло участие 66 студентов 4 спикера и 1 модератор. В ходе неформальной встречи гости дали рекомендации по подготовке перед собеседованием с работодателями, поделились экспертным мнением о том, какими навыками должен обладать успешный человек, рассказали, как студенческие годы помогли в их будущей карьере.

Заключение. В итоге теоретического анализа исследуемой проблемы и реализации разработанного проекта «КФорм» правомерно сделать следующие выводы:

Определены факторы формирования карьерной стратегии молодежи:

– Личностные (набор интересов, связанных с профессией и карьерой, желание социального признания, самоактуализация, самопознание, самосовершенствование, самореализация, самоутверждение, профессиональное самоопределение, саморазвитие и др.).

– Социальные (социальные институты и окружающая среда, единая система воспитания молодежи на основе сочетаний традиций прошлого, настоящего и будущего, социальные нормы и др.).

– Государственные (возможности и условия, создаваемые государством для молодежи: различные государственные, региональные, муниципальные программы, многофункциональные центры по трудоустройству и поддержки молодежи и их инициатив, образовательные форумы, различные курсы повышения квалификации и переподготовки и др.).

В связи с изменениями, происходящими социально-экономических условий жизни, карьерная стратегия молодежи, характеризующаяся как план действий, определяющий их цели, задачи и способы достижения успеха в любой карьерной области, становится динамичным процессом, требующим постоянной адаптации к новым реалиям жизни. Хорошо продуманная и разработанная стратегия положительно способствует перенесению любых жизненных переживаний, помогает молодым людям достигать своих целей, повышать профессионализм, улучшать свой профессиональный статус и карьерные перспективы, соответственно, она является основным фактором в достижении успеха в профессиональной сфере и ключевым показателем социальной и профессиональной зрелости молодежи.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Закон О государственной молодежной политике Республике Саха (Якутия) 3 № 50-II: [принят постановлением Палаты Представителей Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) от 08.12.1998 года]. Доступ из электронного фонда нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL : <https://docs.cntd.ru/document/423845511> (дата обращения 22.11.2023).
2. Официальный сайт фестиваля «Муус Устар». URL : <https://muusustar.ru> (дата обращения 01.12.2023).
3. Федеральный закон О молодежной политике в Российской Федерации № 489-ФЗ: [принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года.]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649 (дата обращения 26.11.2023).

References:

1. The Law on State Youth Policy in the Republic of Sakha (Yakutia) H № 50-II: [adopted by resolution of the House of Representatives of the State Assembly (Il Tumen) Republic of Sakha (Yakutia) dated 08.12.1998]. Access from the electronic fund of regulatory, technical and regulatory information of the Codex Consortium. URL : <https://docs.cntd.ru/document/423845511> (date of the application 11/22/2023).
2. The official website of the Muus Ustar festival. URL : <https://muusustar.ru> (date of the application 12/01/2023).
3. Federal Law on Youth Policy in the Russian Federation № 489-FZ: [adopted by the State Duma on December 23, 2020.]. Access from the reference.-legal system Consultant Plus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649 (date of the application 11/26/2023).

Информация об авторах

Яковлев Алексей Анатольевич
магистрант I курса кафедры экономики труда
и социальных отношений,
Финансово-экономический институт
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова, г. Якутск
alex.suntar@mail.ru

Егоров Марк Николаевич
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры культурологии,
Институт языков и культуры народов
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова, г. Якутск
ymn@yandex.ru

Alexey A. Yakovlev
First-year Undergraduate Student of the Department
of Labor Economics and Social Relations,
Northeastern Federal University
named after M.K. Ammosov, Yakutsk
alex.suntar@mail.ru

Mark N. Egorov
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Cultural Studies,
Institute of Languages and Cultures of the Peoples
of the Northeast Northeastern Federal University
named after M.K. Ammosov, Yakutsk
ymn@yandex.ru

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.91.46.001>
УДК 340.5

Attribution
cc by

ЗАЩИТА МАТЕРИНСТВА И ДЕТСТВА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Абрамян С.К.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть и проанализировать правовое положение осужденных женщин, имеющих детей, рожденных в исправительных учреждениях, а также механизмы защиты материнства и детства в пенитенциарной системе. Беременные девушки в тюрьмах, их условия содержания, роды и уход за младенцами – то, что беспокоит общество как никогда. По всей России располагаются 35 женских исправительных колоний, в которых содержится более 40 тысяч женщин. Некоторые из них содержатся там беременными. В специальных домах малютки при тюрьме проводят свои первые годы жизни порядка 500 детей. С одной стороны, их не так много, с другой – их судьба, процесс родов, сомнительное медицинское обслуживание и предопределенность их будущего беспокоит общественность.

Методология исследования основана на диалектико-материалистическом подходе к познанию обозначенных явлений и фактов. Инструментами в процессе работы над статьей стали такие методы, как сравнительно-правовой, описательный, статистический. Теоретическую основу составили научные работы ведущих ученых в области отечественного уголовного права; нормативную – правовые акты в анализируемой сфере; эмпирическую – материалы судебной практики, статистические данные.

Результатом проведенного в статье анализа стали выводы и предложения, которые могут быть полезны в практике совершенствования законодательства по вопросам правового положения указанной категории лиц.

Ключевые слова: институт материнства и детства; ресоциализация; женщины, осужденные к лишению свободы; защита прав детей, рожденных в исправительных учреждениях; государство, право, закон, защита.

PROTECTION OF MOTHERHOOD AND CHILDHOOD IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Suzanna K. Abrahamyan

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. The purpose of the study is to consider and analyze the legal status of convicted women with children born in correctional institutions, as well as mechanisms for the protection of motherhood and childhood in the penitentiary system. Pregnant girls in prisons, their conditions of detention, childbirth and caring for babies are something that worries society more than ever. There are 35 women's correctional colonies throughout Russia, housing more than 40 thousand women. Some of them are kept there pregnant. About 500 children spend their first years of life in special infant homes at the prison. On the one hand, there are not so many of them, on the other, their fate, the process of childbirth, questionable medical care and the predetermination of their future worries the public. The research methodology is based on a dialectical-materialistic approach to the knowledge of the designated phenomena and facts. The tools used in the process of working on the article were methods such as comparative legal, descriptive, and statistical. The theoretical basis was made up of scientific works of leading scientists in the field of domestic criminal law; regulatory – legal acts in the analyzed area; empirical – materials of judicial practice, statistical data. The result of the analysis carried out in the article were conclusions and proposals that can be useful in the practice of improving legislation on the legal status of this category of persons.

Keywords: Institute of Motherhood and Childhood; resocialization; women sentenced to imprisonment; protection of the rights of children born in correctional institutions; state, right, law, protection.

Введение.

Первое упоминание беременной женщины в стенах тюрьмы можно обнаружить в Соборном Уло-

жении 1649 года. Преступницу в положении тогда не только арестовывали и судили, но и иногда приговаривали к смертной казни, давая отсрочку до родов. Каждый год в российских коло-

ниях содержатся 544 ребенка, часть из них рождаются там, других матери привозят с собой, поскольку по закону запрещено разлучать ребенка с матерью до трех лет. Пребывание человека за решеткой – очень травматичный опыт даже для взрослого, что уж говорить о маленьком ребенке, который полностью зависит от матери. Первые годы жизни чрезвычайно важны и влияют как на физическое здоровье, так и на психику малыша. Естественно, условия, в которых оказываются роженицы, а после и младенцы, совершенно не пригодны. Так, возникает вопрос: Почему беременных вообще отправляют в тюрьму, при этом, мать не сразу лишают родительских прав?

Общественные организации действительно обеспокоены условиями и отношением работников СИЗО как к младенцам, так и к матерям. Участники проекта «Женщина. Тюрьма. Общество» много времени посвящают условиям содержания в СИЗО женщин и детей. Они не раз сталкивались с тем, что ФСИН вообще не занимается психологическим и физическим комфортом заключенных. В 2017 году был опубликован доклад «Положение уязвимых групп в местах принудительного содержания в Российской Федерации». Исследователи и наблюдатели опросили более 1000 человек, посетили СИЗО и составили полную картину несоответствий с теми условиями, которые прописаны законом. Последние несколько лет власти пытаются официально смягчить ситуацию и способствовать улучшению условий, но вряд ли они будут иметь результат на практике. Халатность и пренебрежение к заключенным как к низшим слоям общества – обычное явление в системе ФСИН. Положение детей и беременных действительно печальное: антисанитария, душные помещения, отсутствие медицинского ухода и психологической помощи деморализуют женщину, которая пережила огромное эмоциональное потрясение, и ребенка, который нуждается в особых условиях.

Обсуждение.

В ходе судебного процесса представители обвинения не учитывают беременность или уже имеющегося ребенка до 3-х лет, так как положение или материнство – не то состояние, из-за которого можно отложить заключение или вовсе привести к оправдательному приговору. Только при совершенном преступлении небольшой тяжести могут дать «отсрочку» до окончания родов. Администрации колонии не нужно гадать, что делать с матерями и младенцами, инструкция дает статью 30. Девушка имеет право самостоятельно принять выбор: оставить его на ответственность родственников или забрать с собой в колонию. Точно так же дело обстоит и с беременными: после родов они решают, где будет малыш. Удивительно, но, чаще всего, матери решают оставить. Так происходит по нескольким причинам. Прежде всего, это отсутствие родственников, которые могут осуществлять уход за ребенком.

Второй повод можно назвать корыстным, ведь положение мамы и обычной заключенной – две большие разницы. Считается, что мать автоматически попадет в группу привилегированных. Однако некоторые из них редко думают о том, окажут ли им вообще помощь и как пройдут роды [1, с. 16].

Многие организации и издания проводят спецпроекты, например, «7Х7» или «Женщина. Тюрьма. Общество», «Жизнь в тюрьме», в ходе которых общаются с матерями, которые пережили опыт родов и вынашивания ребенка в колониях. Благодаря их рассказам, мы можем составить картину условий, в которых матери и младенцы живут. Беременную девушку после вынесения приговора отправляют в колонию, при которой есть специальные дома малютки или ясли. Несмотря на это, как только будущую мать привозят, медицинский персонал предлагает ей аборт, что вполне понятно. Беременность – бремя, которое ложится на персонал. В случае отказа, женщинам необходимо подписать некую бумагу, согласно которой они обязуются брать все материальные расходы на себя: сюда входят кормление, одежда, памперсы и прочие заботы. До начала родов матери содержатся в общих камерах, специальное питание, в соответствии с их положением, не предусмотрено. Как только начинаются схватки, роженицу обязаны отвезти в больницу в сопровождении конвоя, однако иногда этот процесс затягивается. В 2004 году состоялся громкий судебный процесс над Светланой Бахминой, юристом и бывшим менеджером компании «ЮКОС». Женщине довелось не только наблюдать за тем, как другие переносили роды, будучи в СИЗО, но и родить самой. Конечно, гинекологи приезжают в СИЗО на плановые осмотры, но порой этих мер недостаточно. Роженицы часто теряют детей, им делают внеплановое и срочное кесарево, под давлением заставляют подписывать бумаги об отказе от ребенка сразу же после родов. Если роды проходят без осложнений, то уже через пять дней мать с ребенком возвращают обратно в тюрьму. По закону их размещают в специальных комнатах и не разлучают пару месяцев. После малыш остается в яслях, жизнь матери возвращается в привычное тюремное русло: утром она уходит и возвращается только вечером или на час во время обеда. Конечно, в таких условиях говорить о полноценном уходе и воспитании невозможно. Когда ребенку исполняется три года, его разлучают с матерью и отправляют в приют, детдом или сразу в приемную семью.

В уголовном законодательстве РФ предлагают ограничить возможность заключения под стражу женщин, подозреваемых в преступлениях ненасильственного характера, которые имеют малолетних детей, – такой законопроект уже прошел первое чтение в Госдуме. А в Совете Федерации предлагают дополнить его нормами, согласно которым в аналогичных случаях оставлять вне следственных изоляторов беременных женщин, лиц, страдающих тяжкими заболеваниями, а

также отцов, которые являются единственными родителями ребенка в возрасте до 14 лет. О таких предложениях парламентариев было заявлено 06 декабря в палате регионов на встрече сенаторов во главе с председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко с министром юстиции России Константином Чуйченко [2, с. 457].

Сенаторы продолжают заниматься темой гуманизации уголовно-исправительной системы России, отметила на встрече с министром Валентина Матвиенко. Особое внимание в этой сфере – улучшению условий тюремного содержания женщин, в том числе с детьми. Матвиенко напомнила о предложении Владимира Путина 04 декабря на заседании президентского Совета по правам человека подготовить и принять решение по амнистии некоторых категорий женщин, которые находятся в местах лишения свободы.

В Совете Федерации не только готовы оперативно отработать это поручение, но и инициировать законодательные меры в этом направлении. В палате регионов готовятся изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, которыми, в частности, предлагается не заключать на время следствия под стражу женщин с малолетними детьми, подозреваемых в преступлениях ненасильственного характера, и беременных женщин. Также, вывести из-под угрозы оказаться в СИЗО до предъявления обвинения сенаторы предлагают лиц, страдающих тяжкими заболеваниями, и отцов, которые являются единственными родителями ребенка в возрасте до 14 лет.

Министр юстиции России поддержал сенаторские инициативы, тем более что, по словам Константина Чуйченко, сегодня изоляторы переполнены. «Это не только вина ФСИН, а комплексная проблема, когда следователь берет под стражу людей, которые могут там и не находиться. Просто, следователю так удобно – он может прийти раз в полгода, а человек все это время сидит и ждет, хотя виновность его еще не доказана», – заявил Чуйченко [3, с. 280].

Валентина Матвиенко призналась, что у нее сердце замирает, когда она слышит, что за решетку попадают беременные. При этом она рассказала, как на одном совещании отвергла аргумент коллеги из правоохранительных структур (имя его она называть не стала), который сослался на дефицит следовательских кадров. «Говорю ему: вы себя хорошо слышите? Вы не можете выполнить свои прямые обязанности – укомплектовать штат следователей. А люди из-за этого должны сидеть в СИЗО, где условия приравниваются к строгому режиму содержания!» – возмутилась спикер.

Валентина Матвиенко предложила законодательно установить следующий механизм – если против человека заведено уголовное дело, но спустя год обвинение не предъявлено и матери-

алы не переданы в суд, то тогда человека обязаны перевести под домашний арест или выпустить под залог. «Думаю, года вполне достаточно, чтобы доказать вину того или иного подозреваемого», – уверена она. Спикер поддержала руководство Минюста, которое совместно с ФСИН изучает вопрос по изменению формы одежды у заключенных под стражу женщин. В. Матвиенко считает, что депрессивные темно-синие робы давно пора сменить на что-то другое. Она убеждена, что и в тюрьме женщина должна оставаться женщиной.

Обсуждение вопросов, связанных с юриспруденцией, для многих ассоциируется с определенной долей занудства. Встреча сенаторов с главой Минюста России полностью развеяла этот стереотип – дискуссия получилась живой, а порой и очень эмоциональной. Кульминацией здесь стало, пожалуй, обсуждение вопроса, связанного с госрегулированием нотариальной деятельности в России. Тему затронула Валентина Матвиенко – она призналась, что в докладе главы Минюста, с которым он традиционно выступил в начале встречи с сенаторами, ей «резанула слух» одна вещь.

Дело в том, что министерство подготовило проект законодательных изменений, которые должны усилить участие государства в регулировании нотариальной деятельности, особенно в том, чтобы тарифы на услуги нотариусов не завышались, о чем ранее неоднократно говорила спикер палаты регионов. Вот, только в руководстве нотариальной палаты поправки Минюста не желают согласовывать. Такая ситуация возмутила В. Матвиенко, которая обратилась к присутствовавшему на заседании президенту ФНП России Константину Корсику с риторическим вопросом: «Вы у нас – свободный художник? Почему не согласовываете акты за подписью министра юстиции?» Ответ Корсика из общих слов о постоянной готовности нотариального руководства к сотрудничеству с министерством и парламентом ее явно не устроил – в ответ В. Матвиенко попросила «не устраивать клоунаду» перед сенаторами и министром, уходя от ответа на принципиально важные вопросы. В некоторых домах ребенка разрешено совместное проживание. То есть, мама не приходит в гости к своему малышу, а живет вместе с ним постоянно. Почти как дома, но все-таки за решеткой. Надо ли говорить, что обычный домашний режим в любом случае предпочтительнее для матери и ребенка.

Результаты.

Отечественное уголовно-исполнительное законодательство подверглось значительной либерализации. Тем не менее, и оно нуждается в дальнейшей детализации, так как некоторые его нормы несут в себе такую правовую неопределенность, что осужденные не могут воспользоваться своими правами, защищать свои законные интересы и правильно исполнять свои обязанности. Это вызвано тем, что нормы УИК РФ,

зачастую, неконкретны. Между тем, право может быть реализовано только тогда, когда обеспечен действительный механизм его защиты.

Заключение.

Мы полагаем, что правовое положение детей, рожденных в исправительных учреждениях, ко-

торые не являются осужденными, не должно регулироваться только положениями УИК РФ. В этом случае решением данной проблемы будет правомерным принятие закона, в котором будут прописаны все аспекты жизни малышей с осужденными рассматриваемой категории и определена мера их ответственности за недобросовестное отношение к своим детям.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Москвитина М.М. Психологическая характеристика осужденных беременных женщин / М.М. Москвитина, Б.Г. Бовин // Психология и право. 2022. Т. 12. № 1. С. 15–29.
2. Воднева Н.Г. Организационно-правовые проблемы раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных и пути их решения / Н.Г. Воднева, Ю.В. Мызникова, У.С. Кондратьева // В сборнике: Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 455–462.
3. Минстер М.В. Международные нормы, регулирующие положение осужденных к лишению свободы женщин и женщин имеющих малолетних детей / М.В. Минстер // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 1. С. 279–283.

References:

1. Moskvitina M.M. Psychological characteristics of convicted pregnant women / M.M. Moskvitina, B.G. Bovin // Psychology and Law. 2022. Vol. 12. № 1. P. 15–29.
2. Vodneva N.G. Organizational and legal problems of separate detention of suspects, accused and convicts and ways to solve them / N.G. Vodneva, Yu.V. Myznikova, U.S. Kondratyeva // In the collection: Current problems of science and education in the context of modern challenges. Collection of materials of the XX International Scientific and Practical Conference. M., 2023. P. 455–462.
3. Minster M.V. International standards regulating the situation of women sentenced to imprisonment and women with young children / M.V. Minster // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. № 1. P. 279–283.

Информация об авторе

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
abrsyuzanna@yandex.ru

Susanna K. Abrahamyan

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
abrsyuzanna@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.46.63.022>
УДК 343.985

Attribution
cc by

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО): ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ

Глоба В.В.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые проблемы классификации тактических приемов, используемых при допросе обвиняемого (подозреваемого). В статье отмечается, что в настоящее время криминалистическая тактика переросла свой традиционный потенциал, требующий не только его обновления, но и построения систем тактических приемов. По результату проведенного исследования делается вывод о том, что большинство учёных-криминалистов пытаются осуществить систематизацию тактических приемов всех следственных действий, в том числе и допроса. Вместе с тем, в настоящее время в науке не выработан комплексный подход к классификации тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого). Проведенный анализ позволил распределить тактические приемы допроса обвиняемого (подозреваемого) по следующим основаниям: по содержанию, по законодательному закреплению, в зависимости от стадии допроса, в зависимости от воздействия на допрашиваемого, от личности допрашиваемого, от следственной ситуации, в зависимости от применения компьютерных технологий, от формы допроса. Данная классификация охватывает большинство тактических приемов, применяемых именно при допросе обвиняемого (подозреваемого). Однако предложенное разграничение тактических приемов не является исчерпывающим. С учетом активного обновления криминалистических знаний подобная классификация может критиковаться, изменяться либо дополняться. Выводы. Данная классификация охватывает большинство тактических приемов, применяемых именно при допросе обвиняемого (подозреваемого), однако, предложенное автором разграничение тактических приемов не является исчерпывающим. С учетом активного обновления криминалистических знаний подобная классификация может критиковаться, изменяться либо дополняться.

Ключевые слова: тактический прием, допрос, обвиняемый, подозреваемый, классификация.

TACTICAL TECHNIQUES FOR INTERROGATING AN ACCUSED (SUSPECT): PROBLEMS OF CLASSIFICATION

Valeria V. Globa

Kuban State University

Abstract. The work examines some problems of classification of tactical techniques used during the interrogation of the accused (suspect). The article notes that currently, forensic tactics are outgrowing their traditional potential, requiring not only its updating, but also the construction of systems of tactical techniques. Based on the results of the study, it is concluded that most forensic scientists are trying to systematize the tactical techniques of all investigative actions, including interrogation. At the same time, at present, science has not developed a comprehensive approach to the classification of tactical techniques for interrogating an accused (suspect). The analysis made it possible to distribute tactical techniques for interrogating the accused (suspect) on the following grounds: according to content, according to legislative provisions, depending on the stage of interrogation, depending on the impact, depending on the personality of the interrogated, depending on the investigative situation, depending on the use of computer technologies, depending on the form. This classification covers most of the tactical techniques used specifically during the interrogation of the accused (suspect). However, the proposed distinction between tactics is not exhaustive. Taking into account the active updating of forensic knowledge, such a classification can be criticized, changed or supplemented. Findings. This classification covers most of the tactics used during the interrogation of the accused (suspect), however, the distinction of tactics proposed by the author is not exhaustive. Taking into account the active updating of forensic knowledge, such a classification can be criticized, changed or supplemented.

Keywords: tactical technique, interrogation, accused, suspect, classification.

Введение.

Допрос как следственное действие является одним из эффективных способов получения информации с целью достижения результата по уголовному делу. В большинстве уголовных дел именно допрос позволяет собрать необходимую совокупность доказательственной базы, которая в последующем влияет на принятие решения о дальнейшем ходе расследования. Проведение названного следственного действия, по своей природе, отличается в каждом корректном случае.

Допрос, по своему характеру, является многоплановым, сложным, процессуальным, криминалистическим, организационным, психологическим следственным действием [1, с. 15]. Следует отметить, что отличие допроса по своему содержанию, в первую очередь, заключается в лице, в отношении которого он проводится. Наиболее сложным является тот допрос, который проводится в отношении обвиняемого (подозреваемого). Усложненность проведения рассматриваемого следственного действия вызвано проблемными аспектами, связанные с распознаванием (разоблачением) ложных показаний, которые свойственны именно обвиняемым (подозреваемым), и преодоление установки на них допрашиваемого лица.

Допрос обозначенных субъектов имеет свои отличные психологические моменты, в которых, в частности, относятся:

- ярко выраженная оборонительная доминанта допрашиваемого;
- сокрытие объективной информации;
- предубеждённое и настороженное отношение к следователю;
- стремление допрашиваемого лица получить информацию о степени осведомленности следователя (дознателя) по уголовному делу и т.д.

Обсуждение.

Термин «тактический прием» является одним из основных и ключевых понятий криминалистической тактики [2]. Для определения системы тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого) требуется определить, что понимается под названным приемом.

В криминалистической науке существует множество мнений относительно названного термина, представим некоторые из них ниже.

Следует согласиться с мнением С.Ю. Якушина, который отмечает, что тактический прием рассматривается в трех направлениях:

- 1) как линия поведения следователя;
- 2) как способ воздействия следователя на участников следственных действий;

3) как научная рекомендация [3, с. 7].

На наш взгляд, тактический прием в рамках проведения допроса всегда является способом (определенным методом воздействия), который направлен исключительно на получения доказательств по делу.

С учетом этого, нам представляется, что тактический прием при допросе обвиняемого (подозреваемого) – это способ (метод), применяемый следователем (дознателем) по отношению к обвиняемому (подозреваемому) при производстве допроса в конкретной следственной ситуации, направленный на достижение целей названного следственного действия, а именно: эффективное расследование, разрешение и установление истины по делу, если не имеется других противоречащих доказательств.

Для разграничения тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого) на группы требуется продемонстрировать, какие приемы существуют в практической деятельности. Например, к таковым можно отнести:

- стимулирование положительных качеств допрашиваемого;
- максимальная детализация показаний;
- внезапная постановка вопросов; неожиданное предъявление имеющихся доказательств;
- предъявление доказательств по нарастающей силе их воздействия;
- предъявление в начале ключевого доказательства с пояснением, что оно не единственное т.д. [4, с. 76].

Классической схемой разделения тактические приемы допроса считается деление их на общие (организация следственного действия, научная организация труда, установление психологического контакта с участниками, анализ и оценка хода и результатов следственного действия) и частные (например, допрос по ассоциации, предъявление доказательств с нарастающей силой, выборочное обследование территории при проведении проверки и уточнения показаний на месте и т.п.) [5].

Думается, что подобное разграничение является логическим. Общими приемы является универсальными, а частные – особенными. Их особенность зависит от следственной ситуации, от личности допрашиваемого лица и т.д.

Ряд авторов систему тактических приемов выстраивает на основе выделения уголовно-процессуальных правил с тактическим содержанием. Соответственно, в первую очередь, тактические приемы, в зависимости от их законодательного закрепления, делятся на тактические приемы, имеющие обязательный нормативный характер, и иные, не получившие такого статуса [6, с. 55].

В рамках подобной классификации Н.Н. Егоров предлагает разделять тактические приемы допроса на предусмотренные и не предусмотренные уголовно-процессуальным законом. В первую группу входят свободный рассказ; постановка вопросов; предъявление доказательств, а во вторую те приемы, которые сформированных в результате обобщения следственной практики, зависит от ситуации, сложившейся при допросе [7, с. 75]. Подобную классификацию также предлагает Н.И. Порубов [8, с. 75].

Нам импортирует вышеуказанный подход. Вместе с тем, следует отметить, что любой прием, применяемый следователем либо дознавателем, должен соответствовать законодательству.

Относительно представленной классификации, следует отметить, что любой прием должен быть направлен на получения правдивых показаний, как и должен предусматривать разоблачение лжи.

А.А. Закатов классифицирует тактические допроса в зависимости от стадии:

- тактические приемы начальной стадии допроса (устранение эмоционального и смыслового барьера и др.);
- стадии свободного рассказа и показа (напоминание, детализация, уточнение, сопоставление, пресечение лжи);
- вопросно-ответной стадии (стимулирование положительных качеств), стадии фиксации показаний [9, с. 35].

Бесспорно, представленная классификация имеет в себе прикладное значение. Данная классификация соответствует стадийности допроса: предварительная стадия, стадия свободного рассказа, вопросно-ответная стадия и заключительная стадия [10]. Вместе с тем, следует заметить, что разделение тактических приемов допроса по отдельным стадиям выглядит в достаточной мере условно, так как одни и те же приемы могут применяться на различных стадиях.

Н.И. Порубов разделяет тактические приемы в зависимости от обстоятельств:

- приемы, применяемые при создании условий проведения следственного действия; приемы, применяемые на различных стадиях допроса;
- приемы, применяемые в зависимости от ситуации допроса, в зависимости от направленности воздействия (приемы эмоционально-психологического воздействия, приемы логического действия);
- в зависимости от личности допрашиваемого (приемы, применяемые в отношении ранее судимых и рецидивистов) [11, с. 62].

Относительно классификации в зависимости от обстоятельств, следует отметить, что под любым обстоятельством понимается какое-либо условие: время, погода и т.д. На наш взгляд, выделять приемы в зависимости от ситуации допроса не совсем верно в рамках предложенной группы.

Проведение допроса сопровождается всегда определенной следственной ситуацией. Ввиду этого, подобное разграничение является самостоятельным. Разграничение приемов от направленности воздействия нам видится верным, однако, на наш взгляд, разделять подобные приемы на эмоционально-психологические и логические ошибочно, потому что любой прием всегда должен включать в себя психологическое влияние.

Тактические приемы допроса должны, прежде всего, основываться на способах и методах по установлению психологического контакта с допрашиваемым [12].

В связи с этим, более верным мы полагаем делить приемы на вербальные и невербальные. Аргументируя данное разграничение, следует отметить, что любое воздействие включает в себя совокупность средств и алгоритмов их использования, ориентированных на достижение поставленной цели.

В связи с этим, тактические приемы, в зависимости от воздействия, могут быть вербальные и невербальные.

Импонирует позиция ученых в разграничении приемов в зависимости от личности допрашиваемого, однако, на наш взгляд, требуется подойти более расширенно к предлагаемой группе.

В связи с этим, для более универсального деления приемов по названному критерию, возможно использование доктринальных подходов уголовного права. В рамках уголовного права, когда субъектами преступления в рамках расследования являются обвиняемые (подозреваемые), они традиционно разграничиваются на общие и специальные.

В свою очередь, специальные субъекты разграничиваются по следующим признакам:

- признаки, характеризующие его правовой статус и социальную роль;
- признаки, характеризующие демографический статус и личные свойства субъекта преступления;
- признаки, характеризующие ролевой статус субъекта преступления с позиции его взаимоотношений с потерпевшим лицом.

Результаты. Таким образом, на наш взгляд, тактические приемы допроса подозреваемого (обвиняемого) в зависимости от личности допрашиваемого можно разделить на:

– приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающие специфическими признаками, характеризующие его правовой статус и социальную роль;

– приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающие специфическими признаками, характеризующие его демографический статус и личные свойства;

– приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающие специфическими признаками, характеризующие его ролевой статус по отношению к потерпевшему.

Следует согласиться с мнениями ученых, которые разделяют приемы в зависимости от следственной ситуации [13; 14].

Применительно к типичным следственным ситуациям при допросе, в том числе обвиняемого (подозреваемого), следует указать на то, что они бывают конфликтными и бесконфликтными. Самая удачная ситуация для следствия либо дознавателя – бесконфликтная, так как в ней используется наименьшее количество приемов.

С учетом развития технологий, в процессе допроса следователем либо дознавателем стала активно применяться различная компьютерная техника. Зачастую, применение тактических приемов сопровождается использованием подобной техники.

В связи с этим, нам представляется, что тактические приемы при допросе возможно разделить на:

– приемы, используемые без компьютерных технологий;

– приемы, используемые с компьютерными технологиями.

В связи с этим, думается, что можно разделить тактические приемы допроса на традиционные и нетрадиционные.

Заключение. Подводя итог анализу классификации тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого) можно сделать следующее выводы.

1. **Тактический прием при допросе обвиняемого (подозреваемого)** – это способ (метод), применяемый следователем (дознавателем) по отношению к обвиняемому (подозреваемому) при производстве допроса в конкретной следственной ситуации, направленный на достижение целей названного следственного действия, а именно: эффективное расследование, разрешение и установление истины по делу, если не имеется других противоречащих доказательств.

2. В условиях значительного числа подходов к пониманию тактических приемов, существует множество подходов к их классификации. Установлено, что большинство учёных пытаются

осуществить систематизацию тактических приемов всех следственных действий, в том числе и допроса. Вместе с тем, в настоящее время в науке не выработан комплексный подход к классификации тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого).

3. Распределение тактических приемов допроса обвиняемого (подозреваемого) по различным признакам (основаниям) позволяет их разделить на следующие группы:

– по содержанию: общие (универсальные) и частные (особенные);

– по законодательному закреплению: предусмотренные и не предусмотренные уголовно-процессуальным законом;

– в зависимости от стадии допроса: тактические приемы начальной стадии допроса, стадии свободного рассказа и показа, вопросно-ответной стадии, стадии фиксации показаний;

– в зависимости от воздействия на допрашиваемого: вербальные и невербальные;

– в зависимости от личности допрашиваемого: приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающего специфическими признаками, характеризующими его правовой статус и социальную роль; приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающего специфическими признаками, характеризующими его демографический статус и личные свойства; приемы, применяемые в отношении допрашиваемого, обладающего специфическими признаками, характеризующие его ролевой статус по отношению к потерпевшему;

– в зависимости от следственной ситуации: приемы, применяемые в бесконфликтной и конфликтной следственной ситуации;

– в зависимости от применения компьютерных технологий: приемы, используемые без компьютерных технологий; приемы, используемые с компьютерными технологиями;

– в зависимости от формы: традиционные и нетрадиционные приемы.

Данная классификация охватывает большинство тактических приемов, применяемых именно при допросе обвиняемого (подозреваемого). Однако предложенное разграничение тактических приемов не является исчерпывающим. С учетом активного обновления криминалистических знаний, подобная классификация может критиковаться, изменяться либо дополняться.

4. Следует отметить, что основным разграничением приемов является их разделение в зависимости от следственной ситуации. Именно следственная ситуация трактуется следователем порядок действий, определяет манеру поведения и т.д.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Исаева К.А. Тактические особенности допроса женщин-подозреваемых и обвиняемых : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
2. Чумаков А.В. Тактический прием как основа тактики профессиональной защиты / А.В. Чумаков, М.С. Кучин // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 7(70). С. 350–356.
3. Якушин С.Ю. Тактические приемы при расследовании преступлений. Казань, 1983.
4. Горячев Э.К. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений / Э.К. Горячев, И.В. Тишутина. М., 2006.
5. Кузнецов А.А. Основания классификации тактических приемов / А.А. Кузнецов // Международные юридические чтения : материалы науч.-практ. конф. Омск, 2005. Ч. 5. С. 89–92.
6. Стояновский М.В. Классификационный подход в криминалистической науке и практике (на примере криминалистической тактики) : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2001.
7. Егоров Н.Н. Криминалистическая тактика : учеб. пособие для вузов. М., 2023.
8. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Мн., 1978.
9. Закатов А.А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии. Волгоград, 1976.
10. Швец С.В. Структура и стадии допроса на предварительном следствии с участием переводчика / С.В. Швец // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 364–367.
11. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве. М., 1973.
12. Паршин Д.В. О роли и значении тактических приемов при проведении допроса / Д.В. Паршин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 145–152.
13. Еремина Т.В. Нетрадиционные тактические приемы и криминалистические методы, используемые при производстве допроса / Т.В. Еремина // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 258–260.
14. Лозовский Д.Н. Особенности тактики допроса при изблещении во лжи / Д.Н. Лозовский, А.В. Руденко; Отв. ред. Г.М. Меретуков // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 сентября 2018 года. Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. С. 182–187.

References:

1. Isaeva K.A. Tactical features of interrogation of female suspects and accused : abstract of dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 1995.
2. Chumakov A.V. Tactical technique as the basis of tactics of professional protection / A.V. Chumakov, M.S. Kuchin // Alley of Science. 2022. Vol. 1. № 7(70). P. 350–356.
3. Yakushin S.Yu. Tactical techniques in the investigation of crimes. Kazan, 1983.
4. Goryachev E.K. Tactical and criminalistic support of crime investigation / E.K. Goryachev, I.V. Tishutina. M., 2006.
5. Kuznetsov A.A. Bases of classification of tactical techniques / A.A. Kuznetsov // International legal readings : materials of scientific and practical conference. Omsk, 2005. Part 5. P. 89–92.
6. Stoyanovsky M.V. Classification approach in criminalistic science and practice (on the example of criminalistic tactics) : dis. ... cand. jurid. sciences'. Voronezh, 2001.
7. Egorov N.N. Criminalistic tactics: a textbook for universities. M., 2023.
8. Porubov N. I. Scientific foundations of interrogation at the preliminary investigation. Mn., 1978.
9. Zakatov A.A. Tactics of interrogation of the victim at the preliminary investigation. Volgograd, 1976.
10. Shvets S.V. Structure and stages of interrogation at the preliminary investigation with the participation of an interpreter / S.V. Shvets // Theory and practice of social development. 2012. № 3. P. 364–367.
11. Porubov N.I. Interrogation in Soviet criminal proceedings. M., 1973.
12. Parshin D.V. On the role and significance of tactical techniques during interrogation / D.V. Parshin // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. № 2-2. P. 145–152.
13. Yeremina T.V. Non-traditional tactical techniques and criminalistic methods used in the production of interrogation / T.V. Yeremina // Legal sciences, the rule of law and modern legislation: collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference. Penza, 2020. P. 258–260.

14. Lozovsky D.N. Features of interrogation tactics when exposing a lie / D.N. Lozovsky, A.V. Rudenko; Ed. by G.M. Meretukov // Modern problems of domestic criminology and prospects for its development: collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference, September 28–29, 2018. Krasnodar : Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2019. P. 182–187.

Информация об авторе

Глоба Валерия Витальевна
преподаватель кафедры
криминалистики и правовой информатики
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
globa97@internet.ru

Valeria V. Globa
Teacher of the Department
of Criminology and Legal Informatics
Faculty of Law named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
globa97@internet.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.66.34.015>
УДК 347.191

Attribution
cc by

СИСТЕМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРИМЕНЯЕМОЙ ПРИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Ермилов В.Б.

Российская государственная академия интеллектуальной собственности

Аннотация. Гражданско-правовая ответственность является неотъемлемым элементом института несостоятельности (банкротства) и направлена на обеспечение разумного баланса интересов участников банкротного процесса, а также восстановления нарушенных прав. При этом требуют уточнения особенности такой ответственности и ее систематизация. Целью статьи является выявление оснований построения системы гражданско-правовой ответственности при несостоятельности (банкротстве). Достижение указанной цели обуславливается необходимостью определения классификационных критериев гражданско-правовой ответственности при несостоятельности (банкротстве), выявлением особенностей каждого вида ответственности. В результате проведенного исследования был сделан вывод о необходимости систематизации гражданско-правовой ответственности при несостоятельности (банкротстве) по субъектному критерию. Проведено отграничение ответственности при банкротстве и ответственности, не связанной с банкротством. Дана характеристика отдельным видам ответственности, прежде всего субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, определено ее место в системе гражданско-правовой ответственности.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, гражданско-правовая ответственность, ответственность контролирующих лиц, арбитражный управляющий, корпоративная ответственность.

THE SYSTEM OF CIVIL LIABILITY APPLIED IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY)

Valery B. Ermilov

Russian State Academy of Intellectual Property

Abstract. Civil liability is an integral element of the institute of insolvency (bankruptcy) and is aimed at ensuring a reasonable balance of interests of the participants of the bankruptcy process, as well as the restoration of violated rights. At the same time, the peculiarities of such liability and its systematization require clarification. The purpose of the article is to identify the basis for the construction of the system of civil liability in insolvency (bankruptcy). The achievement of this goal is conditioned by the need to determine the classification criteria of civil liability in insolvency (bankruptcy), identifying the features of each type of liability. As a result of the conducted research it was concluded that it is necessary to systematize civil-law liability in insolvency (bankruptcy) by subject criterion. The differentiation of liability in bankruptcy and liability not related to bankruptcy was carried out. Characterization of separate types of liability, first of all subsidiary liability of controlling debtor's persons is given, its place in the system of civil-law liability is determined.

Keywords: insolvency, bankruptcy, civil liability, liability of controlling persons, arbitration manager, corporate liability.

Введение. Институт несостоятельности (банкротства) является достаточно сложным и многогранным явлением; в научной литературе ведется бурная дискуссия относительно понимания и существа банкротства. При этом в рамках настоящей статьи нам представляется обоснованным исходить из понимания банкротства как процесса, включающего в себя совокупность определенных этапов.

Г.Ф. Шершеневич в свое время, давая характеристику конкурсному процессу, в качестве его основной цели назвал предупреждение захвата ценностей со стороны одного кредитора в ущерб

остальным и поиск наиболее справедливого способа распределения ценностей между несколькими кредиторами, из которых ни один не может быть удовлетворен полностью [1, с. 231]. В схожем ключе рассуждают и современные авторы, например, С.А. Карелина пишет, что «институт банкротства на современном этапе рассматривается как средство разрешения конфликта интересов между различными субъектами соответствующих отношений, имеющее в своем арсенале частно-правовые и публично-правовые средства, способы его разрешения» [2, с. 4].

Как видно, авторы подчеркивают, что цель института несостоятельности (банкротства) состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение баланса интересов всех участвующих в деле о банкротстве лиц, предусмотреть справедливое распределение имущества. Действительно, в рамках дела о банкротстве пересекаются интересы различных лиц, должника, кредиторов должника, работников, бенефициаров должника, уполномоченного органа и т.д. Сложность как раз добавляет то обстоятельство, что несостоятельность предполагает недостаточность имущества должника для удовлетворения требований всех кредиторов, что порождает стремление каждого из них максимально удовлетворить свои интересы.

Весьма точно особенности процедуры банкротства подметил А.В. Солодилов, который пишет, что «конфликт банкротства очень специфичен:

- в нем «собирается» значительное количество разных субъектов;
- все кредиторы «противостоят» должнику (так называемое, стечение кредиторов);
- каждый из кредиторов по отдельности также «противостоит» должнику;
- одновременно имеет место конкуренция интересов самих кредиторов, поскольку каждый из них стремится удовлетворить лишь свою потребность – получить долг;
- имеет место различие в интересах других вовлеченных в данный конфликт лиц. Другими словами: «каждый сам за себя» и одновременно – «все против всех» [3, с. 187].

Обсуждение. Задачей правового регулирования и правоприменения состоит в необходимости обеспечить разумный баланс интересов сторон в данных правоотношениях. В.В. Кулаков отмечает, что «разумность баланса заключается в присутствии отношениях экономического обмена эквивалентности встречного исполнения, предполагающей отсутствие, как чрезмерной выгоды, так и чрезмерных убытков для каждой из сторон» [4, с. 183].

Очевидно, что в такой ситуации, когда сталкиваются интересы различных субъектов, велика вероятность нарушения прав отдельных участников банкротного процесса, что, в свою очередь, требует наличия специального механизма, который позволит выполнять как превентивную функцию, так и компенсаторно-восстановительную. Таким средством, в данном случае, выступает гражданско-правовая ответственность.

В специальной литературе отмечается, что характерными признаками гражданско-правовой ответственности является ее имущественный и компенсаторный характер, а также направленность на восстановление положения потерпевшего, существовавшего до нарушения [5, с. 10].

Указанные функции гражданско-правовой ответственности позволяют наиболее эффективно восстанавливать положение потерпевших и тем самым обеспечивать необходимый баланс интересов сторон. При этом гражданско-правовая ответственность, применяемая в рамках банкротства неоднородна как по субъектному составу, так и по основаниям ее применения, что обуславливает необходимость ее систематизации с целью дальнейшего исследования и выявления ее принципиальных отличий.

Нам представляется более обоснованным остановить внимание именно на ответственности по субъектному составу. Для построения указанной классификации целесообразно отталкиваться от перечня лиц, участвующих в деле о банкротстве. Так, ст. 34 Закона о банкротстве к лицам, участвующим в деле о банкротстве, относит должника, арбитражного управляющего, конкурсных кредиторов, уполномоченных органов. Также, в силу п. 4 ст. 34 Закона о банкротстве, в качестве лица, участвующего в деле о банкротстве может быть привлечено контролирующее должника лицо.

Стоит уточнить, что в рамках настоящей работы интерес представляет именно ответственность, за нарушения, связанные с применением к должнику процедур банкротства, с нарушением прав кредиторов. Соответственно, ответственность, которая применяется за иные нарушения, не связанные с применением процедур банкротства и нарушением прав кредиторов не представляет интереса. Так, должник формально субъектом гражданско-правовой ответственности в рамках дела о банкротстве не является, поскольку после введения первой процедуры банкротства в отношении должника перестают начисляться неустойки и иные финансовые санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Безусловно, должник несет ответственность за неисполнение обязательств, но применение к нему соответствующих мер ответственности, в силу специфики его статуса, нецелесообразно.

Безусловно, введение процедур банкротства в отношении должника не прекращает его хозяйственную деятельность [6, с. 43], он может вступать в определенные правоотношения, принимать на себя гражданские обязанности; соответственно, возможна ситуация ненадлежащего исполнения таких обязательств, однако, в данном случае такая ответственность не будет иметь специфики, осложненной законом о банкротстве. Требования, возникшие к должнику после принятия заявления о признании должника банкротом, относятся, согласно ст. 5 Закона о банкротстве, к текущим платежам и удовлетворяются вне очереди и преимущественно перед требованиями тех кредиторов, которые возникли до принятия заявления о признании должника банкротом [7, с. 40]. Тем самым, правовое положение текущих кредиторов существенным образом не отличается от кредиторов в рамках обычного гражданского оборота.

Результаты. Однако в рамках настоящей работы интерес представляет именно ответственность, связанная с банкротством. Действующее законодательство предусматривает особый вид ответственности – субсидиарную ответственность контролирующих должника лиц. Введение данного вида ответственности вызвало бурные обсуждения в научном сообществе и, в целом, получило поддержку.

В литературе подчеркивается, что при реализации субсидиарной ответственности получает распространение доктрина «прокалывания корпоративной вуали» [8, с. 20]. Е.Д. Суворов рассматривает субсидиарную ответственность по обязательствам должника за доведение его до банкротства как один из возможных вариантов отказа в защите права на использование принципа ограниченной ответственности [9, с. 43]. Действительно, в определенной степени, субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц является исключением из принципа раздельной имущественной ответственности юридического лица и его участников [10, с. 4].

При этом, как справедливо подчеркивает О.М. Свириденко, «субсидиарная ответственность является экстраординарным механизмом защиты нарушенных прав кредиторов, то есть исключением из принципа ограниченной ответственности участников и правила о защите делового решения менеджеров» [8, с. 21]. Данный вывод подтверждается в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ о субсидиарной ответственности) [11].

Однако по своей сути понятие «субсидиарная ответственность контролирующих лиц» является собирательным понятием, поскольку основания такой ответственности и порядок ее реализации существенно образом отличается. Безусловно, общим является то, что «основанием ответственности контролирующих лиц выступает причинение имущественного вреда юридическому лицу, а, в конечном счете, и его кредиторам» [12, с. 5].

Законодательство о банкротстве предусматривает два основных основания для применения субсидиарной ответственности:

– субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица (ст. 61.11 Закона о банкротстве);

– субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника в арбитражный суд (ст. 61.12 Закона о банкротстве).

В первом случае, контролирующие должника лица формально несут ответственность не перед кредиторами, а перед самим должником. Кредиторы же получают удовлетворение своих требований опосредованно, при этом независимо от степени ущерба. Ответственность контролирующих лиц за невозможность удовлетворения требований кредиторов схожа с ответственностью лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, за вред, причиненный юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ).

В литературе данный довод также находят сторонники [13, с. 15–19].

Таким образом, ответственность контролирующих должника лиц за невозможность погашения требований кредиторов можно рассматривать как разновидность корпоративной ответственности [14, с. 55], т.е. ответственности за вред, причиненный контролируемыми лицами самому юридическому лицу.

В случае же ответственности за несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом, она носит адресный, а именно, дополнительный характер.

Как справедливо подчеркивает О.В. Гутников «данная ответственность основана на идее о том, что члены органов управления должника несут перед кредиторами точно такие же обязанности действовать добросовестно и разумно, как и перед самим должником (юридическим лицом)» [15, с. 156].

Таким образом, формально, именно данный вид ответственности является субсидиарным, поскольку контролирующие лица привлекаются к ответственности не перед самим должником, а перед третьими лицами.

Вторым видом гражданско-правовой ответственности, которую можно выделить по субъектному составу, это ответственность арбитражного управляющего. Важнейшую роль в процедурах банкротства играет арбитражный управляющий для юридических лиц и финансовый управляющий для граждан.

Как подчеркивает Т.П. Шишмарева «для поддержания баланса интересов участников производства по делу и процедур несостоятельности (банкротства) особая роль принадлежит арбитражному управляющему, который должен действовать как в интересах должника, так и его кредиторов, а также выражать и публичные интересы» [16, с. 77].

Верховный Суд РФ также отмечал, что «выполнение обязанностей конкурсного управляющего является публичной деятельностью» [17]. Особый статус арбитражного управляющего подчеркивается и Верховным Судом РФ в «Обзоре судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве» [18],

что проявляется в наделении арбитражного управляющего правом на получении информации в органах ЗАГС (п. 14).

Согласно п. 4 ст. 20.4 Закона о банкротстве, Арбитражный управляющий обязан возместить должнику, кредиторам и иным лицам убытки, которые были причинены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения Арбитражным управляющим возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве и факт причинения которых установлен вступившим в законную силу решением суда.

Таким образом, Арбитражный управляющий несет ответственность за любые убытки, которые возникли из-за ненадлежащего исполнения им своих обязанностей.

Поскольку Арбитражный управляющий, отчасти, выполняет функции органов управления должника, то обосновано применение к его ответственности положений ст. 53.1 ГК РФ, определяющей ответственность органов юридического лица. При этом для Арбитражного управляющего законодательством предусмотрен особый механизм обеспечения ответственности, предусматривающий как страхование, так и субсидиарную ответственность саморегулируемой организации.

Также, помимо ответственности Арбитражного управляющего Закон о банкротстве в ст. 111.6 выделяет ответственность оператора электронной площадки, за убытки, причиненные при проведении торгов, причиненные третьим лицам в

связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением оператором электронной площадки требований, установленных законодательством Российской Федерации, стандартами и правилами профессиональной деятельности операторов электронных площадок.

Заключение. Подводя итог можно отметить, что гражданско-правовая ответственность в рамках несостоятельности (банкротства) выполняет важнейшую функцию по обеспечению разумного баланса интересов кредиторов, должника, бенефициаров должника и иных лиц.

В зависимости от субъектного состава гражданско-правовая ответственность в банкротстве подразделяется на ответственность контролирующих лиц, ответственность Арбитражного управляющего и ответственность иных лиц, в том числе, оказывающих содействие в реализации процедур банкротства. Ответственность контролирующих должника подразделяется в самом общем виде на ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов и ответственность за неподачу заявления о признании должника банкротом.

В первом случае, такая ответственность, фактически, является ответственностью контролирующих лиц перед должником, поскольку все взысканное имущество направляется в конкурсную массу и распределяется между кредиторами. Тогда как ответственность за неподачу заявления о признании должника банкротом имеет адресный характер и направлена на возмещение вреда, причиненного отдельным кредиторам.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М. : Статут, 2021. 477 с.
2. Карелина С.А. Категория ответственности и институт несостоятельности (банкротства) / С.А. Карелина // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 3–9.
3. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека : монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева [и др.]; Отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2022. 312 с.
4. Кулаков В.В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования / В.В. Кулаков // Российское правосудие. 2016. Специальный выпуск. С. 174–185.
5. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. М. : Наука, 1968. 207 с.
6. Шайдуллин А.И. Защита права кредиторов на информацию в процедурах банкротства / А.И. Шайдуллин // Вестник гражданского права. 2023. № 2. С. 7–49.
7. Карелина С.А. Система ограничений прав кредиторов как элемент механизма правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина / С.А. Карелина // Право и экономика. 2020. № 12. С. 35–44.
8. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника / О.М. Свириденко // Lex russica. 2018. Ч. 2. № 12. С. 18–24.
9. Суворов Е.Д. К вопросу о правовой природе субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного должника за доведение до банкротства / Е.Д. Суворов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 42–49.

10. Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве / О.В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 3–8.
13. Андреев В.К. Ответственность руководителя и иных лиц в доведении до банкротства / В.К. Андреев // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 4. С. 15–19.
14. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике / О.В. Гутников // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48–65.
15. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
16. Шишмарева Т.П. Способы противодействия злоупотреблению правами участниками процедур несостоятельности (банкротства) / Т.П. Шишмарева // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 2. С. 74–82.
17. Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2023 № 305-ЭС23-15942 по делу № А40-101466/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Shershenevich G.F. Competitive process. M. : Statute, 2021. 477 p.
2. Karelina S.A. Category of responsibility and the institution of insolvency (bankruptcy) / S.A. Karelina // Business law. 2015. № 2. P. 3–9.
3. Mechanisms of bankruptcy and their role in ensuring human well-being : monograph / A.Z. Bobyleva, D.E. Gorev, Yu.A. Zaitseva and others; resp. ed. S.A. Karelina, I.V. Frolov. M. : Justitsinform, 2022. 312 p.
4. Kulakov V.V. Reasonable balance of interests as the goal of civil law regulation / V.V. Kulakov // Russian justice. 2016. Special issue. P. 174–185.
5. Malein N.S. Property liability in business relations. M. : Nauka, 1968. 207 p.
6. Shaidullin A.I. Protecting the right of creditors to information in bankruptcy proceedings / A.I. Shaidullin // Bulletin of Civil Law. 2023. № 2. P. 7–49.
7. Karelina S.A. A system of restrictions on the rights of creditors as an element of the mechanism of legal regulation of the insolvency (bankruptcy) of a citizen. // Law and Economics. 2020. No. 12. pp. 35-44.
8. Sviridenko O.M. Current issues of subsidiary liability of controlling persons in the event of bankruptcy of a debtor / O.M. Sviridenko // Lex russica. 2018. Part 2. № 12. P. 18–24.
9. Suvorov E.D. On the issue of the legal nature of subsidiary liability for the obligations of an insolvent debtor for bringing bankruptcy / E.D. Suvorov // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 7. P. 42–49.
10. Gutnikov O.V. Grounds for developing the category of corporate liability in civil law / O.V. Gutnikov // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 4. P. 4–30.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 21, 2017 № 53 «On some issues related to holding persons controlling the debtor liable in bankruptcy» // SPS «Consultant-Plus».
12. Shishmareva T.P. Grounds and conditions for bringing to subsidiary liability those controlling the debtor and other persons in insolvency (bankruptcy) proceedings / T.P. Shishmareva // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. № 7. P. 3–8.
13. Andreev V.K. Responsibility of the manager and other persons in bringing to bankruptcy / V.K. Andreev // Entrepreneurial Law. Application «Law and Business». 2019. № 4. P. 15–19.
14. Gutnikov O.V. Development of corporate responsibility in judicial practice / O.V. Gutnikov // Journal of Russian Law. 2021. № 6. P. 48–65.
15. Gutnikov O.V. Corporate liability in civil law: monograph. M. : IZiSP, CONTRACT, 2019. 488 p.
16. Shishmareva T.P. Ways to counter the abuse of rights by participants in insolvency (bankruptcy) procedures / T.P. Shishmareva // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. № 2. P. 74–82.
17. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 4, 2023 No. 305-ES23-15942 in case № А40-101466/2022 // ATP «ConsultantPlus».
18. Review of judicial practice on the participation of an arbitration manager in a bankruptcy case (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 11, 2023) // ATP «Consultant-Plus».

Информация об авторе

Ермилов Валерий Борисович
соискатель,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
ErVB-advokat@yandex.ru

Valery B. Ermilov
Applicant,
Russian State Academy of Intellectual Property
ErVB-advokat@yandex.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.83.77.023>
УДК 343.98

Attribution
cc by

ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕДУЮЩЕГО И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЭТАПОВ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ СОДЕЙСТВИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

Журавков И.А.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности следователя по расследованию преступлений на последующем и заключительном этапах при наличии содействия подозреваемого (обвиняемого). В стремлении затягивания сроков участники часто ходатайствуют о назначении и производстве судебно-психиатрических экспертиз, направленных на установление у подозреваемого (обвиняемого) состояния аффекта в момент совершения преступления, вызванного противоправным или иным поведением потерпевшего, либо иных особенностей личности виновного, которые суд может признать, как смягчающие обстоятельства. Рассмотрены варианты позитивного и негативного посткриминального поведения. Сделан вывод о необходимости разработки методических рекомендации по всестороннему изучению посткриминального поведения подозреваемого (обвиняемого). На основе анализа судебно-следственной практики выявлены проблемные аспекты, предложены пути их устранения. Автором разработаны отдельные рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности следователя по расследованию преступлений.

Ключевые слова: первоначальный и заключительный этапы расследования преступлений, содействие подозреваемого (обвиняемого), посткриминальное поведение, противодействие расследованию.

FEATURES OF THE SUBSEQUENT AND FINAL STAGES OF THE INVESTIGATION WITH THE ASSISTANCE OF THE SUSPECT (ACCUSED)

Ilya A. Zhuravkov

Kuban State University

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activities of the investigator in the investigation of crimes at the subsequent and final stages with the assistance of the suspect (accused). As a delay in time, participants often apply for the appointment and production of forensic psychiatric examinations aimed at establishing affect at the time of the commission of a crime caused by illegal or other behavior of the victim, or other personality traits of the perpetrator, which the court may recognize as mitigating circumstances. The variants of positive and negative post-criminal behavior are considered. It is concluded that it is necessary to develop methodological recommendations for a comprehensive study of the post-criminal behavior of the suspect (accused). Based on the analysis of judicial and investigative practice, problematic aspects have been identified and ways to eliminate them have been proposed. The author has developed separate recommendations aimed at improving the effectiveness of the investigator's activities in the investigation of crimes.

Keywords: initial and final stages of crime investigation, assistance of the suspect (accused), post-criminal behavior, counteraction to the investigation.

Введение. После установления личности виновного и сбора достаточных доказательств для предъявления первичного обвинения начинается последующий этап.

Основными задачами данного этапа расследования являются:

— сбор, анализ и оценка всех необходимых доказательств, на основе которых следователь

может достоверно установить доказательства необходимые и достаточные для объективной проверки всех выдвигаемых версий и формулировки окончательного обвинения по уголовному делу;

— получение и использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности;

- выявление и изобличение всех соучастников преступления;
- принятие мер, направленных на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, а также на обеспечение возможных исковых требований по возмещению причиненного вреда;
- защита личности от необоснованного и незаконного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод;
- при необходимости – выполнение розыскных и поисковых следственных действий, направленных на установление местонахождения обвиняемого, а также иных лиц, похищенного предмета, иных объектов, имеющих значение для уголовного дела;
- выявление детерминант совершения преступления и применение мер, направленных на их устранение.

На данном этапе сведения, которыми располагают органы уголовного преследования, уже более направленные, многие версии уже проверены, есть достаточно доказательств для предъявления конкретному лицу обвинения.

Обсуждение. В результате анализа уголовных дел установлено, что на 90 % обвинительную базу по преступлениям небольшой и средней тяжести, а также более 70 % по тяжким преступлениям обвинительную базу составляют устные показания, как обвиняемого, так и свидетелей, понятых и других участников. В свою очередь, оставшийся объем доказательств – это заключения эксперта, вещественные доказательства, протоколы иных следственных действий, в рамках которых происходили изъятия различных объектов, в последующем направленных на исследование. Заметим, что при отсутствии какого-либо устного (вербального) контакта между следователем и лицом, причастным к уголовному делу (подозреваемым, обвиняемым, свидетелем, потерпевшим), неминуемо ведет к краху и отсутствию достаточных доказательств для предъявления обвинения конкретному лицу по 99 % уголовных дел.

После предъявления постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого должен состояться его допрос, в ходе которого выясняется: признает ли он себя виновным, если да, то полностью или частично. Если частично, то в какой части?

Если вину он признает полностью, готов продолжить позитивное посткриминальное поведение, в том числе выполнить все действия, прописанные в заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве, то действия следователя заключаются в последующем выполнении оставшихся следственных действий (возможных очных ставок, осмотров объектов, вернувшихся после экспертного исследования, иных действий,

исходя из материалов уголовного дела, а также указанных в ходе допроса обвиняемого новых обстоятельств), принятия необходимых процессуальных решений (например, выделение в отдельное производство уголовного дела или материалов, продление срока предварительного расследования или срока меры пресечения), получение задокументированных сведений о результатах позитивного поведения (возмещения причиненного ущерба, добровольной выдачи объектов, имеющих значение для уголовного дела и т.д.), после чего следователь должен решить вопросы заключительного этапа расследования.

Проблемы могут быть при изменении поведения обвиняемого, либо при частичном признании вины, но с готовностью продолжить взаимодействие в рамках заключенного соглашения о сотрудничестве, либо полном изменении поведения и не признания своей вины, о котором обвиняемый говорил на первоначальном этапе расследования [1].

Если обвиняемый раскаялся, готов продолжить сотрудничество, но частично признал вину, тогда следователь:

- проверяет новые сведения, сообщенные на допросе обвиняемым, используя приемы эмоционально-психологического воздействия (убеждения в неправильности занятой позиции, воздействия на положительные качества личности, предъявления доказательств и выявления «улик поведения»);
 - проверяет версии обвиняемого путем повторных допросов свидетелей, потерпевшего, проведения дополнительных осмотров; назначения и проведения экспертиз по изъятим в ходе дополнительных следственных действий объектам.
- Следователю целесообразно решить вопрос об участии в данных экспертных исследованиях, так как это поможет сориентироваться с кругом новых версий, подлежащих проверке в связи с частичным признанием вины:
- решение судьбы вещественных доказательств;
 - направить письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий с целью установления обстоятельств, свидетельствующих о мотивах смены показаний обвиняемым, в том числе направленных на установление его причастности к совершению новых преступлений;
 - в случае достоверно установленного факта непричастности к соответствующей части вменяемых деяний – решить вопрос о частичном прекращении уголовного преследования.

Если обвиняемый отказывается от дачи показаний, тогда следователю можно применить прие-

мы допроса в конфликтной ситуации (разъяснить правовые последствия дачи правдивых показаний и продолжения позитивного посткриминального поведения; выявить мотивы отказа от дачи показаний при положительном общении на предыдущих этапах, провести логический анализ противоречий и имеющиеся версии участников, а как результат – обосновать бессмысленность занятой позиции [2].

Если, несмотря на принятые меры, обвиняемый настаивает на отказе от дачи показаний, тогда следователю необходимо провести анализ имеющихся доказательств по уголовному делу и проанализировать, на основе чего, обвиняемый мог поменять свое поведение. Возможно, необходимо принять меры безопасности, так как мотивы отказа могут быть связаны с боязнью мести со стороны соучастников и их окружения, распространение информации о заключенном соглашении о сотрудничестве; подкупом или шантажом и т.д.

Если версия опровергнута не в полной мере, что дало основание защитнику и обвиняемому считать факт совершенного преступления недоказанным, то выполнить весь объем следственных действий либо создать впечатление о повышенной осведомленности следователя. В случае опровержения версии, следователь может спросить согласия на повторный допрос обвиняемого.

Надо помнить, что способ отказа от дачи показаний при изначальном положительном посткриминальном поведении может быть ловушкой для следователя с целью установления объема и вида имеющихся доказательств. Защитник, зная, что следователь попытается использовать прием допроса в конфликтной ситуации, будет вынужден продемонстрировать ряд доказательств, которые, по его мнению, заставят изменить поведение обвиняемого. Это поможет защитнику выстроить свою линию защиты в будущем.

В результате позитивного посткриминального поведения, могут быть установлены обстоятельства, ставящие под сомнение последующую работу в рамках досудебного соглашения, либо которая может быть направлена на прекращение уголовного преследования (например, изменение категории преступления, установление отягчающих обстоятельств, изменение мнения потерпевшего о возможности прекращения уголовного преследования в связи с примирением с обвиняемым и т.п.) [3].

Важно не попасть в ловушки при мнимом позитивном поведении обвиняемого, так как, усыпив бдительность следователя, сторона защиты может воспользоваться тактическим приемом со стороны следователя по предоставлению доказательств, как подтверждение сформулированного обвинения. Такая демонстрация поможет обвиняемому сориентироваться по объему имеющихся доказательств и принять меры, направленные на их изменение [4].

Заключительный этап расследования при позитивном посткриминальном поведении обвиняемого строится из последовательных действий следователя, направленных на систематизацию материалов уголовного дела (хронологическом, систематическом или смешанном порядке), оценке всех собранных по уголовному делу доказательств, ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, рассмотрении поступивших от участников ходатайств, составлении обвинительного заключения либо принятии процессуального решения о прекращении уголовного преследования по не реабилитирующему основанию (при наличии на то согласия соответствующих участников процесса).

Если позитивное посткриминальное поведение обвиняемого не было мнимым, то на данном этапе тактических вопросов и сложностей не возникает. Участники своевременно являются по вызову следователя, присутствуют на ознакомлении с материалами уголовного дела, не заявляют каких-либо ходатайств, каких-либо жалоб не высказывают.

Совсем иное поведение у лиц со мнимым позитивным и негативным посткриминальным поведением. С их стороны происходит затягивание ознакомления с материалами уголовного дела, заявление множества ходатайств о проведении следственных действий, направленных на установление мнимого «алиби», допросов участников, находящихся на удаленной от органов уголовного преследования территории; желании постановки дополнительных вопросов эксперту, желании дать новые показания в качестве обвиняемого, необходимость заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д. [5].

В ходе изучения уголовных дел выявлено, что затягивание ознакомления с материалами уголовного дела характерно для случаев, когда следователь избирает меру пресечения в виде заключения под стражу, не решает своевременно вопрос о продлении сроков предварительного расследования и меры пресечения, и за пару суток (а иногда и в последние сутки срока) является в следственный изолятор для предоставления материалов уголовного дела для ознакомления. Такой ситуацией в 19 % случаев пользуются защитники, они затягивают ознакомление, тем самым вынуждая следователя изменить меру пресечения с заключения под стражей, на иную, не связанную с изоляцией от общества. Второй вариант затягивания ознакомления – это скорое истечение срока давности уголовной ответственности. Так, защитник обвиняемого в совершении убийства, заявил на ознакомлении с материалами уголовного дела 127 ходатайств. Срок давности привлечения к ответственности заканчивался через полгода (лицо, совершившее убийство, было установлено через девять лет после его совершения). Третий вариант – ожидание направления уголовных дел, выделенных в отдельное производство в результате оказания сотрудничества, в суд. Именно обвинительные приговоры в отношении соучастников

докажут объем и значимость действий обвиняемого, направленного на позитивные последствия расследования.

В качестве затягивания сроков участники часто ходатайствуют о назначении и производстве судебно-психиатрических экспертиз, направленных на установление аффекта в момент совершения преступления, вызванного противоправным или иным поведением потерпевшего, либо иных особенностей личности виновного, которые суд может признать, как смягчающие обстоятельства. Следователь для исключения этого приема должен максимально собрать данные о личности как обвиняемого, так и потерпевшего. Это не только обеспечит должное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию в силу ст. 73 УПК РФ, но и исключит возможность подобного рода ходатайств на заключительном этапе.

Результаты. Таким образом, на последующем этапе расследования следователь, предъявив обвинение, продолжает устанавливать истину по уголовному делу, принимает меры, направленные на поддержание позитивного посткриминального поведения и выполняет следственные и процессуальные действия, направленные на принятие окончательного решения по уголовному делу:

– составления обвинительного заключения с указанием смягчающих обстоятельств либо решений о возбужденных уголовных делах о фактах, установленных в связи с сотрудничеством обвиняемого;

– постановления о прекращении уголовного преследования (уголовного дела) по нереабилитирующим основаниям в связи с позитивным посткриминальным поведением (деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим и т.д.).

На заключительном этапе расследования следователь должен быть готов к изменению поведения участника, раскрытию мнимости позитивного посткриминального поведения и неожиданного согласия на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. Поэтому, признав собранные доказательства достаточными для составления обвинительного заключения или иного процессуального решения стадии предварительного расследования, следователь должен удостовериться в достаточности оставшегося срока расследования или меры пресечения, связанной с изоляцией от общества. В необходимых случаях нужно продлить данные сроки, и лишь потом вызывать участников для ознакомления с материалами уголовного дела. Это исключит попытки изменения меры пресечения, обеспечит позитивное отношение к следователю, так как заключительный этап будет проходить в спокойной обстановке, не вынуждающей участника ограничиваться во времени для ознакомления с материалами уголовного дела.

Заключение. В рамках данной статьи рассмотрены отдельные аспекты деятельности следователя на стадии предварительного расследования при наличии позитивного посткриминального поведения обвиняемого. Выявлены имеющиеся проблемы, предложены пути их решения.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Лонщакова А.Р. Характеристика противодействия обвиняемых расследованию насильственных преступлений и криминалистические методы его преодоления и профилактики / А.Р. Лонщакова, З.З. Талынева // Мир юридической науки. 2018. № 3–4. С. 75–78.
2. Францифоров Ю.В. Содействие подозреваемого и обвиняемого расследованию преступления / Ю.В. Францифоров, С.В. Лаврухин // Публичное и частное право. 2019. № 3(43). С. 103–111.
3. Андреев. А.С. Посткриминальная деятельность как объект познания в криминалистике и практике расследования преступлений : дис. ... доктора юридических наук. Ростов-н/Д., 2020.
4. Колесник В.В. Исходные предпосылки формирования системы средств стимулирования дачи признательных показаний участниками уголовного процесса / В.В. Колесник // Право и практика. 2020. № 2. С. 82–86.
5. Лозовский Д.Н. Методы расследования организованной преступной деятельности : монография / Д.Н. Лозовский; Санкт-Петербургский ун-т МВД России. Майкоп : ООО «Качество», 2010.

References:

1. Lonshchakova A.R. Characteristics of the accused's counteraction to the investigation of violent crimes and criminalistic methods of overcoming and preventing it / A.R. Lonshchakova, Z.Z. Talyneva // The world of legal science. 2018. № 3–4. P. 75–78.

2. Franciforov Yu.V. Assistance to the suspect and the accused in the investigation of a crime / Yu.V. Franciforov, S.V. Lavrukhin // Public and private law. 2019. № 3(43). P. 103–111.
3. Andreev. A.S. Post-criminal activity as an object of knowledge in criminology and practice of crime investigation : dis. ... Doctor of Law. Rostov-on/D., 2020.
4. Kolesnik V.V. Initial prerequisites for the formation of a system of means to stimulate confessions by participants in criminal proceedings / V.V. Kolesnik // Law and practice. 2020. № 2. P. 82–86.
5. Lozovsky D.N. Methods of investigation of organized criminal activity : monograph / D.N. Lozovsky; St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Maikop : LLC «Quality», 2010.

Информация об авторе

Журавков Илья Александрович
аспирант кафедры
криминалистики и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
zhuravkof@mail.ru

Ilya A. Zhuravkov
Postgraduate Student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
zhuravkof@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.86.98.007>
УДК 343

Attribution
cc by

ПРОВЕРКА И СПОСОБЫ ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ НА СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Леонова Т.В.

Российский государственный университет правосудия

Аннотация. В рамках данной работы автором проводится исследование актуальных теоретических и практических вопросов проверки доказательств судом на стадии назначения судебного заседания. В работе отмечается, что в предварительном слушании предусмотрено ограниченное исследование доказательств, затрагивающее обстоятельства, обосновывающие ходатайство стороны об исключении доказательств, об истребовании дополнительных доказательств или предметов, а также допросе свидетелей. По мнению автора, отсутствует необходимость в заявлении ходатайства об исключении доказательств в рамках предварительного слушания, так как этот важный вопрос требует полного исследования доказательств по делу. В заключении предлагается исключить ч. 5 из содержания ст. 234 УПК РФ.

Ключевые слова: проверка доказательств судом, способы проверки доказательств, стадия назначения судебного заседания

VERIFICATION AND METHODS OF VERIFICATION OF EVIDENCE BY THE COURT AT THE STAGE OF APPOINTMENT OF THE COURT SESSION

Tatyana V. Leonova

Russian State University of Justice

Abstract. Within the framework of this work, the author conducts research on topical theoretical and practical issues of verification of evidence by the court at the stage of appointment of a court session. The paper notes that in a preliminary hearing, within the meaning of the norms of criminal procedure legislation governing the verification of evidence in a preliminary hearing, a limited study of evidence is provided, affecting under the existing circumstances that substantiate the party's plea to exclude evidence, seek supplementary evidence or materials, in addition to interrogating witnesses. From the perspective of the author, there is no necessity to lodge an application for the exclusion of evidence during the preliminary hearing phase, as this substantial matter demands an exhaustive scrutiny of the evidentiary content within the case. In conclusion, it is proposed to exclude part 5 from the contents of Article 234 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Keywords: verification of evidence by the court, methods of verification of evidence, the stage of appointment of the court session.

Введение. Согласно ст. 234 УПК РФ, суд проводит судебное заседание в предварительном слушании единолично, в закрытом судебном заседании и с участием сторон. В ходе предварительного слушания разрешаются важные процессуальные вопросы, связанные, например, с признанием доказательств недопустимыми (ч. 5), вызовом и допросом свидетеля, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий (ч. 8) и др. Данные вопросы подлежат рассмотрению судом по инициативе, т.е. по ходатайству сторон. Отсюда следует, что суд по инициативе сторон имеет право проверки доказательств в ходе предварительного слушания.

Таким образом, суд на стадии подготовки дела к основному слушанию может «проверить доказательства», которые были получены в ходе предварительного расследования. Исходя из ст. 87

УПК РФ проверка доказательства проводится путем сопоставления его с другими доказательствами по делу.

Обсуждение. Проведем анализ категории «сопоставление» и его смыслового значения в уголовном процессе. Согласно словарю В.И. Даля, «сопоставить» означает: «Сопоставить с чем-либо; сличать; сравнивать» [1, с. 478]. Следует отметить, что процедура сравнения в заседании доказательств представляет собой сравнительный (сопоставительный) процесс находящийся в различных источниках сведений. В качестве руководящего начала подобного сопоставительного процесса выступает познание истинности содержания информации в доказательстве.

В научной литературе существует плюрализм мнений касательно верной интерпретации в уголовном судопроизводстве так называемой сопо-

ставительной деятельности. Так, по мнению одних авторов, следует рассматривать в роли логической мыслительной деятельности процесс сопоставления.

Например, по высказыванию А.В. Смирнова необходимо непосредственно рассматривать в качестве оценки доказательств сопоставление сведений, которые следует интерпретировать в роли мыслительной деятельности. По мнению автора, допускается физическое сопоставление предметов. [2, с. 247].

В свою очередь, согласно авторской позиции Н.П. Кузнецова, под сопоставительным процессом каждого доказательства с другим следует трактовать, осуществляемую субъектом посредством сравнения и анализа деятельность, характеризующейся логичностью и мыслительной направленностью [3, с. 361].

Согласно ст. 88 УПК РФ, законодатель обращается к мыслительной деятельности относительно понятия «оценка». Однако не пояснил в ст. 87 УПК РФ в отношении «проверки», только указал цель проведения сопоставления проверки доказательств.

В такой ситуации, возникает вопрос о сопоставлении доказательств с применением таких элементов, как поиск, обнаружение, закрепление полученных сведений.

По нашему мнению, это понятия несколько иного значения и предполагают конкретные действия суда, направленные на активную проверку. Суд в ходе проверки не сможет ограничиться только мыслительной деятельностью. Полагаем, что процесс сопоставления доказательств охватывает как мыслительную логическую деятельность, так и физическое сравнение, как выразился А.В. Смирнов [3, с. 246–247]. К примеру, проверка доказательства в виде заключения автотехнической экспертизы потребует ее сопоставления с показаниями потерпевшего, подсудимого, свидетелей, судебно-медицинской экспертизы, осмотра места происшествия и т.д. Процесс проверки, в которую входит сопоставление с другими доказательствами, обладает продолжительным характером и потребует исследования, которое возможно лишь в процессе судебного разбирательства по сути дела.

Законодатель, осуществив правовое регулирование, направленных на проверку доказательств следственных действий, тем самым подчеркивает, что они имеют непосредственное значение для уголовного дела и проводятся как для уточнения, так и проверки значимой информации. Подчеркнем, что основной целью, которая возникает на стадии возбуждения уголовного дела перед проверочными процессами доказательств, является наличие, указывающих на наличие признаков преступления, данных.

Вышеизложенное опосредует цель, которая ставится на этапе проверки сведений о фактах и из

источников. Именно в результате проверки полученных законом в порядке сведений на соответствие их критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности, они приобретают форму доказательств.

Проверка доказательств представляет собой непрерывный и комплексный процесс, объединяющий логические и когнитивные приемы, свойственные оценке доказательств вместе с практической деятельностью, которая представляет собой неотъемлемый элемент сбора доказательств.

Интерес для нашего исследования также представляют результаты, проведенных в научной литературе выводов касательно сравнения и выделения отличительных черт в досудебном производстве проверки доказательств от аналогичной на стадии судебного производства деятельности. Так, в обосновании данной точки зрения идет отсылка на положение ч. 3 ст. 240 УПК РФ. Так, может быть заложено в основу судебного приговора непосредственно исследованные в судебном заседании доказательства. Как следствие – следует подразделять все доказательства на судебные доказательства и доказательства.

Порой, применение проверки доказательств производится в отношении самого судебного производства (например, необходимость проведения проверки доказательств в рамках рассмотрения уголовного дела судом апелляционной инстанции).

Следует подразделять, выступающие в роли способа проверки доказательств, следственные действия, а также – действия судебные, в которых производство будет непосредственно направлено на доказательственное исследование. Вторые из указанных действий необходимо рассматривать в качестве процессуальных действий (гл. 39 УПК РФ), которые имеют нацеленность на собирание и проверку доказательств и реализуются посредством специализированных приемов и средств познавательного-удостоверительного характера, содержащих элементы принуждения, проводимые судом первой и апелляционной инстанций в процессе судебного заседания [4, с. 41].

Следует отметить, что в ряде положений понятие «процессуальные действия» рассматривается не в качестве аналогичного понятию «следственные действия». Несмотря на то, что положения УПК РФ указывают на наличие различий между процессуальными и следственными действиями, четких критериев такого разделения сформулировано не было. При этом оба вида указанных действий в равнозначном значении употребляются законодателем в качестве способов собирания и проверки доказательств.

Процессуальные, и следственные действия могут выступать способами собирания и проверки доказательств. Направленность процессуально-

го действия базируется на обнаружении, фиксации, закреплении, сохранении сведений и источников о преступлении.

Реализация следственных действий имеет связь с признанием полученных сведений и их источников доказательствами, соответствующими критериям допустимости, относимости, достоверности.

В свою очередь, основная цель проверки доказательств – уяснение их соответствия критериям достоверности, относимости и допустимости. Доказательственная проверка, по своему характеру, носит длящийся характер и выступает в роли производной присущих оценке доказательств сочетания мыслительных и логических приемов, а также – практической деятельности. В качестве основной отличительной черты проверки доказательств от их оценки будет выступать наличие возможности определения критериям достаточности по итогам доказательственной оценки.

Полагаем, что недопустимо в один ряд ставить в суде непосредственное доказательственное исследование с одним из элементов доказательственного процесса, поскольку в рамках судебного процесса производится новое исследование, как сведений, так и их источников.

Думается, что проверка тех обстоятельств, указанных в ст. 234 УПК РФ (исключение доказательства, допрос свидетелей), будет произведена судом беспрепятственно, если будут соблюдены условия, прописанные в этой части статьи (если нет возражений у другой стороны). Создается впечатление, что фактически, законодатель надеется на «автоматическое» исключение доказательства в ходе предварительного слушания. В том случае, если такое возражение имеется, то ситуация усложнится тем, что суду необходимо будет прибегнуть к проверке такого доказательства.

Согласно ч. 4 ст. 234 УПК РФ, сторона, заявившая ходатайство об исключении доказательства по мотиву его недопустимости, обязана его обосновать. В качестве обоснования сторона должна указать, какие нарушения закона допущены должностными лицами. По сути, в ходе предварительного слушания предметом рассмотрения такого ходатайства должно стать свойство допустимости доказательства. Но, в совокупности с допустимостью, суд обязан проверить и достоверность, и относимость доказательства.

В.Ю. Миронов и А.А. Прокопенко указывают на то, что это – необходимое условие для признания доказательства недопустимым [5, с. 12; 6, с. 206]. Однако некоторые ученые не согласны с мнением указанных лиц и считают, что «при рассмотрении ходатайства об исключении доказательства судья вправе допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документ, указанный в ходатайстве, огласить протоколы след-

ственных действий и иные документы, имеющиеся в деле и (или) представленные сторонами. Указанное судебное действие – средство проверки исключаемого доказательства для установления наличия или отсутствия обстоятельств, которые могут повлечь его недопустимость» [7, с. 24].

Позволим себе высказать мнение и не согласиться с таким подходом. Цель предварительного слушания заключается в рассмотрении обстоятельств, которые будут препятствовать рассмотрению уголовного дела по существу. Предназначение предварительного слушания заключается в том, чтобы устранить препятствия, которые могут помешать слушанию уголовного дела в основном, судебном разбирательстве (по существу). Вопрос недопустимости доказательств, требует всестороннего подхода в исследовании всех свойств допустимого доказательства, а также – в проверке и в его оценке и, конечно же, потребует исследования иных доказательств, как имеющихся в уголовном деле, так и новых, которые могут быть представлены сторонами.

В судебной практике заявление ходатайств об исключении доказательств в рамках предварительного слушания является редкостью. В основном, это касается стороны защиты, но адвокаты не спешат с заявлением такого рода ходатайств, поскольку не желают преждевременно указывать на тактику защиты и раскрывать необходимую информацию. Иначе, сторона обвинения поспешит восполнить данный пробел.

Некоторые авторы указывают на то, что в данной статье УПК РФ закреплен институт формального признания [8, с. 630]. А.Р. Белкин называет такую процессуальную процедуру «автоматической» и четко указывает на то, что «она вызывает у него большие сомнения» [9, с. 89].

Это касается и допроса свидетеля в предварительном слушании с учетом того, что допрос осуществляется с определенной целью, если ему стало известно об обстоятельствах производства следственных действий. Может появиться необходимость в сопоставлении сведений данных на допросе с иными доказательствами по делу. Это – процесс затяжной, который потребует проверки иных доказательств по делу, что возможно выполнить только в основном слушании. Согласимся с мнением П.А. Лупинской в этом вопросе: «Проверка отдельного доказательства недостаточна для вывода о его достоверности, для этого нужна проверка всей совокупности доказательств» [10, с. 93].

Результаты. В данном исследовании, мы не считаем суд пассивным участником, а наоборот – относим его к активной стороне, действующей в соответствии с теми полномочиями, которые предоставлены ему законодательством. Суд должен иметь свое собственное мнение, которое подкреплено ст. 17 УПК РФ. Слишком явно прослеживается в этой норме возможность догово-

ряться сторонам между собой, что не соответствует существу уголовного процесса и представляется некорректным. Судебная практика указывает на тот факт, что ходатайства сторон заявляются в этой стадии не часто. В основном, они связаны с возвращением уголовного дела прокурору, так как именно в этой стадии существует реальная возможность объективно рассмотреть обстоятельства и принять решение.

Ч. 7 ст. 234 УПК РФ предусматривает истребование дополнительных доказательств или предметов, если они имеют значение для дела. В связи с указанными формулировками, возникает также много вопросов процессуального характера: Дополнительные доказательства имеют значение для кого? Какой стороны в уголовном судопроизводстве? Почему доказательства не были истребованы ранее, в ходе предварительного расследования? Каким образом суд в этой части судопроизводства должен определить значимость доказательства?

Очевидно, что такое вновь истребованное доказательство необходимо исследовать в ходе судебного следствия и рассмотрения дела по существу. Только после тщательной проверки возможно оценить суду насколько значимым является доказательство.

Законодатель сразу же определил их как доказательства, а не как документы. Документы приобретут статус процессуальных документов тогда,

когда приобщены к материалам уголовного дела и признаны вещественным доказательством.

Предмет или документ, находящийся у частного лица или в негосударственной организации, возможно, придется не истребовать, а изъять. Изъятие не является самостоятельным действием и проводится в рамках выемки (обыска), осмотра и освидетельствования. Суд не имеет право производить выемку и обыск. Осмотр или освидетельствование на предварительном слушании не предусмотрены.

Таким образом, изъятие процессуально, невозможно.

Заключение. В предварительном слушании предусмотрено ограниченное исследование доказательств, затрагивающих обстоятельства, обосновывающие ходатайство стороны об исключении доказательств, об истребовании дополнительных доказательств или предметов, допросе свидетелей. Не считаем целесообразным заявлять ходатайства об исключении доказательств в рамках предварительного слушания, так как этот важный вопрос требует полного исследования доказательств по делу.

С учетом сказанного, предлагаем исключить ч. 5 из ст. 234 УПК РФ, соответственно, исключить и ст. 235 УПК РФ, так как она предусматривает порядок заявления ходатайства об исключении доказательств.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Толковый словарь живого великорусского языка: Избр. ст. / Крас. Пролетарий. 2004. 700 с.
2. Смирнов А.В. Глава 11. Доказывание / А.В. Смирнов; Под общ. ред. А.В. Смирнова // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Проспект, 2004. 529 с.
3. Кузнецов Н.П. Статья 87. Проверка доказательств / Н.П. Кузнецов; Под общ. ред. В.В. Мозякова, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2005. 920 с.
4. Демурчев Л.Г. Собрание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий : дис. ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2012. 184 с.
5. Миронов В.Ю. Оценка доказательств при проведении предварительного слушания / В.Ю. Миронов // Российский судья. 2007. № 1. С. 10–14.
6. Прокопенко А.А. Оценка достоверности доказательства судом на стадии назначения судебного заседания / А.А. Прокопенко // Общество и право. 2008. № 1. С. 205–208.
7. Пилюшин И.П. Исключение доказательства в предварительном слушании / И.П. Пилюшин, А.В. Павлов // Мировой судья. 2016. № 10. С. 23–26.
8. Комментарий к УПК РФ / А.В. Смирнов (ред.). 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 702 с.
9. Белкин А.Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? М. : Юрайт, 2017. Т. 2. 331 с.
10. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М., 1976. 167 с.

References:

1. Explanatory dictionary of the living Great Russian language : selected art. Krasus. Proletarian, 2004. 700 p.
2. Smirnov A.V. Chapter 11. Proving / A.V. Smirnov; Under the general editorship of A.V. Smirnov. 2nd ed., supplement and revision. M. : Prospekt, 2004. 529 p.
3. Kuznetsov N.P. Article 87. Verification of evidence / N.P. Kuznetsov; Under the general editorship of V.V. Mozyakov, G.V. Maltseva, I.N. Bartsitsa // Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. M., 2005. 920 p.
4. Demurchev L.G. Collecting evidence during pre-trial proceedings by conducting other procedural actions : dis. ... candidate of law. Krasnodar, 2012. 184 p.
5. Mironov V.Yu. Assessment of evidence during a preliminary hearing / V.Yu. Mironov // Russian judge. 2007. № 1. P. 10–14.
6. Prokopenko A.A. Assessment of the reliability of evidence by the court at the stage of appointment of a court session / A.A. Prokopenko // Society and law. 2008. № 1. P. 205–208.
7. Pilyushin I.P. Exclusion of evidence in a preliminary hearing / I.P. Pilyushin, A.V. Pavlov // Justice of the Peace. 2016. № 10. P. 23–26.
8. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / A.V. Smirnov (ed.). 5-th ed., reprint. and additional. M. : Prospekt, 2009. 702 p.
9. Belkin A.R. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: can't it be canceled? M. : Yurait, 2017. Vol. 2. 331 p.
10. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings. Their types, contents and forms. M., 1976. 167 p.

Информация об авторе

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка уголовно-процессуальной кафедры,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

Tatyana V. Leonova
Postgraduate Student
of the Criminal Procedure Department,
Russian State University of Justice
tatayana768_768@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.91.95.009>
УДК 343.7

Attribution
cc by

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ДРЕВЕСИНЫ, ЗАПРЕЩЕННЫЙ В СТ. 1911 УК РФ

Пация Д.В.

Адвокатская Палата Краснодарского края

Аннотация. Актуальность. Включение в уголовный закон отдельной статьи об ответственности за незаконный оборот древесины стало ответом на усложнившиеся схемы преступной эксплуатации леса. Однако такое решение повлекло за собой ряд сложных проблем, связанных с пониманием признаков состава данного преступления и его отграничения от имеющихся уголовно-правовых запретов.

Цель. Провести анализ признаков состава преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ в контексте актуальных проблем практики квалификации незаконной рубки лесных насаждений.

Задачи. Дать толкование признаков объективной стороны незаконного оборота древесины, определить вид данного преступления с точки зрения учения о единичном сложном преступлении, решить сложные проблемы квалификации оборота древесины в части его отграничения от легализации преступных доходов, хищения и незаконного предпринимательства.

Методы. На основе принципов объективности, системности, связи теории с практикой, в работе использованы познавательные возможности формально-логического, документального и аналитического методов.

Результаты. В статье анализируются проблемные вопросы толкования и квалификации признаков состава преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, с учетом складывающейся в Российской Федерации судебной практики и предлагаются механизмы разрешения данных проблемных вопросов по уголовным делам об обороте заведомо незаконно заготовленной древесины.

Выводы. По итогам исследования уточнено понятие «хранение древесины» для целей применения в ст. 1911 УК РФ и значение его субъективных признаков; предложено понимание хранения как длящегося преступления и установлен момент его окончания; сформулировано понятие «перевозка незаконно заготовленной древесины» и ее отличие от трелевки; предложены признаки переработки древесины.

Ключевые слова: древесина, толкование признаков состава незаконного оборота леса, квалификация экономических преступлений в области охраны леса и лесопользования.

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TIMBER TRAFFICKING PROHIBITED IN ARTICLE 1911 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

David V. Patsia

Krasnodar Regional Bar Association

Abstract. Relevance. The inclusion in the criminal law of a separate article on responsibility for illegal timber trafficking was a response to the complicated schemes of criminal exploitation of forests. However, such a decision entailed a number of complex problems related to understanding the signs of the composition of this crime and its differentiation from the existing criminal law prohibitions.

Purpose. To analyze the signs of the corpus delicti provided for in Article 1911 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of current problems of the practice of qualifying illegal logging of forest plantations.

Tasks. To interpret the signs of the objective side of illegal timber trafficking, to determine the type of this crime from the point of view of the doctrine of a single complex crime, to solve complex problems of qualification of timber trafficking in terms of its differentiation from the legalization of criminal proceeds, embezzlement and illegal entrepreneurship.

Methods. Based on the principles of objectivity, consistency, connection of theory with practice, the cognitive capabilities of formal-logical, documentary and analytical methods are used in the work

Results. The article analyzes the problematic issues of interpretation and qualification of the signs of the corpus delicti provided for in Article 1911 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the current judicial practice in the Russian Federation, and suggests mechanisms for resolving these problematic issues in criminal cases on the turnover of knowingly illegally harvested wood.

Conclusions. According to the results of the study, the concept of «storage of wood» for the purposes of application in Article 1911 of the Criminal Code of the Russian Federation and the meaning of its subjective signs were clarified; the understanding of storage as a continuing crime was proposed and the moment of its termination was established; the concept of transportation of illegally harvested wood and its difference from skidding was formulated; signs of wood processing were proposed.

Keywords: wood, interpretation of the signs of illegal forest trafficking, qualification of economic crimes in the field of forest protection and forest management.

Введение.

Сохранение, преумножение лесных богатств страны и упорядочение лесопользования – одна из наиболее значимых эколого-экономических проблем современного российского общества. Его прогрессивное развитие немыслимо без гарантий соблюдения законности в областях экономической деятельности и экологической безопасности.

Полноценное решение этой задачи во многом зависит от развития уголовно-правовых средств охраны леса и лесопользования в Российской Федерации.

Лесные ресурсы часто становятся объектом криминальных посягательств. При этом спектр таких посягательств включает в себя деяния, связанные как с нарушением интересов экологической защищенности общества, так и с нарушением интересов в сфере экономической деятельности государства и хозяйствующих субъектов.

В ряду уголовно-правовых средств противодействия преступлениям в области неправомерного лесопользования особое место занимают предписания об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), которая отнесена законодателем к группе экологических преступлений, и об ответственности за приобретение, хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 1911 УК РФ), признанную законодателем преступлением в сфере экономической деятельности. Два этих преступления характеризуются комплексным объектом, сочетающим охрану экологических, управленческих и экономических интересов, обладают признаком системы преступлений, дифференцированной в разных главах УК РФ, исходя из приоритетно охраняемого интереса, а также, зачастую, совершаются в результате единой преступной деятельности, осуществляемой в различных видах и стадиях.

Результаты.

Преступление, предусмотренное ст. 1911 УК РФ, непосредственно посягает на общественные

отношения в сфере экономической деятельности, связанные с приобретением, хранением, перевозкой, переработкой или сбытом древесины. В качестве дополнительного объекта следует назвать отношения в области обеспечения экологической безопасности, в том числе интересы государства, призванного осуществлять надзор и контроль за оборотом древесины, а также - законные интересы потребителей и организаций, индивидуальных предпринимателей, вступающих в экономические отношения в сфере оборота древесины, и др.

Наибольшее количество проблем в процессе квалификации рассматриваемого преступления возникает при определении предмета, которым, исходя из содержания диспозиции, является незаконно заготовленная древесина.

В соответствии с требованиями ГОСТ [1], под древесиной понимают «совокупность вторичных тканей (проводящих, механических и запасующих), расположенных в стволах и корнях древесных растений между корой и сердцевиной». Таким образом, к древесине следует относить стволы деревьев, стебли кустарников и лиан, отделенные от корня.

Согласно ч. 1 ст. 29 Лесного кодекса РФ (далее – ЛК РФ), заготовка древесины представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с рубкой лесных насаждений, а также с вывозом из леса древесины, которая осуществляется в соответствии с Правилами заготовки древесины [2], с лесным планом субъекта РФ [3], лесохозяйственным регламентом лесничества (лесопарка) [4], а также – с проектом освоения лесов и лесной декларацией [5] (за исключением случаев заготовки древесины на основании договора купли-продажи лесных насаждений).

Следовательно, незаконно заготовленной является древесина, полученная с нарушением требований указанных актов. При этом, исходя из содержания п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», незаконной является рубка указанных насаждений с нарушением требований законодательства, напри-

мер рубка лесных насаждений без оформления необходимых документов (в частности, договора аренды, решения о предоставлении лесного участка, проекта освоения лесов, получившего положительное заключение государственной или муниципальной экспертизы, договора купли-продажи лесных насаждений, государственного или муниципального контракта на выполнение работ по охране, защите, воспроизводству лесов) либо в объеме, превышающем разрешенный, либо с нарушением породного или возрастного состава, либо за пределами лесосеки.

Также, следует обратить внимание на то, что согласно ст. 30 ЛК РФ, граждане вправе заготавливать древесину для целей отопления, возведения строений и иных собственных нужд на основании договоров купли-продажи лесных насаждений, исходя из нормативов, установленных законами субъектов РФ. В данном случае, древесина не может отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами.

В связи с изложенным, нельзя согласиться с мнением о том, что сбыт древесины, полученной в результате совершения преступления, например, незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), должен быть квалифицирован по ст. 175 «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» УК РФ [6, с. 41–44].

Следовательно, если лицо осуществило незаконную рубку лесных насаждений в значительном размере, а затем совершило ее хранение, перевозку, переработку в целях сбыта или сбыт, то такие деяния должны быть квалифицированы по совокупности ст. 1911 и 260 УК РФ См.: Приговор Янаульского районного суда Республики Башкортостан от 24.03.2016 № 1-7/2016 (1-172/2015); Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 08.06.2017 № 44У-75/2017).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, также сложна и требует уголовно-правового анализа. Среди правоприменителей бытует мнение, что перевозка, переработка и хранение – деяния объективной стороны, которые не требуют уголовно-правовой оценки без совершенного сбыта.

На наш взгляд, этот подход недостаточно корректен.

В юридической литературе также отмечается, что это такие же полноценные деяния, как приобретение или сбыт, поэтому они нуждаются в глубоком научном изучении [7, с. 221].

Незаконный оборот древесины может быть совершен в форме пяти альтернативных деяний:

- приобретение с целью сбыта;
- хранение с целью сбыта;

- перевозка с целью сбыта;
- переработка с целью сбыта;
- сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины.

Приобретение заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенное в крупном размере, под которым следует понимать ее получение любым способом, в том числе покупку, получение в дар, а также в качестве средства взаиморасчета за проделанную работу, оказанную услугу или в оплату долга, в обмен на другие товары и вещи, присвоение найденного, сбор. Соответственно, понятие «приобретение» охватывает различные способы, в результате которых лицо становится обладателем незаконно заготовленной древесины.

Хранение означает нахождение незаконно заготовленной древесины у виновного в том месте, которое им определено для временного – до сбыта – пребывания древесины под его властью [8, с. 148]. В правоприменительной практике суды под хранением заведомо незаконно заготовленной древесины, совершенном в крупном размере, понимают любые умышленные действия лица, связанные с фактическим владением, в том числе ее сокрытие, позволяющее обеспечить сбережение (см., например: Приговор Баймакского районного суда Республики Башкортостан от 12.03.2015 по делу № 1-49/2015).

Место нахождения леса не имеет значения для квалификации: он может храниться на складе, в том числе на временных лесных складах, на приусадебном участке и в других местах.

Важным признаком хранения, как уже было сказано выше, является нахождение лесоматериалов в фактическом владении у виновного. Поэтому нельзя признавать хранением в целях ст. 1911 УК РФ оставление древесины, например, в лесу, когда лесоруб, услышав звуки машин и опасаясь появления на месте преступления правоохранительных органов, скрывается с пункта незаконной заготовки. Даже в случае, когда он, надеясь на сохранность древесины, возвращается на это место через несколько дней, мы не можем расценивать это как хранение в целях ст. 1911 УК РФ, так как у него не могло быть уверенности во владении данным имуществом.

Хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что УК РФ предусматривает ответственность еще за несколько преступлений в форме хранения, в их числе незаконный оборот оружия. Например, п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» трактует термин «хранение» в отношении оружия следующим образом: «...Соккрытие указанных предметов в помещениях, тайниках, а также в иных местах, обеспечивающих их сохранность».

В юридической литературе указывается, что хранение может включать в себя следующие действия:

- поиск и оборудование места хранения, исключающее возможность его обнаружения органами власти;
- принятие мер для сбережения;
- контроль наличия на месте хранения.

Эти ключевые моменты применимы и к незаконному обороту леса. Виновный в хранении должен предпринять меры для сокрытия и сбережения незаконно заготовленной древесины, у него должно возникнуть внутреннее убеждение, что он спрятал поваленные деревья от правоохранительных органов и в любой момент имеет возможность доступа к ним.

Незаконный оборот леса в форме хранения является длящимся преступлением. Оконченным оно будет в момент обнаружения правоохранителями древесины в необходимом размере либо явки виновного с повинной. Время хранения для квалификации преступления в этой форме не имеет значения.

Существенным моментом представляется наличие у виновного лица специальной цели сбыта. Древесина должна храниться либо непосредственно для продажи, обмена и т. д., либо для переработки в этих целях. Хранение лесоматериалов с намерением использования ее в подсобном хозяйстве, для строительства либо в иных личных целях не является преступлением.

О цели сбыта при хранении незаконно заготовленной древесины могут свидетельствовать факт договоренности с третьими лицами о продаже леса, объем (количество) незаконно заготовленных лесоматериалов, а также - конкретные обстоятельства хранения, например отсутствие у виновного необходимости в использовании древесины в быту.

Так, наличие в деревенском доме централизованного или газового отопления и отсутствие печи лишает преступника возможности говорить о хранении древесины с целью отопления. Может быть обратная ситуация, когда у лица во дворе уже стоит временный фундамент, а древесина, распиленная определенным образом под постройку сруба, хранится до строительного сезона, поэтому привлечение лица к уголовной ответственности по данной статье УК РФ невозможно, так как в его деяниях отсутствует цель сбыта.

В ЛК РФ нет определения понятия «перевозка древесины», он оперирует термином «транспортировка древесины», не раскрывая его, а лишь устанавливая правила ее осуществления (ст. 50.4 ЛК РФ).

Р.С. Зайнутдинов предлагает для целей ст. 1911 УК РФ использовать понятие «перевозка», данное постановлениями Пленума Верховного Суда РФ об обороте оружия и наркотических средств. В частности, под перевозкой незаконно заготовленной древесины им предлагается понимать «перемещение ее из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенное с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в качестве перевозочного средства» [9, с. 245].

В отдельных случаях, под перевозкой ошибочно понимают трелевку древесины. Вместе с тем, согласно ст. 16 ЛК РФ, процессы валки, а также иные технологически связанные с нею процессы (включая трелевку, частичную переработку, хранение древесины в лесу), признаются рубками лесных насаждений (см., например: Приговор Вилегодского районного суда Архангельской области от 24.03.2015 по делу № 1–29/2015).

На наш взгляд, это определение не вполне учитывает специфику преступления, связанного с незаконным оборотом леса. Так, под данную формулировку перевозки будет, соответственно, подпадать и трелевка древесины с места рубки на временные склады или к конечному пункту погрузки, так как это тоже перемещение древесины с использованием транспортных средств.

При обращении к литературе по лесоводству, становится очевидным отличие трелевки от перевозки в следующем определении: «Трелевка леса – это лесозаготовительная операция по сбору и транспортировке деревьев, очищенных от сучьев стволов (хлыстов), бревен от места их заготовки к погрузочным пунктам у лесовозных дорог..., осуществляемая на трелевочных тракторах в полупогруженном состоянии (один конец дерева, хлыста или бревна укрепляется на тракторе, а другой волочится по земле), либо (в горной и заболоченной местностях) лебедками с тросо-блочными системами» [10].

Таким образом, трелевку рассматривать как перевозку в целях ст. 1911 УК РФ нет оснований, поскольку она, скорее, является этапом заготовки древесины на стадии приготовления к совершению преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ (в юридической науке и ведомственных правовых актах понятия «трелевка» и «вывозка» разделяются [11], что подчеркивает их отличие друг от друга [12, с. 51].

Перевозка (в терминологии лесоводства – «вывозка») заключается уже в перемещении от лесосеки к перерабатывающим предприятиям либо в сторону населенных пунктов с целью дальнейшего оборота. Следовательно, вышеприведенное определение необходимо дополнить оговоркой следующего содержания: «Не является перевозкой трелевка незаконно заготовленной древесины». Трелевку нельзя расценивать ни как перевозку, ни как хранение, так как, во-

первых, это лишь этап лесозаготовки, а вторых, до вывоза древесины с лесосеки к какому-либо магистралю (дороге, железнодорожным путям, судоходным рекам) нельзя говорить о полноценной возможности виновного распорядиться черным лесом – о наличии признака установления власти при хранении.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что трелевка незаконно заготовленной древесины не составляет разновидность деяния, образующего объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ.

Представляется важным вопрос о моменте окончания заготовки и моменте начала перевозки. Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать такое понятие, как «лесовозные дороги» – в месте их достижения транспортом с древесиной заканчивается трелевка. Лесовозные дороги предназначаются для вывозки леса до мест его складирования и переработки. Лесовозные дороги обычно примыкают или к железным дорогам, или к водным путям, по которым древесина доставляется потребителям.

Таким образом, трелевка заканчивается и начинает исполняться объективная сторона преступления в форме перевозки в момент начала движения грузового транспорта по лесовозным дорогам.

Перевозка может осуществляться как сухопутным (грузовым или железнодорожным транспортом), так и водным (буксирным способом) путем. Особенностью транспортировки древесины является применение молевого способа сплава, при котором древесина перемещается из одного места в другое силой течения реки. Позволим себе утверждать, что такой способ также не образует состава преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, так как в данном случае не используются транспортные средства, и древесина в пути не сопровождается кем-либо. Эти деяния следует квалифицировать как подготовку к совершению преступления в форме хранения, перевозки и т.д. незаконно заготовленной древесины. В случае, когда сплав леса сопровождается, например, на плотках или барже, и у виновного есть возможность контролировать этот процесс, можно говорить о перевозке в целях ст. 1911 УК РФ.

Субъективная сторона перевозки как формы незаконного оборота древесины должна характеризоваться целью как непосредственно сбыта, так и переработки или хранения в целях сбыта. Уголовно не наказуема перевозка леса, отвечающая всем признакам объективной стороны ст. 1911 УК РФ, но совершаемая в личных или иных целях.

Для привлечения к уголовной ответственности водителя транспортного средства за перевозку незаконного леса как исполнителя преступления необходимо наличие двух конструктивных признаков субъективной стороны:

– заведомости – он должен быть осведомлен о том, что транспортируемый лес имеет нелегальное происхождение;

– специальной цели – он должен желать сбыта древесины.

Водитель не несет ответственность за оборот незаконно заготовленного леса, если даже участвовал в сбыте и получил материальное вознаграждение, в случае его неосведомленности о происхождении древесины, если он был уверен в легальности сделки (об этом могут свидетельствовать предоставленные ему подлинники или копии документов на лес, показания свидетелей и т. п.).

Спорным представляется вопрос относительно возможности признания водителя соучастником преступления в случае, если он знает о незаконной природе происхождения древесины, но не имеет цели сбыта.

В научной литературе этот вопрос решен следующим образом: «В тех случаях, когда мотив или цель выступают конструктивным признаком состава преступления, его соучастником может быть признан только тот, кто знал о наличии указанного мотива (цели) в совместно совершаемом деянии и сознательно содействовал его осуществлению» [13, с. 81]. Содействием в осуществлении преступления и становятся услуги перевозки.

Таким образом, водитель транспортного средства для признания его пособником в совершении преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, помимо осведомленности о характере перевозимого груза, должен знать о желании лесоруба сбыть древесину, а не использовать ее в личных целях. Если же он и сам преследует цель сбыта – желает получения материальной выгоды от реализации древесины, – то он автоматически превращается в соисполнителя преступления.

Незаконный оборот древесины в форме перевозки следует признать оконченным с момента начала движения транспорта, загруженного незаконно заготовленной древесиной в крупном размере.

Помимо вышеперечисленного, ЛК РФ, к сожалению, не содержит также четкого определения переработки древесины. Однако ч. 1 ст. 46 ЛК РФ устанавливает: «Использование лесов для переработки древесины и иных лесных ресурсов представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с производством изделий из древесины и иной продукции». На наш взгляд, это определение переработки вполне применимо для целей уголовного права с небольшими дополнениями и разъяснениями.

Под изделиями из древесины понимаются как не требующие применения больших мощностей и затрат простые строительные материалы (различные балки, брусы и т.д.), так и продукты глу-

бокой переработки (мебель, деревянное домостроение, ДСП, фанера и т.д.). Также, из древесины путем биологической и (или) химической обработки можно получить этиловый спирт, фурфурол, ксилит, кормовые белковые дрожжи, целлюлозу, бумагу, канифоль, скипидар и т.п.

Предпринимательская деятельность в данном определении переработки древесины понимается как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли в соответствии с гражданско-правовым законодательством.

Продукт переработки должен быть предназначен и пригоден для последующего сбыта. Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, переработка незаконно заготовленной древесины для собственных нужд: постройка дома, изготовление мебели, домашней утвари.

В то же время, необходимо сделать оговорку по вопросу, является ли обрубание сучьев, раскряжевка и прочие процессы трансформации дерева в древесину переработкой в смысле, предусмотренном ст. 1911 УК РФ? Для целей уголовного преследования под лесопереработкой следует понимать более глубокий процесс, в результате которого мы получаем новый продукт – товар, так как, во-первых, переработка осуществляется с целью сбыта, во-вторых, обрубание сучьев, раскряжевка и т.д. – это этапы заготовки древесины, этапы формирования предмета совершения преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ.

Место и время переработки древесины не имеют значения для квалификации, она может осуществляться и на больших деревообрабатывающих заводах, и на небольших пилорамах.

Сбытом заведомо незаконно заготовленной древесины в крупном размере, должны признаваться любые способы ее возмездной либо безвозмездной передачи другим лицам (использование в качестве средства платежа при оплате товаров, работ или услуг, продаже, дарение, обмен, оплату долга, дачу взаймы и т.д.).

В соответствии с примечанием к ст. 1911 УК РФ, указанные деяния признаются совершенными в крупном размере, если стоимость незаконно заготовленной древесины, исчисленная по утвержденным Правительством РФ таксам [14], превышает 80 тыс. рублей, а в особо крупном размере – 230 тыс. рублей.

Основным критерием разграничения рассматриваемого преступления и приобретения, хранения, перевозки или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины, ответственность за которые предусмотрена в ч. 3 ст. 8.28 КоАП РФ, является стоимость незаконно заготовленной древесины, которая должна быть менее установленной в примечании к ст. 1911 УК РФ.

Исходя из содержания описанных признаков, следует отметить, что по конструкции данный состав преступления является формальным. В этой связи, преступление считается оконченным

с момента начала совершения одного из пяти вышеперечисленных нами общественно опасных деяний.

Также, деяние, в целом, должно рассматриваться как единое преступление и в случае последовательного совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 1911 УК РФ, с одной и той же партией незаконно заготовленной древесины (например, приобретение, хранение, перевозка и последующий сбыт) [15, с. 19–21].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ, может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. При этом по ч. 3 ст. 1911 УК РФ субъект может быть определен как специальный – лицо, использующее при совершении данного преступления свое служебное положение.

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. Исходя из перечисленных в диспозиции ст. 1911 УК РФ деяний умысел является прямым, чаще всего, заранее обдуманым и определенным. По таким деяниям, как хранение, перевозка, переработка, в качестве обязательного признака субъективной стороны выступает цель в виде сбыта. Использование законодателем термина «заведомо» незаконно заготовленной древесины свидетельствует о необходимости установления факта осознания виновным лицом того, что заготовка древесины носила противоправный характер.

Обсуждение.

Квалифицированный и особо квалифицированный состав рассматриваемого преступления предусматривают ответственность, соответственно, за указанные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 1911 УК РФ) в особо крупном размере, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 1911 УК РФ).

Проблемным при квалификации моментом является возможность ответственности по ч. 2 и 3 ст. 1911 УК РФ при отсутствии крупного размера незаконного оборота древесины. Действительно, если в ч. 1 данной статьи предусматривается совершение деяний в крупном размере, то в ч. 2 ст. 1911 УК РФ наказываются те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору, а размер незаконного оборота не оговаривается. Означает ли это, что ч. 2 и 3 тоже предусматривают совершение деяний группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в крупном размере, как в ч. 1, или размер в ч. 2 и 3 (при совершении деяния организованной группой) данной статьи значения не имеет? Основываясь на имеющихся примерах из судебной практики по схожим по законодательной конструкции преступлениям, например, ч. 2 ст. 167 УК РФ, можем предположить, что нет. Так, органами следствия К. предъявлено обвинение в том, что он около 22 часов в состоянии опьянения умышленно путем поджога уничтожил часть обшивки входной двери в квартире С., чем причинил потерпевшей значительный материальный ущерб.

Исследовав материалы уголовного дела, Ашинский городской суд Челябинской области пришел к выводу о том, что причиненный пожаром ущерб для потерпевшей не был значительным, поэтому оправдал К. за отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 149 УК РСФСР (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Кассационная инстанция и президиум Челябинского областного суда согласились с выводами городского суда и оставили протест прокурора об отмене приговора без удовлетворения. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос об отмене оправдательного приговора Ашинского городского суда, определения кассационной инстанции и постановления президиума Челябинского областного суда в отношении Кокорева и о направлении дела на новое судебное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ протест удовлетворила по следующим основаниям. Суд правильно установил фактические обстоятельства по делу, однако, ошибочно истолковал диспозицию ч. 2 ст. 149 УК РСФСР. В ней говорится лишь о действиях, предусмотренных ч. 1 ст. 149 УК РСФСР, а не о последствиях этих действий, к которым относится причинение значительного ущерба. Следовательно, для привлечения к ответственности по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР не требуется наступления такого последствия, как причинение значительного ущерба, а значит, оправдание судом К. за отсутствием в его действиях состава преступления не основано на законе [16].

Дополнительным подтверждением правильности такого нашего толкования ч. 1 и 2 ст. 1911 УК РФ будет являться способ описания признаков квалифицированных составов данного преступления в ч. 3 рассматриваемой статьи УК РФ, в которой законодателем использован разделительный союз «или»: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, или организованной группой, или лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются...». То есть, при доказанности совершения преступления, предусмотренного, ст. 1911 УК РФ, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой установление совершения деяний, связанных с незаконным оборотом древесины, в крупном размере для наступления уголовной ответственности не требуется.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Заключение.

Таким образом, можно сформулировать следующие, имеющие, на наш взгляд, определенное практическое значение выводы, исходя из выше изложенного.

1. Термин «хранение» в ст. 1911 УК РФ означает нахождение незаконно заготовленной древесины у виновного в том месте, которое им определено для временного – до сбыта – пребывания древесины под его контролем.

2. Виновный в хранении должен предпринять меры для сокрытия и сбережения незаконно заготовленной древесины; у него должно возникнуть внутреннее убеждение в том, что он спрятал (обособил) поваленные деревья от третьих лиц и правоохранительных органов и в любой момент имеет возможность доступа к ним.

3. Незаконный оборот леса в форме хранения является длящимся преступлением. Оконченным оно будет в момент обнаружения правоохранителями древесины в необходимом размере либо явки виновного с повинной.

4. Под перевозкой незаконно заготовленной древесины понимается перемещение ее из одного места в другое, в том числе в пределах одного и того же населенного пункта, совершенное с использованием любого вида транспорта или какого-либо объекта, применяемого в качестве перевозочного средства. Однако не является перевозкой трелевка незаконно заготовленной древесины. Молевой сплав незаконной древесины также не образует состава преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ.

5. Под переработкой древесины понимается такая ее физическая или химическая трансформация, в результате которой получается новый товар, пригодный для сбыта. При наличии всех признаков соответствующих составов преступлений нам представляется возможной квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 1911 и 260 УК РФ.

6. При решении вопроса о виновности лица по ст. 1911 УК РФ суды должны учитывать и способ приобретения, и способ сбыта незаконно заготовленной древесины. Данные выводы могут позволить предупредить возможные проблемы в правоприменительной и судебной практике в связи с квалификацией приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. ГОСТ 23431–79 «Древесина. Строение и физико-механические свойства. Термины и определения», введенным в действие Постановлением Госстандарта СССР от 25.01.1979 № 222. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 10.11.2023).
2. Приказ Минприроды России от 13.09.2016 № 474 «Об утверждении Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, лесопарках, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.11.2023).
3. Приказ Рослесхоза от 05.10.2011 № 423 «Об утверждении типовой формы и состава лесного плана субъекта Российской Федерации, порядка его подготовки» // Российская газета (спецвыпуск). 2014. № 167/1.
4. Приказ Минприроды России от 27.02.2017 № 72 «Об утверждении состава лесохозяйственных регламентов, порядка их разработки, сроков их действия и порядка внесения в них изменений». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.11.2023).
5. Приказ Минприроды России от 16.01.2015 № 17 «Об утверждении формы лесной декларации, порядка ее заполнения и подачи, требований к формату лесной декларации в электронной форме». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 12.11.2023).
6. Петров С.А. Уголовно-правовая характеристика предмета преступления, предусмотренного ст. 1911 УК РФ / С.А. Петров // Законность. 2016. № 5. С. 41–44.
7. Узденова М.Н. Хранение, перевозка и переработка как формы незаконного оборота древесины (ст. 1911 УК РФ) / М.Н. Узденова // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 221–226.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография. М., 2015. Ч. 2. 640 с.
9. Зайнутдинов Р.С. Уголовно-правовые аспекты преступления в виде приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины / Р.С. Зайнутдинов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–4(61). С. 244–248.
10. Виногоров Г.К. Технология лесозаготовок. 2 изд. М. : Лесная пром-сть, 1969. 244 с. URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/111/956.htm> (дата обращения 10.11.2023).
11. Приказ Минтруда России от 02.11.2015 № 835н «Об утверждении Правил по охране труда в лесозаготовительном, деревообрабатывающем производствах и при проведении лесохозяйственных работ». URL : <http://www.pravo.gov.ru> от 12.02.2016 (дата обращения 03.11.2023).
12. Суханов В.С. Судьба развития глубокой переработки древесины в руках лесозаготовителей / В.С. Суханов // Лесной вестник. 2012. № 8. С. 51–55.
13. Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом : монография. М., 2004. 467 с.
14. Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства». URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382485> (дата обращения 11.11.2023).
15. Корнеева А.В. Из двух зол меньшее как принцип квалификации преступлений / А.В. Корнеева // Судья. 2016. № 4. С. 19–21.
16. Определение Верховного Суда РФ от 18.12.1996 по делу К. URL : <https://vsrf.ru/files/11800/> (дата обращения 10.11.2023).

References:

1. GOST 23431-79 «Wood. Structure and physico-mechanical properties. Terms and definitions», put into effect by the Resolution of the USSR State Standard № 222 dated 25.01.1979. URL : <http://www.consultant.ru> (date of the application 10.11.2023).
2. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 474 dated 13.09.2016 «On approval of the Rules for harvesting wood and the features of harvesting wood in forestry, forest parks specified in Article 23 of the Forest Code of the Russian Federation». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application 10.11.2023).
3. Order of the Federal Forestry Agency № 423 dated 05.10.2011 «On approval of the standard form and composition of the forest plan of the subject of the Russian Federation, the procedure for its preparation» // Rossiyskaya Gazeta (special issue). 2014. № 167/1.
4. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 72 dated 27.02.2017 «On approval of the composition of forestry regulations, the Procedure for their Development, their Validity periods and the procedure for making changes to them». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application 10.11.2023).
5. Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation № 17 dated 16.01.2015 «On approval of the form of the forest declaration, the procedure for its filling and submission, requirements for the format of the forest declaration in electronic form». URL : <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application 12.11.2023).
6. Petrov S.A. Criminal and legal characteristics of the subject of the crime under Article 1911 of the Criminal Code of the Russian Federation / S.A. Petrov // Legality. 2016. № 5. P. 41–44.
7. Uzdenova M.N. Storage, transportation and processing as a form of illegal timber trafficking (Article 1911 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Actual problems of Russian law. 2017. № 5. P. 221–226.
8. Lopashenko N.A. Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis : monograph. M., 2015. Part 2. 640 p.

9. Zaynutdinov R.S. Criminal-legal aspects of a crime in the form of acquisition, storage, transportation, processing for the purpose of sale or sale of knowingly illegally harvested wood / R.S. Zaynutdinov // Bulletin of Kemerovo State University. 2015. № 1–4(61). P. 244–248.
10. Vinogorov G.K. Logging technology. 2nd ed. M. : Lesnaya prom-st, 1969. 244 p. URL : <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/111/956.htm> (date of the application 10.11.2023).
11. Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation № 835n dated 02.11.2015 «On approval of Labor protection Rules in logging, woodworking industries and during forestry operations». URL : <http://www.pravo.gov.ru> dated 12.02.2016 (date of the application 03.11.2023).
12. Sukhanov V.S. The fate of the development of deep processing of wood in the hands of loggers / V.S. Sukhanov // Forest Bulletin. 2012. № 8. P. 51–55.
13. Avetisyan S.S. Complicity in crimes with special composition : monograph. M., 2004. 467 p.
14. Decree of the Government of the Russian Federation № 1730 dated 29.12.2018 «On approval of the specifics of compensation for damage caused to forests and natural objects located in them due to violations of forest legislation». URL : <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=382485> (date of the application 11.11.2023).
15. Korneeva A.V. Of two evils, the lesser as the principle of qualification of crimes / A.V. Korneeva // Judge. 2016. № 4. P. 19–21.
16. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.12.1996 in the case of K. URL : <https://vsrf.ru/files/11800> (date of the application 10.11.2023).

Информация об авторе

Пация Давид Важаевич
адвокат Адвокатской Палаты
Краснодарского края
david-23@mail.ru

David V. Patsia
Bar Association Lawyer
Krasnodar region
david-23@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.39.68.019>

УДК 340

Attribution

cc by

СОСТОЯНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА (НА ОСНОВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Тамазов Э.И.

Краснодарский университет МВД России

Аннотация. Цель: публикация посвящена изложению результатов социологического исследования состояния коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка.

Методы: методологическая основа исследования обусловлена темой публикации и направленностью исследования. В ходе исследования использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция), особое значение в исследовании уделено социологическим и статистическим методам познания проблем коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка.

Результаты исследования: полученные в результате исследования данные, подтверждают актуальность темы, распространённость коррупционных преступлений в сфере охраны общественного порядка, а также высокий уровень латентности данного вида преступлений.

Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы для дальнейшего исследования состояния коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка.

Ключевые слова: коррупция, преступность, социологическое исследование, криминология, исследование, охрана общественного порядка, сотрудник органа внутренних дел, полицейский.

THE STATUS OF CORRUPTION CRIME IN THE FIELD OF PUBLIC ORDER (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Eldar I. Tamazov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Purpose: the publication is devoted to presenting the results of a sociological study of the state of corruption crimes committed by employees of internal affairs bodies in the field of maintaining public order.

Methods: the methodological basis of the study is determined by the topic of publication and the focus of the study. During the study, general scientific methods were used (analysis, synthesis, induction, and deduction), with particular importance in the study given to sociological and statistical methods of understanding the problems of corruption crime in the field of public order.

Research results: the data obtained because of the study confirm the relevance of the topic, the prevalence of corruption crimes in the field of public order, as well as the high level of latency of this type of crime.

Conclusions and conclusions: the publication materials can be used for further research into the state of corruption crime in the field of public order.

Keywords: corruption, crime, sociological research, criminology, research, public order protection, internal affairs officer, policeman.

Введение.

Криминология как междисциплинарная наука использует различные приёмы и методы с целью изучения преступности в целом или отдельного вида преступности в частности. Совокупность приёмов и методов исследования преступности, фоновых явлений и процессов, которые обуславливают преступность, формируют методологию криминологии, однако, исследователи

отмечают, что вопросы методологии криминологических исследований рассматривались преимущественно в учебной литературе по криминологии в главах, посвящённых предмету и методу этой науки. Работ, специально посвящённых методам криминологических исследований, немного и все они касаются в основном тех методов, которые могут быть применены ко всем видам преступности [1].

Исходя из того, что преступность является социально-правовым явлением то криминологи, наряду с широким спектром общенаучных методов, используют социологические методы исследования. Социологические методы, наряду со статистическими методами исследования преступности, относятся к частным методам исследования.

Социологические методы исследования преступности разнообразны по своему содержанию, приёмам и формам проведения. Среди них при изучении преступности используются различные виды опросов лиц, совершивших преступления, их родных и близких, населения (анкетирование, беседа, интервью), экспертная оценка для выявления мнения судей, сотрудников прокуратуры и правоохранительных органов о состоянии и противодействии преступности, анализ документов (документов первичной и вторичной статистики, уголовных дел, учётно-профилактических дел, дел оперативного учёта и т.д.), наблюдение за преступной средой и деятельностью органов уголовной юстиции по противодействию преступности [2].

Социологические исследования преступности проводятся для получения достоверных данных о природе, характере и тенденциях преступности с целью выработки предложений по предупреждению преступности и минимизации иных негативных проявлений, которые ей присущи.

Обсуждение.

Отметим, что коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка, обладают своей спецификой. Такого рода специфика обусловлена взаимодействием ОВД с населением вне криминальных отношений, а также она не связана с оказанием государственных услуг, например паспортизация, получение водительского удостоверения, справки о наличии/отсутствии судимости и т.п.. Так как сфера охраны общественных отношений ОВД, в первую очередь, связана с выполнением служебных функций сотрудниками ОВД в непосредственном контакте с населением в общественных местах, в том числе на транспорте, местах с массовым пребыванием людей, при организации и проведении публичных и массовых мероприятий, а также по другим не менее важным направлениям. Обеспечивая охрану общественного порядка, сотрудники ОВД вступают в административно-правовые и административно-делiktные отношения с физическими лицами, а также с предприятиями, организациями и учреждениями различных форм собственности. В связи с чем, существенными являются коррупционные риски служебной деятельности должностных лиц ОВД, не только непосредственно выполняющих функции по охране общественного порядка, но и должностных лиц, осуществляющих организацию и обеспечение деятельности по охране общественного. Именно сфера охраны общественного порядка является

лакмусом эффективности деятельности ОВД и уровня их взаимоотношений с населением.

Результаты.

В ходе изучения коррупционной преступности сотрудников ОВД в сфере охраны общественного порядка нами был использован такой социологический метод, как анкетирование сотрудников ОВД, которые обеспечивают охрану общественного порядка, в ходе исследования было опрошено 1440 сотрудника ОВД, справочно отметим, что, по мнению более 83 % опрошенных, проблема коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка, является актуальной или крайне актуальной.

Проведению исследования предшествовало пилотное анкетирование, которое позволило сформировать анкету (опросный лист), в которую вошло 15 вопросов, каждый вопрос имеет от трех до двадцати двух вариантов ответа.

Вопросы анкеты можно разделить на группы:

- качественные характеристики коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка;
- латентность исследуемой преступности;
- причинно-факторный комплекс исследуемой преступности;
- предложения по оптимизации предупреждения преступности в сфере охраны общественного порядка, результаты анкетирования округлялись до десятых процента.

Некоторые из вопросов предоставляли возможность выбрать несколько вариантов ответов.

В ходе исследования установлено, что уровень коррупционных преступлений в сфере охраны общественного порядка не является высоким, по мнению 39,6 % респондентов коррумпированы некоторые подразделения и службы, задействованные в сфере охраны общественного порядка, также 37,5 % опрошенных полагают, что коррупционные преступления совершаются сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка совершаются редко, а 9 % вообще считают, что существуют лишь единичные случаи совершения коррупционных преступлений сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного.

Отметим, что исследователи коррупционной преступности в ОВД отмечают, что среди служб и подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации наибольшее количество сотрудников, совершивших преступления коррупционной направленности, приходится на службы безопасности дорожного движения (ДПС), уголовного розыска (УР), участковых уполномоченных полиции (УУП), патрульно-постовую службу полиции (ППСП). При этом

должностные лица подразделений ДПС ГИБДД МВД России доминируют и опережают другие службы по числу лиц, уличенных в фактах взяточничества, злоупотребления должностными полномочиями, служебного подлога [3].

Указанный тезис подтверждается результатами нашего опроса, так эксперты указали на то, что коррупционные преступления в сфере охраны общественного порядка преимущественно совершаются 99,9 % инспекторами ДПС ГИБДД; 60,3 % сотрудниками ППСП; 59,4 % – участковыми уполномоченными полиции; 50,5 % сотрудниками ИВС; 22,8 % инспекторами полиции по делам несовершеннолетних; 22,2 % – инспекторами отделов организации обеспечения общественного порядка при публичных, спортивных и иных массовых мероприятиях.

Должностные лица ОВД, которые обеспечивают организацию охраны общественного порядка (инспектора отделов организации обеспечения общественного порядка при публичных, спортивных и иных массовых мероприятиях; инспектора отделов, обеспечивающих деятельность по исполнению административного законодательства; инспектора отделов организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних; инспектора специализированных отделений (отделов) по обеспечению общественного порядка в перевозочном и технологическом секторах объектов транспортной инфраструктуры; инспектора отделов организации применения административного законодательства; инспектора отделов по взаимодействию с общественными организациями правоохранительной направленности; сотрудников отделов организации деятельности Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) совершают коррупционные преступления реже.

Из приведенного выше можно сделать вывод о том, что к подразделениям, обеспечивающим охрану общественного порядка, относятся внешние, так называемые, «контактные службы» ОВД, а именно – подразделения ДПС, УУП, ППСП.

Как нам представляется, именно эти службы занимают лидирующие позиции в сфере коррупционных преступлений обусловлено такими факторами, как:

- непосредственный контакт с населением;
- высокий правовой нигилизм и низкая правовая культура в указанных подразделениях.

Приведенный материал даёт нам основание полагать, что коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка являются достаточно распространёнными, о их совершении известно широкому кругу лиц, с проявлениями коррупционной преступности в исследуемой сфере стал-

кивается большая часть населения, особенно лица, управляющие транспортными средствами.

По мнению большинства опрошенных (48,8 %), коррупционные преступления, совершаемые сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка, является разновидностью криминальной практикой (видом преступной деятельности), а также отдельными проявлениями преступного (коррупционного) поведения (41,4 %), и всего лишь 9 % полагают, что данный вид противоправной деятельности является ключевой составляющей коррупционной преступности в ОВД.

Наиболее распространённые коррупционные преступления в сфере охраны общественного порядка, совершаемые сотрудниками ОВД, согласно опросу, являются:

– преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ (получение взятки) – 84,2 % опрошенных;

– преступление, предусмотренное ст. 2912 УК РФ (мелкое взяточничество) – 72,9 % опрошенных.

Приведенные показатели подтверждаются объективными данными официальной статистики ГИАЦ МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации [4], однако, анализ статистических показателей и результатов анкетирования свидетельствует, что в сфере охраны общественного порядка сотрудники ОВД совершают коррупционные преступления против собственности (мошенничества). Кроме того, структуру данного вида преступности составляют различного рода преступления в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности, против здоровья населения, экологические преступления, против правосудия, против порядка управления.

Несмотря на достаточную распространённость коррупционных преступлений сотрудников ОВД в сфере охраны общественного порядка, они обладают высокой степенью латентности; по мнению 57,3% опрошенных экспертов, она составляет от 60 до 80 % от общего количества выявленных преступлений. Это обусловлено, по нашему мнению, коррупционным инфицированием социума [5; 6, с. 408–414], также – терпимостью в обществе коррупционных проявлений [7], что подтверждается результатами анкетирования, так 70,5 % опрошенных эксперта отметили, что одним из основных факторов латентности коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка, является боязнь и нежелание граждан заявлять и участвовать в расследовании коррупционных преступлений, совершаемых представителями власти.

Определяя детерминационный комплекс коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка, большинство опрошенных экспертов

отметили, что коррупционные преступления в исследуемой сфере, чаще всего, совершаются из-за профессиональной деформации сотрудников, появления вер в собственное превосходство и вседозволенность – 61 %; низкого уровня финансового и материального обеспечения сотрудников ОВД – 50,4 %; отсутствия надлежащей системы социальных гарантий, льгот и обеспечения сотрудников (льготное кредитование жилья, обучения детей, пенсионное обеспечение и пр.) – 47,5 %; коррупционного инфицирования социума и коррупционной толерантности общества – 44,6 %.

Определяя перспективные направления предупреждения коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка с использованием социологического метода, мы установили, что основное направление деятельности по предупреждению данного вида коррупционной преступности должно быть направлено на создание надлежащей системы социальных гарантий, льгот и обеспечения сотрудников и их семей (льготное кредитование жилья, обучения детей, пенсионное обеспечение и пр.), а также, на повышение уровня финансового и материального обеспечения сотрудников – 65,8 % и 54,7 % анкетированных экспертов.

Отдельно следует отметить, что 50,2 % опрошенных указали на необходимость реализации

жёсткой государственной политики нетерпимости некриминальных форм «бытовой» коррупции.

Укажем, что в ходе исследования отдельно не проводилось анкетирование бывших сотрудников ОВД, которые совершили коррупционные преступления в сфере охраны общественного порядка, однако, они были проинтервьюированы, их результаты в целом совпадают с данными, полученными нами в ходе генерального анкетирования, сотрудников ОВД, обеспечивающих охрану общественного порядка.

Заключение.

Проведённое исследование является результатом последовательного изучения коррупционной преступности, совершаемой сотрудниками ОВД в сфере охраны общественного порядка. Полученные в результате исследования данные подтверждают теоретические предположения относительно количественно-качественных характеристик, уровня латентности, а также статистические показатели коррупционной преступности в исследуемой сфере.

Полученные результаты могут быть использованы для иллюстрации и социологического подкрепления результатов криминологического исследования проблем коррупционной преступности в сфере охраны общественного порядка.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шеслер А.В. Методы криминологического исследования групповой преступности / А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya-grupповоу-prestupnosti> (дата обращения 14.01.2024).
2. Прокументов Л.М. Методы криминологического исследования / Л.М. Прокументов, А.В. Шеслер // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 37. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения 14.01.2024).
3. Черепанов А.С. Криминологическая характеристика коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел / А.С. Черепанов // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8 № 5А URL : <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2018-5/10-cherapanov.pdf> (дата обращения 15.01.2024).
4. Сведения о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности Форма «Коррупция» (592), утверждена приказом Генерального прокурора РФ от 26.12.2013 № 553 (с изменениями) за 2013-2022 гг. // Статистические сведения ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL : <https://www.fedstat.ru>
5. Кашкаров А.А. Виктимная амбивалентность на примере взяточничества / А.А. Кашкаров // Виктимология. 2017. № 2(12). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnaya-ambivalentnost-na-primere-vzyatochnichestva> (дата обращения 16.01.2024).
6. Шуринов В.В. Криминологическая характеристика вовлечения в коррупционную деятельность в сфере закупок товаров и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд / В.В. Шуринов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8(74). № 3. С. 408–414.

7. Кашкаров А.А. Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... на соискание ученой степени доктора юридических наук. Краснодар, 2019. 423 с.

References:

1. Shesler A.V. Methods of criminological research of group crime / A.V. Shesler // Bulletin of Tomsk State University. 2019. № 446. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya-gruppovoy-prestupnosti> (date of the application 01/14/2024).
2. Prozumentov L.M. Methods of criminological research / L.M. Prozumentov, A.V. Shesler // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2020. № 37. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kriminologicheskogo-issledovaniya> (date of the application 01/14/2024).
3. Cherepanov A.S. Criminological characteristics of corruption crimes committed by employees of internal affairs bodies. Issues of Russian and international law. 2018. Vol. 8 № 5A. URL : <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2018-5/10-cherepanov.pdf> (date of the application 01/15/2024).
4. Information on the results of the work of law enforcement (enforcement) agencies in the fight against corruption-related crimes Form «Corruption» (592), approved by order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated December 26, 2013 № 553 (as amended) for 2013–2022 // Statistical information from the Center for Statistics of the Federal State Institution «GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://www.fedstat.ru>
5. Kashkarov A.A. Victim ambivalence using the example of bribery // Victimology. 2017. № 2(12). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnaya-ambivalentnost-na-primere-vzyatochnichestva> (date of the application 01/16/2024).
6. Shurinov V.V. Criminological characteristics of involvement in corruption activities in the field of procurement of goods and services to meet state or municipal needs / V.V. Shurinov // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal Sciences. 2022. Vol. 8(74). № 3. P. 408–414.
7. Kashkarov A.A. Official crime in public authorities and its prevention in the conditions of a change of state affiliation of a territory: specialty 12.00.08 «Criminal law and criminology; criminal-executive law»: dissertation for the degree of Doctor of Law. Krasnodar, 2019. 423 p.

Информация об авторе

Тамазов Эльдар Измаилович
соискатель
кафедры уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
milena.555@mail.ru

Eldar I. Tamazov
Applicant of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
milena.555@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.40.29.011>
УДК 340

Attribution
cc by

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПОТЕРПЕВШЕГО

Ткачева Ю.С.

Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия

Аннотация. В статье приведен анализ взаимосвязи насильственных действий и причинения вреда здоровью потерпевшего. Обоснованно, что насильственные действия имеют различные степени интенсивности, и не всегда сами по себе насильственные действия должны быть обязательно уголовно наказуемы, не говоря уже об угрозе причинения такого рода насилия. Если исключить эти две крайности по вопросу взаимосвязи насильственных действий со стороны преступника и причинения вреда здоровью потерпевшего, то получится приемлемый вариант «примирения» этих двух позиций, который, заключается в том, что к насилию следует относить все насильственные действия по совершению общественно опасного деяния с приложением значительных усилий негативно-агрессивного характера по отношению к физическому и психическому состоянию потерпевшего, безотносительно к тому, являются ли такие насильственные действия сами по себе уголовно наказуемыми или нет.

Цель: изучение и анализ существующих в теории уголовного права позиций по вопросу взаимосвязи насильственных действий и причинения вреда здоровью потерпевшего.

Методы: методологическую основу составляют общенаучные методы, в частности методы анализа и синтеза, а также частнонаучные методы исследования, среди которых: социологические, статистические, формально-юридические.

Результаты: изучение существующих в теории уголовного права позиций по вопросу взаимосвязи насильственных действий и причинения вреда здоровью потерпевшего имеет существенное значение при конструировании составов насильственных преступлений и их квалификации в следственно-судебной практике.

Выводы: Обоснованно, что под криминальным насилием следует понимать направленные на совершение общественно опасного деяния противоправные действия виновного, сопряженные с негативно-агрессивным воздействием на физическое и психическое состояние потерпевшего помимо его воли посредством значительных усилий с использованием физической (мускульной) силы или иным способом, и приводящим к уголовно наказуемым последствиям, по меньшей мере, к причинению физических или психических страданий, в результате чего нарушаются охраняемые уголовным законом права потерпевшего и иных лиц, общества, государства, организаций.

Ключевые слова: уголовное право, криминальное насилие, причинение вреда, насильственные действия.

ON THE ISSUE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN VIOLENT ACTS AND HARM TO THE HEALTH OF THE VICTIM

Julia S. Tkacheva

North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice

Abstract. The article provides an analysis of the relationship between violent acts and harm to the health of the victim. It is reasonable that violent actions have varying degrees of intensity, and violent actions themselves should not always be criminally punishable, not to mention the threat of causing this kind of violence. If we exclude these two extremes on the issue of the relationship between violent actions on the part of the offender and harm to the health of the victim, then an acceptable option for "reconciliation" of these two positions will turn out, which consists in the fact that violence should include all violent actions to commit a socially dangerous act with significant efforts of a negatively aggressive nature in relation to the physical and mental state of the victim, regardless of whether such violent acts themselves are criminally punishable or not.

Purpose: to study and analyze the positions existing in the theory of criminal law on the relationship between violent acts and harm to the health of the victim.

Methods: the methodological basis consists of general scientific methods, in particular methods of analysis and synthesis, as well as private scientific research methods, including: sociological, statistical, formal legal.

Results: the study of the positions existing in the theory of criminal law on the relationship between violent acts and harm to the health of the victim is essential in the construction of violent crimes and their qualification in investigative and judicial practice.

Conclusions: It is reasonable that criminal violence should be understood as illegal actions of the perpetrator aimed at committing a socially dangerous act, involving a negative and aggressive effect on the physical and mental state of the victim against his will through significant efforts using physical (muscular) force or otherwise, and leading to criminally punishable consequences, at least, to cause physical or mental suffering, as a result of which the rights of the victim and other persons and society protected by criminal law are violated, states, organizations.

Keywords: criminal law, criminal violence, harm, violent actions.

Введение. На сегодняшний день в теории уголовного права существуют две крайние позиции по вопросу о том, каким образом в уголовно-правовом смысле увязывать насильственные действия со стороны преступника и причинение вреда здоровью потерпевшего.

Первая крайняя позиция.

М.Д. Шаргородский насильствие в уголовно-правовом смысле трактует как «воздействие умышленного характера на телесную неприкосновенность потерпевшего, не повлекшее причинение вреда здоровью, но, вместе с тем, причинившее физическую боль. Если же физической боли не было, то даже при наличии психических страданий действия виновного нельзя называть насильственными» [1]. Данное суждение, конечно же, является спорным, и прежде всего вытекающий отсюда вывод о том, что психическое насильствие не является самостоятельным конститутивным признаком насильственного преступления. Другой принципиальный аспект заключается в том, что действия, повлекшие причинение вреда здоровью, не следует считать насильственными, так как они, по мысли этого автора, должны иметь самостоятельную квалификацию. На наш взгляд, такой подход весьма затруднил бы, в случае его реализации, правоприменительную практику, поскольку насильственные действия вообще выходили бы за пределы уголовно-правовых отношений, и, исходя из сложившейся практики, затруднительно называть (квалифицировать) умышленные действия, повлекшие причинение вреда здоровью потерпевшего при его «психических страданиях», насильственными (а какими тогда?). Кроме того, вопрос о том, была или не была «физическая боль», является настолько субъективным, что включать этот признак в обобщенное понятие насилия представляется нецелесообразным.

Рассмотренный подход к пониманию насилия М.Д. Шаргородского в значительной степени преувеличивается с точки зрения Н.А. Неклюдова. Это касается также точки зрения С.В. Познышева, который полагает, что «насилием является умышленное нанесение удара, побоев или применения силы в иной форме, причиняющие физическую боль, но степень причиняемой боли должна быть не выше, чем расстройство здоро-

вья потерпевшего и оно не должно сделать его больным или калекой» [2]. Здесь также возникает вопрос о том, что при таком подходе насильствие по сути выпадает из рамок уголовно-правовых отношений. С таким подходом мы не можем согласиться, поскольку получается в определенной степени абсурдная ситуация, когда очевидные насильственные действия (например, удар ножом) не должны квалифицироваться как насильственные.

Вторая крайняя позиция.

О.В. Старков отмечает, что «как для физического, так и для психического насилия обязательным признаком является ограничение свободы волеизъявления, во всяком случае, потерпевшего ... насильствие – это реальное или потенциальное причинение физического вреда, под которым понимается нарушение анатомофизиологической целостности человека» [3]. В этом плане аналогичной является позиция Л.Д. Гаухмана, который считает, что насильствие в уголовном праве есть только такое физическое насильствие и угроза применения такого, которое имеет последствием причинение вреда здоровью потерпевшего; если же угроза иного содержания, то есть если она не касается причинения вреда здоровью, то нет и посягательства на личность, то есть нет насилия. Обоснование такого подхода основывается на том, что в уголовном законе законодатель указывает именно на те виды насилия, которые указаны выше, и, следовательно, за пределами законом обозначенных насильственных действий о насилии в уголовно-правовом смысле говорить нельзя [4]. На наш взгляд, в позициях указанных авторов наблюдается вторая крайность, когда насильствие связывается только с причинением вреда здоровью, из чего следует, что если вред здоровью не причиняется, то нет и насилия (здесь же заметим, что и такой признак, как ограничение свободы волеизъявления потерпевшего, также не следует абсолютизировать, поскольку последствия насилия не всегда могут ограничивать свободу волеизъявления потерпевшего). С таким подходом, отражающим вторую крайность, также нельзя согласиться, поскольку, как мы отмечали, насильственные действия имеют различные степени интенсивности, и не всегда сами по себе насильственные действия должны быть обяза-

тельно уголовно наказуемы, не говоря уже об угрозе причинения такого рода насилия. Мы полагаем, что если исключить эти две крайности по вопросу взаимосвязи насильственных действий со стороны преступника и причинения вреда здоровью потерпевшего, то получится приемлемый вариант «примирения» этих двух позиций, который, с учетом наших предыдущих рассуждений, заключается в том, что к насилию следует относить все насильственные действия по совершению общественно опасного деяния с приложением *значительных усилий* негативно-агрессивного характера по отношению к физическому и психическому состоянию потерпевшего, безотносительно к тому, являются ли такие насильственные действия сами по себе уголовно наказуемыми или нет, – **важно, чтобы эти действия являлись составной частью объективной стороны преступления и последствия этих действий были уголовно наказуемыми.**

Результаты. Это означает, конечно, что предполагается весьма широкий круг уголовно наказуемых деяний, в объективной стороне которого имеют место насильственные действия. Кроме того, насилие предполагает отнюдь не только применение физической (мускульной) силы виновного для подавления воли потерпевшего, как нередко полагается в литературе, но также и организационные усилия, причем также значительные, для воздействия на физическое и психическое состояние потерпевшего иным образом, например, при отравлении, натравлении собаки, запирании в помещении или ином месте, откуда потерпевший не может выбраться самостоятельно, при толчке под поезд, с моста, обрыва и т.д., последствием чего может быть причинение вреда здоровью. Почему это важно – покажем на примере грабежа. Так, в основном составе этого общественно опасного деяния согласно ч. 1 ст. 161 УК РФ не предполагается вообще никакого насилия. Деяние, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, предполагает применение насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозу применения такого насилия (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Если насилие будет иметь интенсивность как опасное для жизни или здоровья потерпевшего, то такое деяние будет квалифицироваться как разбой (ч. 1 ст. 162 УК РФ). Нас интересует здесь интервал между ч. 1 ст. 161 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ с точки зрения учета законодателем применяемого насилия. Итак, речь идет о насилии, не опасном для жизни или здоровья потерпевшего. К такому виду насилия, как указывается в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, относятся «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)» [5]. Н.А. Лопашенко относит следующие разновидности неопасного насилия, встречающегося в правоприменительной практике: «удержание потерпевшего; ограничение его свободы другим

путем, например путем связывания, насильственного помещения в закрытое помещение и др.; сбивание потерпевшего с ног (в том числе и подножка); выкручивание и (или) заламывание потерпевшему рук; применение наручников; применение приемов какой-либо борьбы (каратэ, самбо и проч.); причинение потерпевшему физической боли (например, вырывание из ушей женщины сережек); нанесение потерпевшему отдельных ударов; нанесение ему побоев и др.» [6].

Как видно, это довольно разные действия, куда включаются и действия, имеющие самостоятельную квалификацию как общественно опасные действия (побои), и, таким образом, одним перечнем покрываются как общественно опасные насильственные действия, так и насильственные действия, не являющиеся таковыми. Это, во-первых. Во-вторых, не ясен критерий, определяющий вообще сам факт наличия или отсутствия факта применения неопасного насилия, в результате чего, как представляется, действиям преступников не всегда дается должная оценка с точки зрения определения меры наказания. Так, по одному из уголовных дел в приговоре указано, что «С. расстегнул застёжку на борсетке, достал из нее деньги и похитил их. Затем снял с руки Ж. часы и положил себе в карман. Ж. успел схватить оставшуюся в борсетке тысячерублевую купюру и зажал ее в руке. П., заметив это, разжал руку Ж. и похитил данную денежную купюру» [7]. Этот эпизод был по-разному оценен судами первой и второй инстанциями – в первом случае разжатие руки было расценено как применение насилия, а во втором – нет. Отмеченный выше автор (Н.А. Лопашенко), комментируя этот эпизод, пишет: «существовал физический контакт между виновным и потерпевшим. Его, однако, недостаточно для того, чтобы констатировать насилие ... насилие есть тогда, когда оно сопряжено с физической болью, умышленно причиняемой потерпевшему, или если применение физической силы повлекло существенные нарушения физической неприкосновенности потерпевшего (ограничение свободы, изменение положения тела – падение и проч.), или содержит в себе элементы и того и другого (нанесение ударов, побои и проч.)» [8]. Мы полагаем, что критерием, определяющим наличие или отсутствие неопасного насилия в случае применения виновным физической (мускульной) силы по отношению к потерпевшему, должна быть *значительность* прилагаемых виновным усилий. Ясно, что просто дотронуться до потерпевшего – это не значит, что к нему применено насилие, и даже «согласно сложившейся судебной практике не считается применением насилия в процессе совершения грабежа так называемый рывок – вырывание сумки или других предметов из рук потерпевшего» [9]. Но если для этого потребовались определенные усилия, и эти усилия значительны (не так-то просто как в описанном выше примере разжать руку одному взрослому человеку у другого, если последний не желает этого), то имеет место насилие, при

наличии, конечно, соответствующих последствий для здоровья потерпевшего. В противном случае получается, что *юридически* виновный, как в данном случае определено кассационной инстанцией, действовал так же, если бы он вообще не прикасался к потерпевшему. Но ведь это не так. Мы полагаем **неправильным уравнивать в уголовно-правовом смысле такого рода действия и поэтому необходим вот такой дополнительный юридический критерий – значительность прилагаемых усилий со стороны виновного по отношению к потерпевшему, если речь идет о применении физической (мускульной) силы, при котором имеют место последствия применения таких мускульных насильственных действий для физического состояния потерпевшего в виде по меньшей мере причинения физических или психических страданий в порядке ст. 117 УК РФ.** Если речь идет не о применении физической (мускульной) силы, а о насилии посредством иных способов (например, отравлением, когда физическая (мускульная) сила отсутствует, и др.), то критерием также должны быть последствия применения таких немускульных насильственных действий для физического и/или психического состояния потерпевшего в виде по меньшей мере причинения физических или психических страданий.

Вопрос о том, считать ли насилием действия, осуществляемые преступником непосредственно путем применения своей физической силы к потерпевшему, а посредством иных предметов, веществ и способов, больших разногласий не вызывает. Характерной является позиция Р.А. Базарова, который на этот вопрос отвечает положительно, отмечая, в частности, что «под насилием понимается умышленное причинение физической силы (своей мускульной силы либо с помощью оружия, иных предметов и веществ, посредством психически больных лиц, малолетних или животных) к другому человеку и направленное на нарушение физической неприкосновенности личности, на причинение вреда здоровью или жизни»[10]. Почти такая же позиция у Р.Д. Сабирова, который относит к насильственным действиям использование не только физической силы людей или животных, но и «технических средств, поражающих факторов и свойств предметов материального мира либо различных явлений природы»[11]. Мы полагаем, что этот вопрос очевиден.

В целом нельзя не видеть, что приведенные суждения о дефиниции насилия сводятся к умышленному применению физического воздействия к другому человеку против его воли, имеющему цель причинение вреда его здоровью или лишения жизни, то есть фактически общее понятие насилия сводится к понятию физического насилия, а психическое насилие – к угрозе применения физического насилия.

Выводы. Таким образом, можно констатировать, что понятие «насилие» является предме-

том исследования многих гуманитарных наук. В философии как науке общеметодологического характера, несмотря на многообразие подходов и неоконченность дискуссии, сложилось вполне доминирующее представление о насилии как категории, отражающей особенности развития человеческого сообщества, где имеет место «узурпация чужой воли», осознанное средство достижения цели, связанное с внешним ограничивающим воздействием одних людей в отношении других людей вопреки желанию последних. Данный тезис берется за основу в исследованиях насилия в уголовном праве, с учетом того, что понимание насилия в этой сфере, безусловно, находит отражение в соответствующих законах и приговорах судов за совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насильственными действиями преступников.

В сфере уголовно-правовых отношений категория «насилие» имеет следующие основные характеристики:

- насилие не обладает и не может обладать какими-либо социально-полезными свойствами (при этом мы полагаем, что при необходимой обороне, задержании преступника неправомерно соответствующие действия определять как насилие) – оно всегда несет в себе элемент преступления как социально-опасного явления;

- широкая трактовка насильственных преступлений, когда к таковым относятся вообще все преступления, поскольку они посягают на установленный в обществе порядок, представляется неудачной, соответственно к насильственным преступлениям следует относить только общественно опасные деяния, которые сопряжены с насильственными действиями в отношении потерпевших;

- насилие может выступать в двух значениях с точки зрения структурирования преступного деяния: во-первых, насилие является конститутивным признаком преступления, когда само насильственное действие является законченным преступным деянием (убийство, причинение вреда здоровью и др.); во-вторых, насилие представляется как квалифицирующий признак преступления (грабеж и др.). При этом сущность насилия не меняется, а указанные факторы имеют значение при конструировании составов насильственных преступлений и их квалификации в следственно-судебной практике;

- критерии отграничения насилия как способа совершения преступления от деяния как законченного преступления основываются на выяснении прежде всего объекта преступления и умысла в действиях виновного, и формируются установлением соответствующих правил квалификации общественно опасных деяний;

- насилие является неотъемлемой составной частью объективной стороны насильственного преступления;

– насильственные действия могут совершаться только в отношении живого человека и отражают два вида насилия – физическое насилие и психическое насилие, поэтому представляется перспективным исследование насилия в отношении предметов материального мира (имущественное насилие);

– насилие может осуществляться как непосредственно путем применения виновным своей физической (мускульной) силы к потерпевшему, так и иными способами с использованием различных предметов, веществ и т.д.;

– в доктринальном плане выделяются две крайние позиции по вопросу о том, каким образом в уголовно-правовом смысле увязывать насильственные действия со стороны преступника и причинение вреда здоровью потерпевшего:

1) действия, повлекшие причинение вреда здоровью, не следует считать насильственными, так как они должны иметь самостоятельную уголовно-правовую квалификацию;

2) насильственными действиями следует полагать только такие действия, которые причиняют вред здоровью потерпевшего. Обе крайности не отражают реальных особенностей насильственных преступлений и нуждаются в «примирении», которое заключается в том, что к насилию следует относить все насильственные действия по совершению общественно опасного деяния с применением значительных усилий негативно-агрессивного характера по отношению к физическому и психическому состоянию потерпевшего, безотносительно к тому, являются ли такие насильственные действия сами по себе уголовно наказуемыми или нет, – важно, чтобы эти действия являлись составной частью объективной стороны преступления и последствия для здоровья были уголовно наказуемыми.

– критерием, определяющим наличие или не-

наличие неопасного насилия в случае применения виновным физической (мускульной) силы по отношению к потерпевшему, должна быть *значительность* прилагаемых виновным усилий, при которых имеют место последствия применения таких мускульных насильственных действий для физического состояния потерпевшего в виде по меньшей мере причинения физических или психических страданий в порядке ст. 117 УК РФ; если речь идет не о применении физической (мускульной) силы, а о насилии посредством иных способов (например, отравлением, когда физическая (мускульная) сила отсутствует, и др.), то критерием должны быть последствия применения таких немускульных насильственных действий для физического и/или психического состояния потерпевшего в виде по меньшей мере причинения физических или психических страданий;

– насилие в любом случае усугубляет вину преступника и оно применяется виновным для облегчения в достижении цели преступления;

– сущность криминального насилия заключается в подавлении воли потерпевшего при совершении в отношении него преступления, сопряженного с насильственными действиями.

Определение криминального насилия предлагается в следующем виде: это направленные на совершение общественно опасного деяния противоправные действия виновного, сопряженные с негативно-агрессивным воздействием на физическое и психическое состояние потерпевшего помимо его воли посредством значительных усилий с использованием физической (мускульной) силы или иным способом, и приводящим к уголовно наказуемым последствиям, по меньшей мере, к причинению физических или психических страданий в порядке ст. 117 УК РФ, в результате чего нарушаются охраняемые уголовным законом права потерпевшего и иных лиц, общества, государства, организаций.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Шаргородский М.Д. Ответственность за преступления против личности. Л. : Издат. ЛГУ, 1953. С. 66.
2. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Особенная часть. М., 1923. С. 32.
3. Старков О.В. Бытовые насильственные преступления (причинность, групповая профилактика, наказание). Рязань, 1992. С. 4.
4. Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М. : Юридическая литература, 1969. С. 5; См. также: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М. : Юридическая литература, 1974.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Справочно-правовая система «Консультант +» (дата обращения 30.03.2017).
6. См. также подробнее: Ткаченко В.И. Насилие, не опасное для жизни и здоровья // Государство и право. 1992. № 12.
7. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 304.
8. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 04.09. 2009 г. № 22-8579/2009 // Сайт Свердловского областного суда (дата обращения 26. 02. 2017 г.).
9. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 304.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / Под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. Т. 1. С. 263.
11. Базаров Р.А. Уголовно-правовая характеристика насилия / Р.А. Базаров // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. Сборник научных трудов Академии МВД России. М., 1995. С. 42–43.
12. Сабиров Р.Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными преступлениями. М., 1998. С. 27.

References:

1. Shargorodsky M.D. Responsibility for crimes against the person. L. : Izdat. LSU, 1953. P. 66.
2. Poznyshev S.V. An outline of the basic principles of the science of criminal law. Special part. M., 1923. p. 32.
3. Starkov O.V. Domestic violent crimes (causality, group prevention, punishment). Ryazan, 1992. P. 4.
4. Gaukhman L.D. The fight against violent encroachments. M. : Legal literature, 1969. P. 5. See also: Gaukhman L.D. Violence as a means of committing a crime. M. : Legal literature, 1974.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/27/2002 № 29 (as amended on 05/24/2016) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // Legal reference system «Consultant +» (date of the application 30.03. 2017).
6. See also more details: Tkachenko V.I. Violence, not dangerous to life and health // State and law. 1992. № 12.
7. Lopashenko N.A. Encroachments on property. M. : Norm, Infra-M, 2012. P. 304.
8. The ruling of the judicial board for criminal cases of the Sverdlovsk Regional Court dated 04.09. 2009 № 22-8579/2009 // The website of the Sverdlovsk regional Court (date of the application 26.02.2017).
9. Lopashenko N.A. Encroachments on property. M. : Norm, Infra-M, 2012. P. 304.
10. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation : in 2 vol. / Edited by A.V. Brilliantova. M. : Prospect, 2015. Vol. 1. P. 263.
11. Bazarov R.A. Criminal and legal characteristics of violence / R.A. Bazarov // The problems of ensuring the personal safety of citizens. Collection of scientific papers of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 1995. P. 42–43.
12. Sabirov R.D. Criminal law fight against violent crimes. M., 1998. P. 27.

Информация об авторе

Ткачева Юлия Сергеевна
преподаватель кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал Российского
государственного университета правосудия
milena.555@mail.ru

Julia S. Tkacheva
Lecturer at the Department of Criminal Law,
North Caucasus branch
of the Russian State University of Justice
milena.555@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.75.60.012>

УДК 340

Attribution

cc by

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОБЕГОВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1945 ГОДУ (ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Упоров И.В.¹, Стронская А.Д.²

¹Краснодарский университет МВД России,

²Межрегиональный учебный центр по подготовке сотрудников отделов спецназначения
УФСИН России по Краснодарскому краю

Аннотация. В данной рассматривается малоизученный аспект деятельности исправительно-трудовых колоний Краснодарского края в переходный период от завершающих месяцев Великой Отечественной войны (январь – начало мая 1945 г.) к непосредственно послевоенному времени (начало мая – середина июня 1945 г.) по предупреждению побегов заключенных из мест лишения свободы, что и определяет актуальность данного исследования. Авторами анализируются документальные материалы Архива Управления ФСИН РФ по Краснодарскому краю (протокол совещания при начальнике ОИТК Управления НКВД Краснодарского края от 19 июня 1945 г.), научные труды по заявленной теме. Отмечается, что проблема побегов заключенных в исследуемый период времени была одна из самых актуальных в деятельности исправительно-трудовых учреждений, делаются соответствующие обобщения информации, содержащейся в архивных документах.

Ключевые слова: исправительно-трудовые колонии, побеги, Краснодарский край, режим, хозорганы, военизированная охрана, уголовно-исполнительное право

PRISONER ESCAPE PREVENTION FROM PRISONS IN 1945 (ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE KRASNODAR REGION)

Ivan V. Uporov¹, Anna D. Stronskaya²

¹Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

²Interregional Training Center for the Training of employees of Special Purpose Departments
of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Krasnodar Territory

Absrtact. A little-studied aspect of the activity of corrective labor colonies of the Krasnodar Territory during the transitional period from the final months of the Great Patriotic War (January – early May 1945) to the immediate post-war period (early May – mid-June 1945) to prevent prisoner escapes is considered. from places of detention. The documentary materials of the Archive of the Office of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Krasnodar Territory (minutes of the meeting at the head of the OITK of the NKVD Directorate of the Krasnodar Territory dated June 19, 1945), scientific papers on the stated topic are analyzed. It is noted that the problem of escapes of prisoners during the study period was one of the most relevant in the activities of correctional labor institutions, generalizations are made of the information contained in archival documents.

Keywords: corrective labor colonies, escapes, Krasnodar Territory, regime, economic agencies, paramilitary guards, penal enforcement law.

Введение. Одна из особенностей печально известного ГУЛАГа (1930–1956 гг.) заключается в том, что эта исправительно-трудовая (по современной терминологии – уголовно-исполнительная) система функционировала достаточно стабильно весь период, включая Великую Отечественную войну. О функционировании ГУЛАГа в военное время имеется ряд публикаций (в числе авторов А.Н. Голубева, В.Н. Земских, В.М. Исаков, И.В. Лямин, Е.С. Маменкова, А.В. Мороз, В.П. Очердько, Ю.А. Реент, А.Т. Ткачева, Л.Б. Смирнов, В.В. Шефер, А.А. Шувалов, О.Н. Яковлева и др.).

Так, А.Н. Голубевой отмечается, что заключенные, содержащиеся в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ) и исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК), «несмотря на тяжелейшие условия содержания и труда, как и большинство советских людей, приближали разгром Третьего рейха ... Около миллиона из них были мобилизованы в ряды РККА, многие были награждены орденами и медалями» [1, с. 26].

Вместе с тем, как полагает В.М. Исаков, «не все осужденные понимали важность своего труда для обороны страны и нужд фронта. Часть за-

ключенных уклонялась от работ с целью отправки на фронт, другие прибегали к актам членовредительства, но не могли отказаться от работы, так как согласно специальной инструкции от 1942 г. начальнику конвоя после двукратного предупреждения разрешалось применять оружие» [2, с. 41].

Эти два суждения, касающиеся периода Великой Отечественной войны, можно считать, на наш взгляд, экстраполяцией общих тенденций в поведении заключенных в местах лишения свободы, причем, как в военное, так и в мирное время, а именно – основная часть заключенных соблюдала установленные правила поведения, а меньшая часть были их нарушителями, и именно из их числа, прежде всего, наблюдались факты предательства заключенных, участвовавших в боевых действиях. По этому поводу Ю.А. Реент справедливо указывает на то, что «в годы войны, несмотря на крайне тяжелые социальные условия изоляции, заключенные лагерей и колоний, в своем подавляющем большинстве, проявили высокие патриотические качества» [3, с. 84], а в другой работе он подчеркивает, что «наиболее тяжелым оказался период с 1941 по 1943 год, но именно он показал жизнеспособность системы и ее эффективность в условиях чрезвычайной обстановки военного времени. Разумеется, это не оправдывает применение порой античеловеческих методов работы с заключенными» [4, с. 137].

Обсуждение. В этом контексте, значительно меньше внимания уделяется состоянию дел в уголовно-исполнительной системе СССР непосредственно в послевоенное время, и практически не рассматривается повседневная жизнь исправительно-трудовых колоний в переходный период, имея в виду окончание Великой Отечественной войны и первые месяцы послевоенного времени.

В данной связи, на примере исправительно-трудовых колоний Краснодарского края рассмотрим особенности функционирования ИТК в указанный период (заметим, что исправительно-трудовые лагеря здесь не рассматриваются, поскольку они не были характерны для Краснодарского края). В этих целях, проанализируем ряд архивных документов, находящихся в Архиве УФСИН РФ по Краснодарскому краю.

В данном контексте, представляют интерес материалы совещания начальников колоний, командиров дивизионов и начальников Отделений ОИТК (Отдела исправительно-трудовых колоний) УНКВД Краснодарского края, которое состоялось 19 июня 1945 г., где имеется информация о деятельности исправительно-трудовых колоний за несколько месяцев до окончания Великой Отечественной войны (январь – начало мая 1945 г.), и частично – после ее окончания (начало мая 1945 – середина июня 1945 г.) [5].

На данном совещании основное внимание было уделено вопросам предупреждения побегов за-

ключенных из ИТК; соответственно, этой теме в статье уделяется основное внимание.

Первым выступил начальник ОИТК «тов. Минаев» (в протоколах указываются только фамилии, а к выступающим добавляется приставка «тов.», то есть, «товарищ», как тогда на официальном уровне принято было обозначать как госслужащих, так и простых граждан) в своем вступительном слове определил свою исходную позицию, отметив, что ОИТК в условиях восстановления хозяйств на освобожденной территории достиг положительных результатов по выполнению производственной программы в целом и контрагентским работам, по снижению себестоимости промышленной продукции, перевыполнению плана по накоплениям и перечислениям средств в УИТК ГУЛАГа, добился перевыполнения плана по использованию труда заключенных на производстве. Но, «наряду с этим, имеется существенные недостатки» [5, л. 1]. И далее перечисляются эти недостатки, причем, очень кратко: не выполнен план по урожайности и допущен перерасход по себестоимости продукции. Было отмечено также «плохое состояние режима и охраны заключенных, результатом чего имеет место большое количество побегов, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия содержания заключенных» [5, л. 1]. При этом Минаев, по сути, дал оценку самому себе, причем, самокритическую: «В связи с отмеченными выше недостатками, работу ОИТК УНКВД Краснодарского края за 1944 г. признать не вполне удовлетворительным» [5, л. 1].

Наиболее важным вопросом для ИТК было обеспечение режима содержания заключенных, и именно с него началось обсуждение. Ситуацию по состоянию режима в ИТК обрисовал «тов. Егоров». Его должность не указана, но, судя по содержанию выступления, он являлся заместителем начальника ОИТК, как раз, по режимной работе. В частности, Егоров отметил, что в 1944 г. имели место 78 случаев грубого нарушения несения караульной службы; в результате, были совершены 21 побег особо опасных преступников; за период времени с января было 32 побега. Далее он указал, что после создания опервзвода были задержаны 8 особо опасных преступников, бежавших в 1944 г., а из бежавших заключенных в 1945 г. не задержано еще 17 человек. И далее Егоров подводил итог: «Если проанализировать работу по режиму и содержанию заключенных в 1944 г., то должен сказать, что многие начальники справились с этой трудной задачей на хорошо, так например: ИТК № 1,3,4,5,6,7 и Пер/пункт. Эти колонии не имели ни одного побега ... Из ГУЛАГа мы имели указания о немедленной перестройке работы по режиму и изоляции заключенных. В тех колониях, где нач. колонии и командный состав в/охраны проводят разъяснительную работу со стрелками и где правильно поставлен вопрос содержания и изоляции заключенных – там нет побегов» [5, л. 2].

В принятом в советской бюрократии обычае, в такого рода отчетах о своей деятельности после перечисления достижений некоторое внимание уделяется и недостаткам. В частности, Егоровым указывалось на то, что большинство побегов совершено из ИТК № 14; например, за 10 дней апреля 1945 г. бежали 6 государственных преступников, и такое положение «можно объяснить тем, что слабо руководит работой начальник ИТК. Сама зона была не дооборудована» [5, л. 3].

Выступления начальников и других сотрудников ИТК и ОИТК были построены по такой же примерно структуре. Сначала на «ковер» пригласили работников критикуемой ИТК-14. В оправдание указанных выше недочетов, связанных с большим количеством побегов заключенных, начальник ИТК-14 тов. Ильин заявил, что стрелки подразделения охраны имеют нарушения правил несения караульной службы, в том числе допускают сон на посту, бесцельную стрельбу во время своего дежурства, вследствие чего, был ранен заключенный, однако, «за нарушение устава стрелки не привлекаются к ответственности со стороны штаба ОИТК. Отсюда вывод, что порождало побег заключенных» [5, л. 3]. В свою очередь, ответственный за работу стрелков-охранников тов. Березовский, который, судя по выступлению, только-только был назначен на эту должность, сказал о том, что «в момент моего прибытия в ИТК-14» военизированная охрана состояла, в большинстве своем, из взятых в охрану местных жителей, которые оставались на оккупированной территории, и которые несли службу в охране «не хотели», и именно «из-за такой засоренности охраны не прекращаются побег». Было отмечено также, что «на всю охрану мы имеем 15 отличников политической и боевой подготовки, которые борются за выполнение производственного плана. Вахта в зоне не оборудована. На бойцов военизированной охраны взысканий не накладывается из-за отсутствия карцера» [5, л. 3–4].

Довольно жестко по поводу причин побегов заключенных из ИТК-14 выступил оперуполномоченный этой же колонии тов. Шульга, который заявил, что «в первую очередь, необходимо заменить политработника, который систематически занимается пьянкой». Далее, он отметил, что «побеги зависят от нашей плохой работы. Укомплектованности бригады нет, отсутствуют также попутные списки. Если списки в некоторых бригадах имеются, то они не согласованы с командиром дивизиона. Руководство оторвано от зоны, телефонной связи в колонии нет. Если укрепить все вышеперечисленные недочеты в работе, тогда только прекратятся побег» [5, л. 4].

Такая смелость в критике руководства ИТК-14, в которой оперуполномоченный Шульга сам же работал, может быть объяснена, очевидно, тем обстоятельством, что оперативные работники НКВД СССР, в каких бы подразделениях они

формально не числились, обладали повышенной автономности в своей деятельности; этих «особистов» побаивались другие сотрудники исправительно-трудовых учреждений (не забудем, что сам ГУЛАГ изначально в 1930 г. был создан при печально известном ОГПУ – преемнике ВЧК; соответственно, непосредственное руководство оперативной работой в местах лишения свободы возлагалось на Полномочные представительства ОГПУ [6, с. 7], то есть, де-факто, автономно от руководства исправительно-трудовых учреждений).

В других выступлениях тема предупреждения побегов заключенных была продолжена, но без детализации по другим учреждениям (кроме ИТК-14, где, как отмечалось, побегов было больше всего). Так, начальник ИТК-13 тов. Диденко отметил, что в возглавляемой им колонии за рассматриваемый период времени допущено три побега; основная их причина – недостаточная работа с охраной, которая в количестве 50 человек «состоит исключительно из рабочих-нефтяников». Среди охранников наблюдаются нарушения несения караульной службы, в частности, «конвоиры по 6–7 чел. заключенных выводят на базар за покупкой продуктов, откуда они могут совершаться побег» [5, л. 5].

Результаты. О каких-либо выводах, необходимости принятия конкретных мер ничего не говорилось. Во всяком случае, в протоколе рассматриваемого совещания они не указываются, то есть, в выступлениях, в основном, констатировалось существующее положение дел с охраной заключенных, и это было характерно для большинства выступавших руководителей ИТК. Так, начальник ИТК-11 тов. Левин отметил, что в его колонии охрана укомплектована частично хозорганами, на объектах которого работают заключенные, при этом командного состава в охране нет, обмундированием охрана не обеспечена. В колонии по бригадам была проведена пробная тревога, она показала, что «стрелки, взяв винтовки, прибежали на место, но при проверке оказалось, что в винтовках не было патронов. Это говорит за то, что охрана не готова к срочным оперативным выполнениям» [5, л. 5]. Помимо этого, были названы такие явления, как нарушение несения караульной службы, пьянки, воровство, сон на посту; при этом виновные к дисциплинарным взысканиям не подвергаются не всегда.

Командир дивизиона той же ИТК-11 тов. Середа посчитал, что основным недостатком в работе охраны – это полное отсутствие политико-воспитательной работы среди охраны.

По мнению начальника ИТК-3 тов. Возмилова, вопрос охраны и режима содержания заключенных заключается не только в охране заключенных, но и в том, что нужно проводить среди них воспитательную работу; стрелки не только должны охранять, но должны также изучать заключенных, так как «быт заключенных отражает»

ся на побегах»; и вот именно в результате «большой проведенной работы с личным составом охраны колония не имела ни одного побега» [5, л. 6].

Начальник ИТК-2 тов. Капустин дал такую формулировку: «Задача каждого начальника, командира взвода и оперуполномоченного сводится к тому, чтобы не допустить побегов» [5, л. 6]. В этой связи, он привел такие сведения: 12 апреля 1945 г. в колонии было чрезвычайное происшествие: бежало два заключенных по ст. 58, они убили стрелка, забрали его оружие, но этот побег был пресечен. И далее: «Это говорит за то, что охранники ведут с заключенными панибратские отношения. Охраны всего 24 человека, из-за недостатка охраны не имеем возможности давать ей полный отдых ... Имеется командир дивизиона по политчасти, но работы абсолютно не ведет» [5, л. 6]. В завершении он сказал, что до тех пор, пока не будет устроен нормальный быт охраны и проведение культурного отдыха, трудно добиваться полного решения поставленных задач.

Довольно интересное суждение привел в своем выступлении начальник контрагентского отделения ОИТК тов. Оссовский, по мнению которого, основной причиной побегов заключенных из колоний являлись:

- первое – «неизучение контингента содержащихся в колониях»;
- второе – «оторванность руководства» учреждения от реальной ситуации в колонии;
- третье – неукомплектованность охранных подразделений;
- четвертое – отсутствие у конвоя «попутных списков», то есть, подробных сведений о конвоируемых заключенных, оснований к конвоированию;
- пятое – отсутствие «практики самоохраны» в контрагентских колониях (тех колониях, которые ежедневно выводили заключенных на объекты их трудоустройства, как правило, гражданских хозяйствующих субъектов, и чаще всего, в тот период это было связано со строительными работами).

В этом же выступлении была затронута еще одна характерная проблема, связанная с взаимодействием, с одной стороны, исправительно-трудовых колоний, и, с другой стороны, хозорганами, с которыми колонии заключали соглашения о направлении заключенных в качестве рабочей силы на объекты хозорганов. В течение рабочего дня заключенные находились на территории объекта, то есть, вне колонии. И в этом случае возникал вопрос о том: На кого возлагать ответственность за охрану заключенных на объекте? Дело в том, что хозорганы были заинтере-

сованы в производственных задачах, и обеспечение режима для заключенных их мало интересовало. ИТК же не имело достаточных ресурсов, чтобы на объектах, как правило, временных, разворачивать всю охранную систему такую же, как внутри ИТК. Отсюда возникали противоречия между ИТК и хозорганами (в дальнейшем, они так не были полностью устранены вплоть до конца существования СССР).

В этом контексте, упомянутый тов. Оссовский говорил о том, что «все оборудование охраны должно идти не за счет хозорганов ... В мае мес. по вине охраны имели 63 простоя, вызванные тем, что сняты были отряды и посланы в розыск бежавших заключенных» [5, л. 7]. Он заявлял также, что «охрана обязана следить за выполнением заключенными норм выработки». Однако на этот счет были и другие мнения; в частности, командование дивизионов, отвечавших за охрану, в некоторых случаях прямо давали указания о том, что «охрана не должна отвечать за норму выработки», а должна отвечать за то, чтобы не было побегов заключенных – на этот счет высказывался начальник ИТК-10 тов. Козиненко [5, л. 5].

Заключение. В результате проведенного совещания были определены мероприятия, которые должны были «изжить вышеизложенные недостатки», в том числе:

- начальникам колоний взять под повседневный контроль организацию питания военизированной охраны, выдавая полностью причитающиеся продукты, а также уделить серьезное внимание подготовке помещений военизированной охраны к зимнему периоду;
- командно-политическому составу военизированной охраны усилить проведение среди личного состава ВОХР политико-массовой и воспитательной работы, направленной на качественное несение конвойно-караульной службы и поднятие воинской дисциплины;
- офицерскому составу штаба военизированной охраны работу подразделений охраны взять под повседневный контроль путем выезда в колонии, оказывая на местах практическую помощь;
- в ИТК-10, 11,12 организовать штрафные участки для содержания заключенных, склонных к побегу и нарушающих систематический лагерный режим [5, л. 11].

Такого рода обязывающие мероприятия фигурировали при проведении других подобного рода совещаниях. Однако как указывается в литературе, условия содержания осужденных в местах лишения свободы «в военный период были крайне тяжёлые, поэтому многие социально-бытовые проблемы так и не получили решения» [7, с. 49], а в учреждениях «имели место стихий-

ные массовые драки, вызванные дерзким поведением «блатных» уголовников», а в некоторых лагерях происходили массовые беспорядки заключенных, для пресечения которых приходилось применять оружие [8, с. 367]. Ситуация, в

данном контексте, стала заметно улучшаться лишь после смерти Сталина в 1953 г., когда социальные отношения в послевоенном СССР получили определенную стабилизацию на основе известной «хрущевской оттепели».

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Голубева А.Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в достижение победы над гитлеровской Германией (1941–1945) / А.Н. Голубева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12. С. 24–27.
2. Исаков В.М. Вклад ГУЛАГА НКВД СССР в дело победы в Великой Отечественной войне / В.М. Исаков // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 35–41.
3. Реент Ю.А. Особенности функционирования уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны / Ю.А. Реент // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3. С. 76–85.
4. Реент Ю.А. Проблемы обеспечения режима и трудовой деятельности подразделений ГУЛАГа в условиях военного времени (1941–1943 гг.) / Ю.А. Реент // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 132–137.
5. Архив УФСИН РФ по Краснодарскому краю. 1945 год. Оп. 14. Протоколы совещаний начальников ИТК, командиров дивизионов и начальников отделений ОИТК при начальнике ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю за 1945 г. Протокол от 19.06.1945 г. Л. 1–11.
6. Гнедов Е.В. История становления оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы / Е.В. Гнедов, А.В. Жданов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 5. С. 5–8.
7. Красноженова Е.Е. Исправительно-трудовые лагеря НКВД Сталинградской области в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Е.Е. Красноженова, С.В. Кулик // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4(57). С. 47–51.
8. Перлик М.И. Протестные выступления заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного ГУЛАГа (1945–1956 гг.): причины и основные направления деятельности правоохранительных органов по их нейтрализации / М.И. Перлик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 365–369.

References:

1. Golubeva A.N. The contribution of GULAG prisoners to achieving victory over Nazi Germany (1941–1945) / A.N. Golubeva // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2022. № 12. P. 24–27.
2. Isakov V.M. Contribution of the GULAG of the NKVD of the USSR to the victory in the Great Patriotic War / V.M. Isakov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. P. 35–41.
3. Reent Yu.A. Features of the functioning of the penal enforcement system during the Great Patriotic War / Yu.A. Reent // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. №. P. 76–85.
4. Reent Yu.A. Problems of ensuring the regime and labor activity of GULAG units in wartime conditions (1941–1943) / Yu.A. Reent // Criminal and executive law. 2015. № 3. P. 132–137.
5. Archive of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Krasnodar Territory. The year is 1945. op. 14. Minutes of meetings of the heads of the ITK, division commanders and heads of departments of the ITK under the head of the ITK of the NKVD in the Krasnodarsk Territory for 1945. Protocol dated 06/19/1945. L. 1–11.
6. Gnedov E.V. The history of the formation of operational divisions of the penal system / E.V. Gnedov, A.V. Zhdanov // Bulletin of the penal enforcement system. 2015. № 5. P. 5–8.
7. Krasnozhenova E.E. Correctional labor camps of the NKVD of the Stalingrad region during the Great Patriotic War (1941–1945) / E.E. Krasnozhenova, S.V. Kulik // The Caspian region: politics, economics, culture. 2018. № 4(57). P. 47–51.
8. Perlik M.I. Protest performances of prisoners in correctional labor camps of the post-war GULAG (1945–1956): the causes and main directions of law enforcement agencies' activities to neutralize them / M.I. Perlik // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 6-1. P. 365–369.

Информация об авторах

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
конституционного и административного права,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

Ivan V. Uporov

Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
uporov@list.ru

Стронская Анна Дмитриевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Межрегиональный учебный центр по подготовке
сотрудников отделов спецназначения УФСИН России
по Краснодарскому краю
porov@list.ru

Anna D. Stronskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Interregional Training Center for the Training
of employees of Special Purpose Departments
of the Federal Penitentiary Service of Russia
in the Krasnodar Territory
porov@list.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.45.87.003>
УДК 340(091)(07)

Attribution
cc by

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПАУЛЯ ФЕЙЕРБАХА: В КОНТЕКСТЕ ОТДЕЛЬНЫХ ФРАГМЕНТОВ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Чимаров С.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России

Аннотация. Цель: публикация посвящена научному анализу основных вех жизненного пути выдающегося правоведа и специалиста в областях уголовного и судебного права, философа и одного из основоположников криминальной психологии, немецкого ученого Пауля Фейербаха. Апеллируя к приему составления исторического портрета личности указанного юриста и мыслителя, автор выделяет наиболее значимые моменты творческой деятельности Пауля Фейербаха, свидетельствующие о гармонии сочетания им теоретических выводов с практикой их апробирования на ниве реальной действительности. Автором сформулированы выводы, подчеркивающие актуальность переосмысления персонального вклада указанного ученого в эволюцию правовой мысли, а также отмечено обстоятельство, свидетельствующее об авторитете данного специалиста в юридических кругах Российской империи. Кроме того, в статье представлено авторское понимание определений «исторический портрет личности» и «историко-правовой портрет личности». Методы: целеполагание выбора методологической основы исследования обусловлено необходимостью диалектического подхода к современному восприятию персонального вклада конкретного исторического персонажа в развитие учения о праве и роли закона в жизни государства. В ходе исследования применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция и дедукция) и специально-научные (исторический, эвристический, аксиологический) методы познания, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: в публикации нашли отражение отдельные выводы зарубежной научной мысли относительно творчества Пауля Фейербаха и введено в научный оборот описание отдельных сторон жизни немецкого ученого, малоизвестных для отечественных специалистов в области истории государства и права. Выводы и заключения: материалы публикации могут быть использованы в процессе самообразования начальствующих лиц органов внутренних дел, для более углубленного изучения преподавательским составом и научными сотрудниками образовательных организаций системы МВД России, и всех тех, кто интересуется предметным полем истории государства и права.

Ключевые слова: история государства и права, исторический портрет, историко-правовой портрет, личность, уголовное право, правосудие, философия права, законодательство.

HISTORICAL PORTRAIT OF PAUL FEUERBACH: IN THE CONTEXT OF INDIVIDUAL FRAGMENTS OF THE HISTORY OF THE STATE AND LAW

Sergey Yu. Chimarov

St. Petersburg university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. Purpose: the publication is devoted to a scientific analysis of the main milestones in the life of the outstanding lawyer and specialist in the fields of criminal and judicial law, philosopher and one of the founders of criminal psychology, German scientist Paul Feuerbach. Appealing to the method of drawing up a historical portrait of the personality of the indicated lawyer and thinker, the author highlights the most significant moments of Paul Feuerbach's creative activity, indicating the harmony of his combination of theoretical conclusions with the practice of testing them in the field of reality. The author has formulated conclusions that emphasize the relevance of rethinking the personal contribution of this scientist to the evolution of legal thought, and also noted a circumstance indicating the authority of this specialist in the legal circles of the Russian Empire. In addition, the article presents the author's understanding of the definitions of «historical portrait of a person» and «historical and legal portrait of a person». Methods: the goal-setting of the choice of the methodological basis of the study is due to the need for a dialectical approach to the modern perception of the personal contri-

tribution of a specific historical character to the development of the doctrine of law and the role of law in the life of the state. During the study, general scientific (analysis, synthesis, induction and deduction) and special scientific (historical, heuristic, axiological) methods of cognition, as well as the method of content analysis, were used. Results of the study: the publication reflected certain conclusions of foreign scientific thought regarding the work of Paul Feuerbach and introduced into scientific circulation a description of certain aspects of the life of the German scientist, little known to domestic specialists in the field of history of state and law. Conclusions and conclusions: the publication materials can be used in the process of self-education of senior officials of internal affairs bodies, for a more in-depth study by teaching staff and researchers of educational organizations of the Russian Ministry of Internal Affairs system, and all those who are interested in the subject field of the history of state and law.

Keywords: history of state and law, historical portrait, historical and legal portrait, personality, criminal law, justice, philosophy of law, legislation.

Введение. Обращение в различные исторические периоды времени к выявлению отдельных сторон историко-правовых и государственно-правовых аспектов участия наиболее значимых личностей в становлении и развитии правовой мысли занимает ведущее место в правовой науке. При этом фактор непосредственного участия определенной личности в юридических делах на практике, в процессе которой раскрывается научный и профессиональный потенциал конкретного ученого, являющегося, к тому же, специалистом-профессионалом, предопределяет целесообразность более обстоятельного рассмотрения личности человека, биография которого является предметом научного анализа. Указанное в полной мере относится и к личности Пауля Фейербаха, признанного в качестве ученого-правоведа и практикующего юриста как в России, так и за рубежом. Комплексный характер привлечения в ходе исследования личности данного ученого и специалиста, ряда малоизученных российскими учеными зарубежных источников, свидетельствует об актуальности и новизне выполненной работы.

Обсуждение. Применительно к обширным областям правового учения и практической юриспруденции, немецкий ученый и философ Пауль Иоганн Ансельм Риттер фон Фейербах (1775–1833), являющийся отцом выдающегося философа Людвига Андреаса фон Фейербаха (1804–1872), несомненно, заслуживает своего возведения в разряд знаковых фигур и вполне достоин специального исследования в формате составления исторического портрета его личности. По нашему мнению, исторический портрет личности – это характеристика личности, способствующая современному пониманию ее деятельности в историческом контексте и основанная на анализе ее персонального вклада в решение наиболее значимых задач разного плана, наступление определенного события прошедшего времени, его развитие и последствия.

Указанный анализ тождественен процессу составления исторического портрета, основанного на объективном учете условий, при которых исследуемая личность совершила конкретное действие или приняла соответствующее решение. Общему понятию «исторический портрет личности» корреспондирует частное понятие «историко-правовой портрет личности», сводимое к ха-

рактеристике личности, позволяющей выявить исторические аспекты ее конкретного вклада в развитие правового учения и правовой практики. В указанном случае, обоснование факта апеллирования к понятию «историко-правовой портрет» может быть подкреплено употреблением в исторической науке понятий «историко-социальный портрет» представителя определенного слоя общества [1], «культурологический портрет» человека (основанный на историко-культурных предпосылках формирования его личности [2, с. 25–30]). Наряду с отмеченным, проводятся научные исследования исторического портрета личности в рамках ее «юридической биографии», что характерно для зарубежной научной традиции [3] и др.

Акцентируя внимание на личности П. Фейербаха, следует указать на то обстоятельство, что его детство прошло в г. Франкфурт-на-Майне в семье адвоката. В 1792 г. П. Фейербах поступил в Йенский университет, в котором его учителями были немецкий философ (ученик И. Канта) Карл Леонард Рейнгольд (1758–1823), а также немецкий юрист и теоретик законодательства Готтлиб Хуфеланд (1760–1817).

Последующие вехи в сфере научного и профессионального роста имеют следующий абрис: получение в университете г. Йены степеней доктора философии (1795), доктора права (1799) и начало в этом же учебном заведении академической карьеры профессора уголовного и гражданского права; публикация «Учебника по общему смущающему праву, применимому в Германии» (1801, г. Киль); продолжение педагогической деятельности в качестве профессора (первого профессора-«иностранца» и протестанта) Баварского университета (1803, университет Людвиг-Максимилиана в г. Ландсхут).

Наибольшую известность П. Фейербах получает в 1798 г. благодаря своим публичным критическим оценкам теории английского философа Томаса Гоббса (1588–1679) о гражданской власти и лекциям по уголовному правоведению, на которых он представил контуры авторской теории об отправлении правосудия строгими рамками уголовного кодекса. Одним из центральных положений данной теории профессора права явилась разработанная им максима: «*nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali*»

(лат. «нет преступления, нет наказания без предыдущего уголовного закона», т.е. «не существует преступления и, следовательно, не должно быть наказания, если в то время не существовало уголовного закона») [4, р. 245–246].

В итоге, предложенные П. Фейербахом новые доктринальные идеи положили начало формированию партии ригористов (от лат. «*rigor*» — «твердость, строгость»).

Особого внимания заслуживает вклад П. Фейербаха в решение вопроса об отмене с 1806 г. пыток в Баварии на этапе досудебного расследования, что заложило основы принятия системы публичных процедур.

Центральное место в творчестве П. Фейербаха занимает разработка им Уголовного кодекса Баварии (1813), ставшего образцом для Саксонии, Вюртемберга, Ганновера, Брауншвейга и ряда других стран [5].

В дальнейшем, П. Фейербах начал работу над подготовкой Гражданского кодекса Баварии, основанного на Кодексе Наполеона (фр. «*Code Civil des Français*», 1804). Однако подготовленный немецким юристом проект оказался невосстановленным, а за основу Гражданского кодекса Баварии был принят Гражданский кодекс Максимилиана Баварского (англ. «*Codex Maximilianus Bavaricus Civilis*», 1756). Следует заметить, что данный Кодекс был подготовлен баварским канцлером Вигулаусом фон Крейтмайром (1705–1790) и получил название в честь курфюрста Баварии Максимилиана III Иосифа (1727–1777).

Личность П. Фейербаха как правоведа и специалиста в области уголовного права получила достойное признание в Российской империи, что подтверждается фактами его членства в составе Российской императорской комиссии о составлении законов и перевода на русский язык подготовленного им полного курса уголовного права в трех книгах:

1. Философская или всеобщая часть уголовного права [6];
2. Положительная или особенная часть уголовного права [7];
3. Делопроизводство уголовного права [8].

Значительное место в отмеченном курсе отведено вопросам криминальной психологии.

На основе изучения юридических институтов Франции и Бельгии, ученый опубликовал трактаты: «Соображения относительно общественности и зрелости отправления правосудия» [9] и «О судебной конституции и судебной процедуре Франции». В отмеченных трудах ученый призвал к гласности во всех судебных разбирательствах. Вторая из указанных работ послужила основой при разработке российскими юристами

лекций по ряду аспектов в области зарубежного уголовного судопроизводства [10].

Практическая деятельность П. Фейербаха сопряжена с его работой в качестве второго председателя апелляционного суда г. Бамберг и первого председателя апелляционного суда г. Ансбах.

В последние годы своей жизни он глубоко заинтересовался судьбой Каспара Хаузера (ок. 1812–1833), вошедшего в историю как «Дитя Европы» и ставшего по мнению П. Фейербаха жертвой династического преступления [11]. Свое отношение к личности юноши-«найденца» П. Фейербах изложил в работе «Каспар Хаузер. Пример преступления против психической жизни человека» (1832) [12].

Резюмируя изложенное, следует указать на то, что жизненный путь П. Фейербаха был завершён 29 мая 1833 г. во время его поездки на родину во Франкфурт-на-Майне. По существующей версии он был отравлен по причине того, что, защищая интересы Каспара Хаузера, затронул интересы некоторых династических особ. Впрочем, данная версия окончательного подтверждения не нашла, а ее детальное рассмотрение составляет отдельную историю.

Заключение. Проведенное исследование творческой деятельности и отдельных биографических моментов жизни немецкого правоведа П. Фейербаха позволяет заключить следующее:

1. Фактор обращения к составлению исторического портрета личности, вообще, и историко-правовых деталей ее вклада в цивилизационный уклад общества, в частности, составляет важное направление научной работы, предопределяющее конкретизацию персональных достижений определенного человека, имя которого неотделимо от самого хода истории.

2. Новое осмысление жизненного пути личности Пауля Фейербаха позволяет современному поколению исследователей отдельных аспектов истории государства и права выявить новые моменты историко-правового и теоретического наследия выдающегося представителя научной мысли, направленной:

– во-первых, на формирование криминальной психологии;

– во-вторых, на совершенствование законоположений и общих представлений, в части справедливости уголовного наказания за совершенные гражданами отступления от действующих в государстве нормативных установлений уголовного законодательства.

При этом, предложенная П. Фейербахом формула: «Нет наказания без закона», занимает центральное место в системе современного фундаментального судебного права.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан	None declared
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Белоусов С.В. Историко-социальный портрет офицеров и нижних чинов русской армии – участников Бородинского сражения / С.В. Белоусов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. № 4(56). С. 101–104.
2. Борисов С.В. Культурологический портрет современного человека: внутренний порядок во внешнем хаосе / С.В. Борисов // Вестник института культуры детства. Выпуск 21. Челябинск : ЧГИК, 2021. 264 с.
3. Barnes V. On Legal Biography / V. Barnes, C. MacMillan, S. Vogenauer // The Journal of Legal History. – 2020. Published online: 02 Jul. P. 1–7. URL : https://www.researchgate.net/publication/342653152_on_legal_Biography (date of the application 10.01.2024).
4. The Nuttali Encyclopedia Being a Concise and Comprehensive Dictionary of General Knowledge / Edited by the R.J. Wood. London and New-York : Frederick Warne and Co, 1900. 700 p.
5. Von Feuerbach, el autor de la fórmula «nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali» // Официальный сайт «lpderecho.pe». 22 Marzo 2018. URL : <https://lpderecho.pe/paul-johann-anselm-von-feuerbach-autor-la-maxima-nullum-crimen-nulla-poena-sine-praevia-lege-poenali> (date of the application 03.01.2024).
6. Уголовное право // Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. Кн. 1: Философская или всеобщая часть уголовного права. СПб. : Медицинская типография, 1810. 144 с.
7. Уголовное право // Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. Кн. 2: Содержащая положительную или особенную часть уголовного права: с приложением российских уголовных законов, к каждому преступлению порознь относящихся. СПб. : Типография Государственной коммерц-коллегии, 1811. 329 с.
8. Уголовное право // Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. Кн. 3: Содержащая делопроизводство уголовного права, то есть: исследования и суды. СПб. : Типография Императорского Воспитательного Дома, 1827. 118 с.
9. Feuerbach A.R. Betrachtungen über Öffentlichkeit und Mündigkeit der Gerechtigkeitspflege. Giessen : G.F. Heyer, 1821. 400 p.
10. Feuerbach A.R. Über die Gerichtsverfassung und das gerichtliche Verfahren Frankreichs; Чебышев-Дмитриев А. Начало Французского уголовного судоустройства // Юридический вестник. 1863. Вып. 31(1). P. 67–98.
11. Seul J. Der Kriminalpsychologe, der den «Fall Kaspar Hauser» nicht überlebte // Официальный сайт «Legal Tribune Online». URL : <https://www.lto.de/recht/feuilleton/f/zum-todestag-von-johann-paul-anselm-ritter-von-feuerbach-kriminalpsychologie-straftat-kaspar-hauser> (date of the application 12.01.2024).
12. Feuerbach P. Kaspar Hauser. Beispiel eines Verbrechens am Seelenleben des Menschen. Ansbach : T.M. Dollfuss, 1832. 170 p.

References:

1. Belousov S.V. Historical and social portrait of officers and lower ranks of the Russian army – participants of the Battle of Borodino // News of higher educational institutions. Volga Region. № 4(56). P. 101–104.
2. Borisov S.V. Cultural portrait of a modern man: internal order in external chaos // Bulletin of the Institute of Childhood Culture. Chelyabinsk: CHGIK, 2021. Iss. 21. 264 p.
3. Barnes V. On Legal Biography / V. Barnes, C. MacMillan, S. Vogenauer // The Journal of Legal History. – 2020. Published online: 02 Jul. P. 1–7. URL : https://www.researchgate.net/publication/342653152_on_legal_Biography (date of the application 10.01.2024).
4. The Nuttali Encyclopedia Being a Concise and Comprehensive Dictionary of General Knowledge / Edited by the R.J. Wood. London and New-York : Frederick Warne and Co, 1900. 700 p.
5. Von Feuerbach, el autor de la fórmula «nullum crimen, nulla poena sine praevia lege poenali» // Официальный сайт «lpderecho.pe». 22 Marzo 2018. URL : <https://lpderecho.pe/paul-johann-anselm-von-feuerbach-autor-la-maxima-nullum-crimen-nulla-poena-sine-praevia-lege-poenali> (date of the application 03.01.2024).
6. Criminal law // The work of Dr. Pavel Anzelm Feuerbach. Book 1: The philosophical or universal part of criminal law. St. Petersburg: Medical Printing House, 1810. 144 p.
7. Criminal law // The work of Dr. Pavel Anzelm Feuerbach. Book 2: Containing a positive or special part of criminal law: with the application of Russian criminal laws, separately related to each crime. SPb. : Printing House of the State Commercial Board, 1811. 329 p.
8. Criminal law // The work of Dr. Pavel Anzelm Feuerbach. Book 3: Containing the records of criminal law, that is: research and courts. SPb. : Printing House of the Imperial Educational Home, 1827. 118 p.

9. Feuerbach A.R. Betrachtungen über Öffentlichkeit und Mündigkeit der Gerechtigkeitspflege. Giessen : G.F. Heyer, 1821. 400 p.
10. Feuerbach A.R. Über die Gerichtsverfassung und das gerichtliche Verfahren Frankreichs; Чебышев-Дмитриев А. Начало Французского уголовного судоустройства // Юридический вестник. 1863. Вып. 31(1). P. 67–98.
11. Seul J. Der Kriminalpsychologe, der den «Fall Kaspar Hauser» nicht überlebte // Официальный сайт «Legal Tribune Online». URL : <https://www.lto.de/recht/feuilleton/f/zum-todestag-von-johann-paul-anselm-ritter-von-feuerbach-kriminalpsychologie-straftat-kaspar-hauser> (date of the application 12.01.2024).
12. Feuerbach P. Kaspar Hauser. Beispiel eines Verbrechens am Seelenleben des Menschen. Ansbach : T.M. Dollfuss, 1832. 170 p.

Информация об авторе

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-8323-6953>

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.52.85.001>
УДК 332

Attribution
cc by

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ

Бабосов Н.С.

*Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»*

Аннотация. В статье рассматриваются основные возможности и методы проведения оценки компетентности специалистов в области управления проектами. Актуальность темы исследования подтверждается повсеместным внедрением проектного подхода практически во все отрасли и области деятельности, в том числе в рамках публичного управления. Как отмечает автор, единый подход для оценки компетенций специалистов в области управления проектами до сих пор не разработан, но существующая информация относительно возможных методов проведения оценки, может быть использована в целях формирования единого подхода к используемой системе оценки специалистов. Помимо этого, статья может быть использована в качестве теоретической информации при изучении основ управления проектами, как в рамках учебных учреждений, так и в качестве самостоятельного обучения. Выводы: Рассмотренные в проведённом исследовании системы оценки проектных компетенций, которые успешно могут быть использованы в рамках Российской практики, говорят о высокой инвариантности проектного подхода. Анализируемые системы могут быть воплощены и в корпоративном управлении, и на региональном или даже на федеральном уровне.

Но при использовании метода в публичном управлении возникает проблема, исправить которую можно лишь с помощью организации должного взаимодействия между уровнями. Так, если общие компетенции участников не будут выделены, то предложения совершенствования не дадут должного результата. Требуется разработка адаптивной системы, которая будет использоваться для оценки компетентности специалистов в области управления проектами, в том числе в структурах публичного управления. Помимо этого, разработанная система оценки нуждается в научной апробации и в обосновании соответствующего методологического аппарата.

Ключевые слова: проектные компетенций, компетентность, навыки, знания, опыт, оценка персонала, проект, участники проекта, показатели оценки.

RESEARCH OF THE SYSTEM FOR ASSESSING THE COMPETENCE OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF PROJECT MANAGEMENT

Nikita S. Babosov

*Non-state educational private institution of higher education
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»*

Annotation. The article discusses the main possibilities and methods for assessing the competence of specialists in the field of project management. The relevance of the research topic is confirmed by the widespread implementation of the project approach in almost all sectors and areas of activity, including within the framework of public administration. A unified approach for assessing the competencies of specialists in the field of project management has not yet been developed, but existing information regarding possible assessment methods can be used to form a unified approach to the specialist assessment system used. In addition, the article can be used as theoretical information when studying the basics of project management both within educational institutions and as independent study. The systems for assessing project competencies considered in the study, which can be successfully used within the framework of Russian practice, indicate a high invariance of the project approach. The analyzed systems can be implemented in corporate governance, at the regional or even at the federal level. But when using the method in public administration, a problem arises, which can only be corrected by organizing proper interaction between the levels. So, if the common competencies of the participants are not highlighted, then the improvement proposals will not give the desired result. It is necessary to develop an adaptive system that will be used to assess the competence of specialists in the field of project management, including in public administration structures. In addi-

tion, the developed assessment system needs scientific approbation and justification of the appropriate methodological apparatus.

Keywords: project competencies, competence, skills, knowledge, experience, personnel assessment, project, project participants, assessment indicators.

Введение. Современное положение России в области развития и эффективного управления проектами нельзя назвать оптимальным.

К признакам недостаточного уровня качества исполнения проектов следует отнести следующие проблемы:

- полное или частичное несоблюдение сроков реализации и сдачи проекта с последующими штрафными санкциями за нарушение сроков сдачи;
- недостаточный уровень дисциплины финансового характера, когда расходы превалирует над доходами проекта;
- недостаточный уровень управления, когда менеджеры высшего звена слишком вовлечены в детали исполнения проекта;
- недостаточное качество управления ресурсами, что выражено в частом переключении между разными видами работ;
- высокие психологические нагрузки, недостаточная мотивация и плохой психологический климат в компании.

При устранении таких проблем можно выделить методологию их преодоления в России, в том числе в аспекте модернизации методов оценки компетентности специалистов в области управления проектами.

Обсуждение. Обращаясь к теории, можно отметить, что в целях проведения оценки компетентности специалистов в области управления проектами, как правило, используется модель проектных компетенции, определение которой можно рассматривать сразу с двух сторон.

В первую очередь, модель проектных компетенций представляет собой отражение требований, предъявляемых для участников проекта, и демонстрирующих уровень их квалификации и ответственности этого уровня должности и выполняемым функциям.

Помимо этого, модель проектных компетенций можно представить как метод проведения оценки для участников проекта, а также выявление их соответствия выполняемым в этом проекте функциям.

Следует принимать под компетенцией определённый набор навыков и знаний, используемых для оптимального управления проектом.

На сегодняшний день активно используются сразу несколько методик проведения оценки компе-

тентности специалистов в рамках управления проектами.

Рассмотрим наиболее известные системы для проведения оценки, которые подвержены добровольной сертификации.

1. Первыми системами являются IPMA и COVNET, основанные на анализе компетенций по требованиям IPMA [6].

Один из наиболее масштабных методов оценки, так как в учёт оценки входит 46 элементов, касающихся знаний и опыта, используемых в управлении проектом.

Ранжирование таких элементов оценки производится по трём масштабным группам показателей, к которым относятся:

- технические компетенции, состоящие из 20 отдельных компетенций;
- поведенческие компетенции, включающие в себя 15 отдельных компетенций, участвующих в управлении проектом;
- контекстуальные компетенции, в которые включены 11 различных элементов.

2. ПМ Стандарт – основывается сразу на четырёх стандартах, к которым относятся:

- ГОСТ Р 54869-2011 Требования к управлению проектом;
- ГОСТ Р 54871-2011 Требования к управлению программой;
- ГОСТ Р 54870-2011 Требования к управлению портфелем проектов;
- ГОСТ Р ИСО 21500:2014 Руководство по проектному менеджменту; признанный в России стандарт международного характера, на основании которого далее разработана международная проектная сертификация (МПС) [8].

Данный вид оценки представляет собой анализ, основанный на учете сразу нескольких групп оцениваемых компетенций, которые рассмотрим далее:

1. Технические компетенции, используемые в процессе управления проектом. Сюда могут относиться технические характеристики, термины, знания и навыки в области технических специальностей.
2. Компетенции, связанные с управлением сложными проектами и навыками, необходимыми для этого.

3. Лидерские компетенции, к которым можно отнести следующие аспекты:

- поведенческие компетенции;
- межличностные компетенции;
- командные компетенции.

4. Стратегии и бизнес-процессы, включающие в себя такие компетенции, как:

- компетенции интеграции проектной деятельности;
- компетенции интеграции стратегии в проектную деятельность;
- компетенции бизнес окружения проекта.

3. PMI – система оценки компетентности специалистов в области управления проектами, основанная сразу на трёх стандартах области проектного менеджмента, к которым относятся:

- ГОСТ Р 54869-2011 Требования к управлению проектом;
- ГОСТ Р 54871-2011 Требования к управлению программой;
- ГОСТ Р 54870-2011 Требования к управлению портфелем проектов [5].

В данную систему оценки входят несколько групп компетенций, которые подлежат анализу.

К таким компетенциям, учитываемым при оценке, относятся:

- компетенции знаний, используемых в процессе управления проектом;
- персональные компетенции, содержащие в себе личностные характеристики участников проекта;
- компетенции исполнения проекта.

4. Международная проектная сертификация. Данный вид системы оценки учитывает сразу три крупных группы учитываемых компетенций [7].

К таким группам учитываемых компетенций, подлежащих проверке, относятся:

1. Технические компетенции, в которые входит понимание технических аспектов, используемых терминов и определений, а также системы работы процессов, использованных в процессе управления проектами. Здесь происходит учёт стандартов международного уровня.
2. Компетенции в сфере поведения, обычно, выражаются через личные отношения, возникающие непосредственно в процессе реализации и управления проектом.

3. Контекстные компетенции, позволяющие управлять проектом со стороны окружающей его внешней и внутренней среды.

4. Методические рекомендации, в которых заключены основы организации и поведения при проведении анализа квалификации служащих гражданской направленности [3].

Все перечисленные аспекты могут быть использованы для учёта нескольких критериев анализа уровня компетентности, исследуемой для проекта. Перечислим основные критерии, ранжированные на две большие группы:

1. Первая группа представлена управленческими и персонализированными компетенциями, проявляющиеся в личных качествах человека, его поведении и других моментах управления проектом. На основании анализа качеств можно сделать вывод относительно знаний и умений человека, а также оценить его ценности, которые могут быть использованы в рамках реализации проекта.

2. Компетенции прикладного характера, определяющие поведенческие аспекты и черты, а также навыки и знания для исполнения отведённой при реализации проекта роли человека.

Для проведения оценки компетентности специалистов в области управления проектами необходимо выбирать такую методику, которая позволит быстро и без существенных трудозатрат определить уровень компетенции для участников проекта.

Отдельно можно выделить несколько групп методов, которые могут быть использованы в целях определения степени развития проектных компетенций для нанимаемого на работу персонала или уже действующих участников проекта.

К таким методам оценки следует отнести следующие группы показателей:

1. Количественные оценки, представленные в форме числовых данных, демонстрирующих уровень имеющихся компетенций. В данном методе могут быть использованы оценки по балльной системе, либо расчёты коэффициентов и других числовых показателей уровня знаний и навыков участника проекта.
2. Качественные оценки, представленные в формате словесного описания уровня имеющихся знаний, навыков и опыта участника проекта.
3. Смешанные оценки, которые будут соединять в себе как количественные, так и качественные показатели уровня имеющихся знаний и навыков участников проекта.

Таким образом, оценка может быть проведена посредством использования таких методов оценки компетенций, как:

- проведение тестирования для участников проекта;
- использование, так называемой, оценки 360 градусов;
- применение методологии кейсов;
- проведение деловых игр;

- использование парных сравнений;
- проведение самооценки и некоторые другие.

Следует выделить разработанную схему идеальной методологии оценки, проведённую экспертами, участвующими в группе компаний проектной Практики. Схема проведения идеальной оценки приведена на рисунке 1.

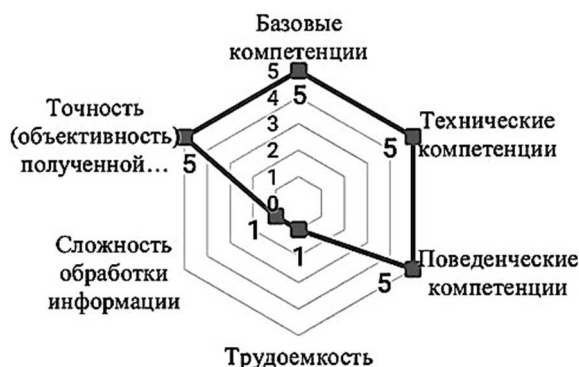

Рисунок 1 – Идеальный метод оценки проектных компетенций для участников проекта [2]

Рассмотрим более подробно обоснование идеального метода оценки, разработанного группой компаний проектной Практики.

Для оценки любой компетенции можно применить рассмотренные группы таким образом:

- базовые группы – 5;
- технические группы – 5;
- поведенческие группы – 5 [2].

Трудоёмкость указанного метода соответствует показателю 1, значит трудозатраты на метод и его расчёты будут минимальными.

Возможность лёгкого и доступного представления метода соответствует показателю 1, а следовательно для представления и использования информации затраты труда будут также минимальными.

Точность полученной информации соответствует показателю 5, что делает данный метод полностью соответствующим всем возможным требованиям относительно эффективности его использования.

Таким образом, для выбора и проведения эффективной оценки компетенций специалистов в области управления проектами, необходимо особое внимание уделить выбору индикаторов и методов, используемых при оценке.

Для выбора эффективной методологии оценки предлагаем ввести ряд правил, представляющих собой план выбора методики оценки компетентности специалистов в области управления проектами.

Разработанный план выглядит следующим образом:

1. Разработка модели компетенций, в которые входит:

- перечень компетенций;
- перечень индикаторов;

– сопоставление компетенций и индикаторов, на основании которых будет разработана модель компетенций для дальнейшего использования при оценке компетентности специалистов в области управления проектами.

2. Разработка нормативной документации «Процедура оценки уровня компетентности специалиста». Указанный документ должен определять правила поведения при оценке компетенций.

3. Разработка материала для полноценной проведения оценки. Подразумеваются заранее подготовленные тесты, кейсы, анкеты, шаблоны итоговых листов и другие материалы, которые будут использованы при проведении оценки компетентности специалистов в области управления проектами.

4. Проведение тестовой оценки в целях подтверждения объективности и правильности полученных результатов.

Общее качество при выполнении основных этапов реализации проекта будет расти, если сотрудники будут выполнять свои целевые задачи и работать на тех должностях, которые учитывают имеющиеся у человека умения и знания.

Таким образом, объективный анализ наиболее сильных и слабых сторон для сотрудника будет учтён, а эффективность возрастала бы для проекта.

Указанные системы оценки компетенций, по сути, представляют собой набор методов, которые можно использовать в целях выявления соответствия требованиям сотрудников области управления проектами, относительно наличия у них необходимых знаний, навыков и опыта.

Результаты. Таким образом, в рассмотренных системах базисом является профиль компетенций, заключающийся в наборе определённого рода компетенций, которые используются при определении требований к участникам проектной деятельности, а также к их знаниям и навыкам, используемым в целях реализации проекта.

У нашей страны есть огромный потенциал реализации собственной системы управления проектами, которая эффективно бы действовала в рамках такого проекта. При учёте зарубежных практик, а тем более, при заимствовании систем, когда будет происходить существенное отставание проектного управления в стране. Так, на основании разработки собственной методики управления будет получена качественная система управления проектами.

Основным этапом совершенствования используемой системы может быть внедрение корпоративной системы, а также повышение квалифика-

ции управленческого аппарата и налаживание системы мотивации, что позволит российским компаниям существенно модернизировать действующие методологии в проведении оценки компетентности специалистов в разных областях.

Заключение. Рассмотренные в проведённом исследовании системы оценки проектных компетенций, которые успешно могут быть использованы в рамках Российской практики, говорят о высокой инвариантности проектного подхода. Такое внедрение технологий свойственно, в том числе публичному управлению.

Кроме этого, анализируемые системы могут быть воплощены и в корпоративном управлении, и на региональном или даже на федеральном уровне. Но при использовании метода в публичном управлении возникает проблема, исправить которую можно лишь с помощью организации должного взаимодействия между уровнями. Так, если общие компетенции участников не будут выделены, то предложения совершенствования не дадут должного результата.

По сути, требуется разработка адаптивной системы, которая будет использована для оценки компетентности специалистов в области управления проектами, в том числе в структурах публичного управления. Помимо этого, разработанная система оценки нуждается в научной апробации и в обосновании соответствующего методологического аппарата.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Билев О.Ю. Развитие компетенций участников проектной деятельности. URL : <http://pmolimp.ru/files/content/1324/bilev-spmrazvitie-kompetencij-pdf.pdf> (дата обращения 17.01.2024).
2. Как ничего не забыть, создавая систему оценки проектных компетенций. URL : <http://sovnet.ru/docs/news/27-12-2013> (дата обращения 17.01.2024).
3. Методические рекомендации по организации и проведению оценки квалификации государственных гражданских служащих в сфере проектной деятельности. URL : <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/1267> (дата обращения 17.01.2024).
4. Модель компетенций проектного персонала. Проектная ПРАКТИКА. URL : <http://docplayer.ru/35198020-Model-kompetenciiproektnogo-personala.html> (дата обращения 17.01.2024).
5. Пужанова Е. Модель компетенций Менеджера проекта: PMI vs. IPMA. URL : <https://pmpractice.ru/training/certification/ipma> (дата обращения 17.01.2024).
6. Сертификация по стандартам IPMA. URL : <https://pmpractice.ru/training/certification/ipma> (дата обращения 17.01.2024).
7. Стандарты по компетенциям в области управления проектами. Консалтинговая компания iTeam. URL : https://iteam.ru/publications/project/section_39/article_4548 (дата обращения 17.01.2024).
8. Центр оценки и развития проектного управления. Требования к компетентности специалистов в области проектной деятельности ТКС-1.01. 66 с.

References:

1. Bilev O.Yu. Development of competencies of participants in project activities. URL : <http://pmolimp.ru/files/content/1324/bilev-cpmrazvitiye-kompetencij-pdf.pdf> (date of the application 01/17/2024).
2. How not to forget anything when creating a system for assessing project competencies. URL : <http://sovnet.ru/docs/news/27-12-2013> (date of the application 01/17/2024).
3. Methodological recommendations for organizing and conducting assessments of the qualifications of state civil servants in the field of project activities. URL : <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/1267> (date of the application 01/17/2024).
4. Competency model of project personnel. Project PRACTICE. URL : <http://docplayer.ru/35198020-Model-kompetenciiproektnogo-personala.html> (date of the application 01/17/2024).
5. Puzhanova Ekaterina. Project Manager competency model: PMI vs. IPMA. URL : <https://pmpractice.ru/training/certification/ipma> (date of the application 01/17/2024).
6. Certification according to IPMA standards. URL : <https://pmpractice.ru/training/certification/ipma> (date of the application 01/17/2024).
7. Standards for competencies in the field of project management. Consulting company iTeam. URL : https://iteam.ru/publications/project/section_39/article_4548 (date of the application 01/17/2024).
8. Center for assessment and development of project management. Requirements for the competence of specialists in the field of design activities TKS-1.01. 66 p.

Информация об авторе

Бабосов Никита Сергеевич

аспирант кафедры организационного менеджмента,
Негосударственное образовательное
частное учреждение высшего образования
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»
nikwork24@gmail.com

Nikita S. Babosov

Postgraduate Student of the Department
of Organizational Management,
Non-governmental Educational
Private Institution of Higher Education
Moscow Financial and Industrial University «Synergy»,
nikwork24@gmail.com

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.32.57.006>

УДК 338

Attribution

cc by

ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Зубарев А.Е., Коуров В.Ф., Меньшикова Е.А.

Тихоокеанский государственный университет

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования программного развития российских университетов в современных условиях. Особую значимость имеет анализ опыта планирования финансового обеспечения программ развития российских университетов, ставших победителями конкурса «Приоритет-2030». Сравнительный анализ программ развития позволяет отметить, что устойчивое функционирование университетов обеспечивается, прежде всего, наличием масштабного, диверсифицированного и качественного финансирования программ развития, что способствует росту финансово-экономического потенциала университетов.

Цель: проведение анализа финансового обеспечения программ развития университетов и формирование оценки финансовых концепций университетов по ряду направлений.

Методы: анализ, синтез, структурирование, систематизация, обобщение научных источников по объекту и предмету исследования.

Результаты: выявлены общие черты и особенности динамики финансирования программ развития российских университетов; определены особенности структуры финансового обеспечения программ развития различных российских университетов; сформулирован комплекс положений, составляющих основы финансовых концепций развития университетов.

Выводы: выявлено нарастание роли внебюджетных источников финансирования в развитии российских университетов, несмотря на сохранение высокой значимости финансирования программ университетского развития за счет средств федерального бюджета; определено высокое значение конкурсов программ развития университетов в процессе совершенствования их основных видов деятельности.

Ключевые слова: высшее образование, университет, анализ, программа развития, структура, динамика, финансовое обеспечение.

FINANCIAL SUPPORT OF PROGRAMS DEVELOPMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES

Alexander E. Zubarev, Vladimir F. Kourov, Elena A. Menshikova

Pacific National University

Annotation. The relevance of the study is due to the need to improve the program development of Russian universities in modern conditions. Of particular importance is the analysis of the experience of planning financial support for development programs of Russian universities that became winners of the Priority 2030 competition. A comparative analysis of development programs allows us to note that the sustainable functioning of universities is ensured, first of all, by the presence of large-scale, diversified and high-quality financing of development programs, which contributes to the growth of the financial and economic potential of universities.

Purpose: conducting an analysis of the financial support of university development programs and forming an assessment of the financial concepts of universities in a number of areas.

Methods: analysis, synthesis, structuring, systematization, generalization of scientific sources on the object and subject of research.

Results: common features and features of the dynamics of financing development programs for Russian universities have been identified; the features of the structure of financial support for development programs of various Russian universities are determined; a set of provisions has been formulated that form the basis of financial concepts for the development of universities.

Conclusions: the growing role of extra-budgetary sources of funding in the development of Russian universities was revealed, despite the continued high importance of financing university develop-

ment programs from the federal budget; the high importance of competitions for university development programs in the process of improving their main activities has been determined.

Keywords: higher education, university, analysis, development program, structure, dynamics, financial support.

Введение.

Содержание статьи сформировано на основе теоретического и методического обобщения финансовых концепций университетов Российской Федерации (далее – РФ), которые стали победителями в конкурсе «Приоритет-2030» Министерства науки и высшего образования РФ (далее – Минобрнауки России).

Одной из основных целей разработки и реализации университетских программ «Приоритет-2030» является формирование в России к 2030 г. более 100 прогрессивных современных университетов, являющихся центрами научно-технологического и социально-экономического развития страны и ее регионов.

Из 187 участников конкурса «Приоритет-2030» Минобрнауки России в числе победителей отобрано 106 университетов из различных регионов страны.

Университеты-победители для реализации программы ежегодно используют не только базовую часть гранта из федерального бюджета, но финансовые средства из внебюджетных и иных источников.

Обзор материалов, отражающих характеристики основных конкурсных позиций университетов, представленных на их официальных сайтах, позволил выделить ряд университетов, наиболее развернуто представивших финансовое обоснование реализации программы не только в виде таблицы в обязательном приложении, но и в тексте пояснительной записки к программе развития «Приоритет-2030». Из числа таких университетов авторами статьи для сравнительного анализа выбраны 11 российских университетов, детально представивших финансовое обоснование своей программы и заслуживающих особого внимания в ходе данного исследования.

Результаты.

В соответствии с установленными Минобрнауки России требованиями, в соответствующие разделы университетских программ развития необходимо включать положения по финансовому обеспечению реализации программ, которые должны содержать обоснование объемов и направлений использования финансовых ресурсов из бюджетных и внебюджетных источников. Данное обоснование становится основой для разработки перечня и объемов прогнозируемых источников привлечения внебюджетного финансирования, при наличии нескольких источников – объемов привлекаемых внебюджетных средств из каждого источника.

Сравнительный анализ содержания и структуры финансового обеспечения программ развития университетов «Приоритет-2030» позволил выявить общие черты и особенности финансовых аспектов разработки этих программ, а также - выделить комплекс положений, составляющих основы различных видов финансовых концепций развития университетов.

Во-первых, суть финансовой концепции определяет структуру финансового обеспечения программ развития, включающую такие источники финансирования, как средства федерального бюджета (в том числе базовую и специальную части гранта), средства регионального и местного бюджетов, средства из иностранных источников, а также внебюджетные средства. Характер финансовой концепции университета обуславливает такие структурные характеристики финансирования программы развития, как удельные веса источников финансирования за каждый год реализации программы.

Сравнительный анализ программ развития университетов показал, что наибольший удельный вес в структуре финансирования имеет специальная часть гранта за счет средства федерального бюджета, удельный вес которой колеблется по разным университетам от 82 до 93 %.

Высокая доля специальной части гранта свидетельствует о сложности структуры программы развития, в целом.

Можно отметить следующую закономерность воздействия бюджетного финансирования на программы развития университетов: чем выше удельный вес специальной части гранта за счет средств федерального бюджета, тем сложнее, интенсивнее программа развития в целом, и выше ее образовательный и научно-исследовательский потенциал.

Во-вторых, суть финансовой концепции университета обуславливает динамические характеристики финансового обеспечения программ развития, в числе которых – количественные изменения объемов финансирования по каждому из источников за весь период реализации (2021–2030 гг.).

Сопоставление динамических характеристик программ развития различных университетов позволило выделить следующие тенденции изменения финансирования программ по годам:

Базовая часть гранта за счет средств федерального бюджета характеризуется неизменным объемом финансирования программ.

Специальная часть гранта за счет средств федерального бюджета нарастает за первые годы, а далее сокращается, но, тем не менее, многократно превышает базовую часть гранта.

Для остальных источников финансирования характерны нарастающие объемы, однако, доля этих источников незначительна в общем объеме финансирования.

Обобщая практику разработки программ различных университетов, следует выделить два основных вида финансовых концепций университетских программ развития.

Первый вид предполагает, что объем и удельный вес программных средств за счет внебюджетных источников нарастает в общем объеме финансирования, перекрывая к 2030 г. объем финансирования за счет базовой части гранта из средств федерального бюджета.

Второй вид отражает увеличение только специальной части гранта за счет средств федерального бюджета без нарастания доли средств за счет внебюджетных и иных источников.

По нашему мнению, реализация первого вида финансовых концепций в наибольшей степени соответствует требованиям Минобрнауки России и закономерностям роста потенциала университетов.

Сравнительный анализ содержания финансовых концепций различных российских университетов позволил отметить, что особенности финансового обеспечения программ развития в значительной степени определяются стратегическими установками программного развития университетов.

Для подтверждения наличия таких взаимосвязей необходимо проведение анализа и оценки финансового обеспечения программ развития университетов по следующим основным направлениям:

- анализ динамики создания новой стоимости, формирующейся в университете за период реализации программы развития и в течение 4–5 лет после завершения ее реализации;
- оценка способности системы управления университетом к реализации стратегических инициатив, заложенных в программе развития;
- анализ структуры объемов бюджетного и внебюджетного финансирования с точки зрения их сбалансированности;
- оценка соответствия финансовых результатов реализации программы развития целям и задачам стратегического развития каждого из университетов.

Классификацию финансовых концепций университетов можно осуществлять по большому коли-

честву классификационных признаков, например, по степени использования университетом источников финансирования программы. На основании этого признака из 11 университетов – победителей программы «Приоритет-2030» следует выделить 5 университетов, которые полностью заполнили плановую матрицу финансового обеспечения, и 6 университетов, лишь частично ее заполнивших. При этом заполнение/не заполнение ячеек плановой матрицы финансового обеспечения означает, что университеты рассматривали/не рассматривали те или иные источники финансирования программы в отдельные годы (в зависимости от конкретных условий, мероприятий и проектов). Среди университетов, частично заполнивших плановую матрицу финансового обеспечения программы, редко встречаются те, кто варьировал объемы базовой части гранта. В исключительных случаях отмечено увеличение базовой части гранта в три этапа с шагом 50 млн руб. и нарастанием суммы со 100 до 250 млн руб. за весь период реализации программы.

Динамика финансирования программ «Приоритет-2030» отражена на рисунке, где указаны объемы финансирования программ за счет средств федерального бюджета и иных источников в среднем по рассматриваемой группе университетов.

Анализ финансирования программ развития «Приоритет-2030» из вышеуказанных источников позволил отметить следующие характеристики динамики финансового обеспечения программ развития университетов:

Во-первых, исследуемые университеты планировали нарастающие по годам объемы финансирования программного развития из внебюджетных источников, достигающие к 2030 г. объема финансирования за счет специальной части гранта из федерального бюджета, что наглядно отражено на рисунке. При этом расходы за счет специальной части гранта резко увеличиваются до 2025 г., а затем незначительно снижаются. К концу срока реализации программ ожидается достижение максимума общего объема финансирования, после чего внебюджетные источники должны стать главными источниками финансирования развития университетов.

Схожая динамика финансирования выявлена при анализе планов финансового обеспечения программ стратегического развития организаций высшего образования на период с 2012 по 2016 гг. (далее – ПСР).

На графике, отражающем динамику финансового обеспечения ПСР, также, в определенный момент времени, отмечено совпадение объемов финансирования программ за счет средств университетов и за счет субсидии из федерального бюджета. Однако в плане финансового обеспечения в ПСР точка совпадения объемов финансирования за счет федерального бюджета и собственных средств университетов не находи-

лась уровне максимального объема финансирования, как в «Приоритет-2030». Причем, если совпадение объемов финансирования за счет федерального бюджета и собственных средств в ПСР приходилось на 2014 г. (за 2 года до окончания ПСР), то в программе «Приоритет-2030»

это совпадение приходится на период окончания программы. Это свидетельствует об активизации государственной финансовой поддержки программ развития университетов, что обусловило особенности планов финансового обеспечения «Приоритет-2030».

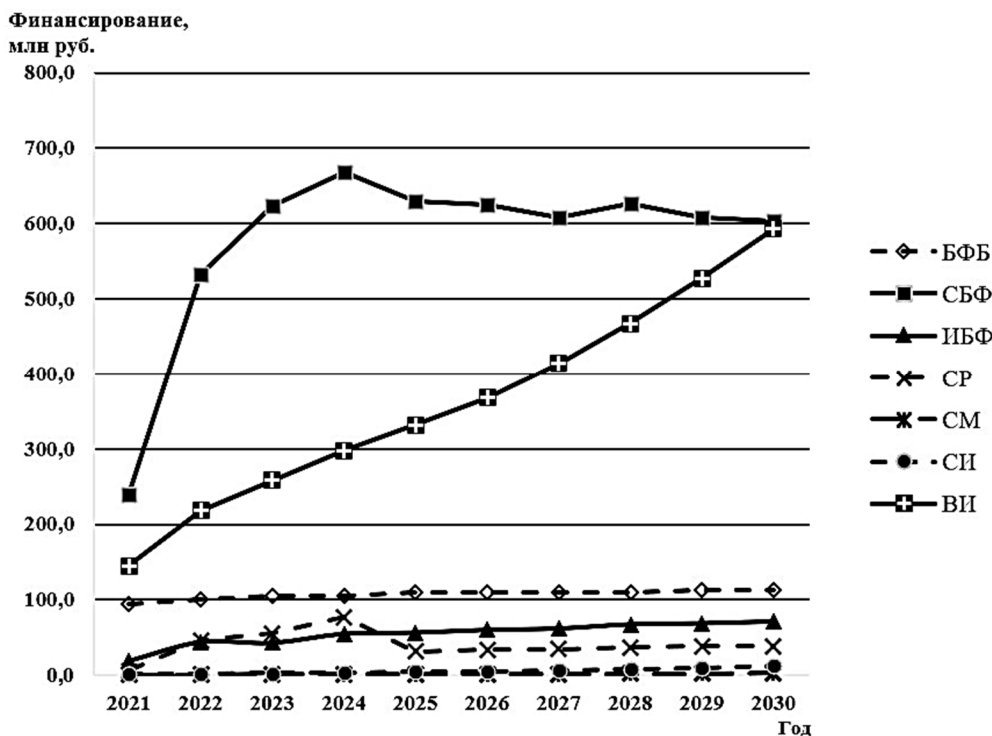

Рисунок 1 – Динамика финансирования программ «Приоритет-2030» в среднем по группе университетов:
Условные обозначения: БФБ – базовая часть гранта за счет средств федерального бюджета, СБФ – специальная часть гранта за счет средств федерального бюджета, ИБФ – иные средства федерального бюджета, СР – средства субъекта РФ, СМ – средства местных бюджетов, СИ – средства иностранных источников, ВИ – внебюджетные источники.

Во-вторых, базовая часть гранта за счет средств федерального бюджета с номиналом 100 млн руб. в течение всего периода реализации программы «Приоритет-2030» отмечена по большинству анализируемых университетов как неизменная по годам величина. Вместе с тем, по отдельным университетам отмечены отклонения от базовой суммы в меньшую сторону в начале (до 65 млн руб.) и в большую (до 250 млн руб.) в конце периода реализации программы. В среднем, по рассматриваемой группе университетов, планируемый размер базовой части гранта изменяется незначительно за весь программный период (с 95 до 113,6 млн руб.).

По нашему мнению, экономическая роль базовой части гранта заключается в том, что она демонстрирует минимально необходимую величину федеральной государственной поддержки программ развития университетов, которая играет роль стартовой позиции в их развитии, определяющей возможности получения специальной части гранта за счет средств федерального бюджета.

В-третьих, заслуживает внимания нарастающая положительная динамика средней величины

объемов внебюджетных источников по рассматриваемым университетам. Особенность динамики внебюджетного финансирования «Приоритет-2030» заключается в том, что университеты используют эти источники двойственным образом.

С одной стороны, объемы внебюджетных средств для реализации программ могут формироваться за счет накопленных до 2021 г. доходов от основных видов деятельности университетов, таких как образовательная, научно-исследовательская, инновационная и др.

С другой стороны, способность университетов получать растущие внебюджетные доходы зависит от уровня финансового обеспечения основных видов их деятельности из бюджетной системы РФ, в том числе средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований.

При этом следует отметить, что механизм финансирования из бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований специфичен, поскольку формируется на основе числа абитуриентов и трудоустроенных выпускников, выполнения научно-исследовательских, хозяйственных и

инновационных работ для организаций регионального и муниципального секторов экономики.

Помимо общих характеристик динамики финансового обеспечения университетов – победителей программы развития «Приоритет-2030», следует отметить ряд структурных особенностей финансового обеспечения программ развития, обусловленных, прежде всего, распределением источников финансирования программных мероприятий и проектов. В числе важнейших структурных показателей – удельный вес финансовых средств на реализацию программы, который по рассматриваемой группе университетов составляет из федерального бюджета от 52 до 63 %, из

бюджета субъекта РФ – от 4 до 12 %, из внебюджетных источников – от 13 до 39 %.

В ходе проведения сравнительного анализа структуры расходов на финансирование университетских программ развития «Приоритет-2030» за период с 2021 по 2030 гг. рассчитаны и сопоставлены удельные веса объемов финансирования по источникам финансирования, представленным в таблице 1 по каждому из 11-ти университетов, а также – в среднем по группе рассматриваемых университетов.

Таблица 1

Структура финансирования программ развития университетов «Приоритет-2030»

Источник финансов	Доля расходов на программу по университетам, %											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	в среднем
Базовая часть гранта из средств федерального бюджета	29,1	3,5	51,3	10,9	7,1	14,5	5,1	18,6	9,1	11,2	6,9	9,3
Специальная часть гранта из средств федерального бюджета	35,6	55,9	–	47,7	58,4	69,5	50,8	34,3	36,4	47,1	54,5	50,3
Иные средства федерального бюджета	1,1	1,8	5,6	5,3	–	1,4	6,1	–	–	10,6	17,8	4,8
Средства субъекта РФ	16,2	0,5	–	1,6	4,3	–	4,6	16,8	5,4	1,3	–	3,5
Средства местных бюджетов	–	0,1	–	0,1	0,2	–	0,1	–	0,7	0,3	–	0,1
Средства иностранных источников	–	0,5	0,4	0,5	0,3	0,6	0,4	–	2,2	0,2	–	0,5
Внебюджетные источники	17,9	37,8	42,7	33,8	29,7	14,0	33,0	30,4	46,3	29,4	20,8	31,6

Данные таблицы позволяют оценить структуру планового финансирования программ развития «Приоритет-2030» за весь период ее реализации в среднем по группе рассматриваемых университетов, а также – по каждому университету.

Средние значения удельного веса финансовых средств из различных источников свидетельствуют о том, что специальная часть гранта занимает наибольшую долю расходов на программы развития.

Второе место занимает доля финансирования из внебюджетных источников.

На третьем – базовая часть гранта за счет средств федерального бюджета. В совокупности, вышеперечисленные источники, в среднем, составили более 90 %.

Данная характеристика позволяет определить уровень концентрации финансирования программы как достаточно высокий.

Особый интерес вызывают результаты сравнения удельных весов источников финансирования по отдельным университетам со средними значениями в группе.

По базовой части гранта доля финансирования ниже среднего значения отмечена по 5 университетам, тогда как доля выше среднего отмечена по 6 из рассмотренных университетов. При этом у 3 университетов доля данного источника финансирования в 3–5 раз превышает средний уровень (9,3 %) по группе.

Доля финансирования программ за счет специальной части гранта из федерального бюджета превысила средний уровень у 5 университетов.

Сравнение долей финансирования программ университетов за счет специальной части гранта из федерального бюджета позволяет обратить внимание на следующую особенность: уровень превышения этих долей по отдельным университетам над средним значением значительно меньше, чем уровень снижения относительно среднего.

Анализ позволил отметить, что 5 из 11 исследуемых университетов, планируя очень высокий уровень финансирования за счет специальной части гранта, существенно повлияли на формирование максимальной доли финансирования за счет данного источника, в среднем (50,3 %).

Тем не менее, есть университеты с низкими значениями доли специальной части гранта на программу развития, которые, очевидно, будут сталкиваться с проблемами недоиспользования материально-технического, квалификационного и интеллектуального потенциала.

В отношении университетов с наименьшими значениями доли базовой части гранта следует отметить, что значение данного показателя этих университетов намного ниже среднего.

В ходе сравнительного анализа базовой части гранта обращает на себя внимание несоответствие ее абсолютных и относительных значений. Объяснение причин данного несоответствия базируется на том, что по ряду университетов относительно более низкая доля базовой части гранта обусловлена тем, что специальная часть гранта многократно превысила базовую часть. В их числе университеты, которые смогли разработать и запланировать высокоэффективные проекты развития основных видов деятельности и дать их квалифицированное финансово-экономическое обоснование.

Финансирование за счет средств из внебюджетных источников, в среднем по группе исследуемых университетов, составило достаточно высокую долю (31,6 %) в общем объеме финансирования.

Следует обратить внимание на обратную взаимосвязь долей внебюджетного финансирования и финансирования за счет средств базовой части гранта по ряду университетов. Очевидно, отдельные университеты имеют низкую долю финансирования за счет базовой части гранта в связи с тем, что не способны обосновать высокую эффективность базовой части гранта и вынуждены планировать значительную долю расходов за счет средств из внебюджетных источников.

Анализ финансового обеспечения программ развития «Приоритет-2030» позволяет структурировать бюджетное и внебюджетное финансирование по видам деятельности университетов.

Обобщая, можно отметить, что расходы на образовательную деятельность университетов составляют почти 90 % финансового обеспечения программ развития, и лишь 10 % приходится на научно-исследовательскую деятельность и коммерциализацию разработок.

Специальных углубленных исследований требует оценка сбалансированности финансового обеспечения программ развития университетов по таким направлениям, как оценка сбалансиро-

ванности финансового обеспечения со структурой программы развития, в целом (внешняя сбалансированность), и оценка сбалансированности финансового обеспечения с системой целевых показателей, содержание и динамика которых взаимосвязаны между собой (внутренняя сбалансированность). При этом средства финансового обеспечения из бюджетов всех уровней, а также из внебюджетных источников по своим абсолютным и относительным значениям в программах развития университетов должны соответствовать индикаторам, отражающим национальные приоритеты.

Обсуждение.

В современной литературе российскими и зарубежными исследователями проводится анализ университетских программ развития, реализуемых при финансовой поддержке государства, отмечается высокая значимость программного развития университетов в социально-экономическом развитии страны и ее регионов.

Г.В. Мерзлякова, А.М. Макаров отмечают особое влияние программы «Приоритет-2030» на региональные системы науки и образования благодаря внедрению инновационных технологий и подготовке кадров [1, с. 13].

С.В. Шаварова, Н.Ю. Шипилов, рассматривая положительный опыт программного развития университетов, подчеркивают, что программы показали свою эффективность и необходима дальнейшая работа по развитию университетов при поддержке государства [2, с. 658].

Н.Л. Кетоева, М.А. Киселева, В.К. Драницына, анализируя программы развития университетов, в числе значимых рисков отмечают возможное ухудшение их финансово-экономического положения, а также нехватку оборотных средств [3, с. 13].

Особое внимание уделяется разработке финансовых моделей развития университетов.

Так, А.Г. Лосев, С.А. Корольков, В.В. Тараканов, предлагают финансово-математическую модель финансирования структурных подразделений университета с целью достижения целевых показателей эффективности [3, с. 49].

Е.Е. Харламова, указывает на необходимость реализации модели многоканального финансирования университетов, предполагающей финансовую поддержку образования, основанную на сочетании бюджетных и внебюджетных источников [4, с. 507].

Ю.В. Данейкин, О.П. Иванова, В.А. Трифонов подчеркивают значимость разработки и использования новых подходов к росту доходов и диверсификации источников финансирования университетов [5, с. 15].

Л.О. Изилиева, К.В. Михайлова, анализируя программу «Приоритет-2030», обращают внимание на значительное влияние на ее содержание зарубежных аналогов, в первую очередь «Проекта-211», по таким характеристикам, как финансирование, участники и цели [7, с. 456].

Л. Хан, Х. Сюй, Ю. Чжун подчеркивают, что слияние университетов в ходе реформирования высшего образования в КНР позитивно влияет на НИОКР за счет роста финансирования научных исследований, что способствует созданию первоклассных университетов [8, с. 265].

А. Сенгупта, Ф. Росси, отмечают, что университеты Великобритании вынуждены работать в рамках ограниченных финансовых ресурсов, а сокращение государственного финансирования академических исследований побуждает все больше полагаться на финансирование развития за счет частных источников [9].

Ф. Баум, Ю. Анаф, анализируя деятельность университетов Австралии, отмечают, что корпорации, все чаще, финансируют университетские исследования, однако, эта финансовая зависимость препятствует обсуждению важных общественных проблем и снижает число независимых исследований [10].

Проведенный обзор научной литературы подтверждает наличие множества схожих проблем, возникающих в ходе реформирования высшего образования как в России, так и за рубежом. Успешность развития университетов во многом определяется объемами и структурой государственного и частного финансирования.

Несмотря на то, что многими авторами отмечаются высокие финансовые риски реализации программ развития университетов, углубленные исследования динамики и структуры финансирования программ «Приоритет-2030» не представлены в литературе, в связи с чем, следует признать новыми научные результаты, приведенные в данной статье.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Мерзлякова Г.В. Программа «Приоритет-2030» – драйвер развития региональных систем науки и образования / Г.В. Мерзлякова, А.М. Макаров // Формирование научного и кадрового потенциала развития Удмуртской Республики. Сборник конференции. Ижевск, 2022. С. 12–20.
2. Шаварова С.В. Анализ инновационной составляющей в программе «Приоритет-2030» / С.В. Шаварова, Н.Ю. Шипилов // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2022. № 4. С. 657–666.

Заключение. Содержание финансового обеспечения университетских программ развития «Приоритет-2030» свидетельствует об использовании различных финансовых концепций при разработке программ. Анализ финансовой деятельности университетов в виде текстовой части программы и сведений об источниках и объемах финансирования позволяет охарактеризовать структуру и направленность финансового обеспечения программ и дать следующие выводы:

Во-первых, проведение анализа динамики и структуры финансового обеспечения университетов позволяет охарактеризовать основные статьи доходов и расходов университетов. Наличие планов финансирования по источникам в разрезе основных финансовых показателей программ «Приоритет-2030» сочетается с косвенной оценкой рисков по доходным статьям. При высокой оценке рисков по отдельным источникам финансирования университеты планируют незначительные объемы финансового обеспечения за их счет.

Во-вторых, в разделе, посвященном финансовому обеспечению реализации программ развития университетов, содержится обоснование объемов и направлений использования бюджета программ за счет средств федерального бюджета и других источников, планируемых по годам. Анализ программ университетов свидетельствует о существенном нарастании прогнозных значений объемов их финансирования с 2021 г. по 2030 г., что может способствовать росту научно-исследовательского и образовательного потенциалов университетов.

В-третьих, анализ динамики финансирования программ «Приоритет-2030» позволяет отметить нарастание роли внебюджетных источников финансирования в развитии университетов, несмотря на сохранение высокой значимости средств федерального бюджета. Особо следует подчеркнуть положительное стимулирующее воздействие конкурсов программ развития на процессы совершенствования основных видов деятельности российских университетов.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Кетоева Н.Л. Классификация рисков в образовательной деятельности высших учебных заведений, участвующих в проекте «Приоритет-2030» / Н.Л. Кетоева, М.А. Киселева, В.К. Драницына // Вестник СурГУ. 2022. № 3(37). С. 6–15.
4. Лосев А.Г. Модель финансового обеспечения выполнения целевых показателей эффективности работы вуза / А.Г. Лосев, С.А. Корольков, В.В. Тараканов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 6 (112). С. 49–57.
5. Харламова Е.Е. Финансовое обеспечение программы развития современного университета / Е.Е. Харламова // Финансовые решения XXI века: теория и практика. Сборник трудов научно-практической конференции. СПбПУ, 2016. С. 507–509.
6. Данейкин Ю.В. Управление финансами университета / Ю.В. Данейкин, О.П. Иванова, В.А. Трифонов // Управление устойчивым развитием. 2021. № 5(36). С. 15–23.
7. Излияева Л.О. Особенности реализации программ «5-100» и «Приоритет-2030» в Российской Федерации / Л.О. Излияева, К.В. Михайлова // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9(172). С. 465–466.
8. Хан Л. Перераспределение образовательных ресурсов и инновации: данные по слияниям университетов в Китае / Л. Хан, Х. Сюй, Ю. Чжун // Китайский экономический ежеквартальный Международный журнал. 2022. Т. 2. № 4. С. 265–277.
9. Сенгупта А. Взаимосвязь между портфелями финансирования университетов и их профилями обмена знаниями: взгляд на динамические возможности / А. Сенгупта, Ф. Росси // Техновации. Т. 121. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0166497222002371> (дата обращения 01.12.2023).
10. Баум Ф. Корпоратизация и здоровье австралийских университетов / Ф. Баум, Ю. Анаф // Австралийский и новозеландский журнал общественного здравоохранения. 2023. Т. 47. № 3. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1326020023052342> (дата обращения 01.12.2023).

References:

1. Merzlyakova G.V. The «Priority-2030» program is a driver for the development of regional systems of science and education / G.V. Merzlyakova, A.M. Makarov // Formation of scientific and personnel potential for the development of the Udmurt Republic. Collection of the conference. Izhevsk, 2022. P. 12–20.
2. Shavarova S.V. Analysis of the innovation component in the «Priority-2030» program / S.V. Shavarova, N.Yu. Shipilov // Current issues of accounting and management in the information economy. 2022. № 4. P. 657–666.
3. Ketoeva N.L. Classification of risks in the educational activities of higher educational institutions participating in the «Priority-2030» project / N.L. Ketoeva, M.A. Kiseleva, V.K. Dranitsyna // Bulletin of the SurGU. 2022. № 3(37). P. 6–15.
4. Losev A.G. Model of financial support for achieving target indicators of university performance / A.G. Losev, S.A. Korolkov, V.V. Tarakanov // University management: practice and analysis. 2017. V. 21. № 6(112). P. 49–57.
5. Kharlamova E.E. Financial support for the development program of a modern university / E.E. Kharlamova // Financial solutions of the XXI century: theory and practice. Collection of proceedings of the scientific and practical conference. SPbPU, 2016. P. 507–509.
6. Daneikin Yu.V. University financial management / Yu.V. Daneikin, O.P. Ivanova, V.A. Trifonov // Sustainable development management. 2021. № 5(36). P. 15–23.
7. Izilyaeva L.O. Features of the implementation of the «5-100» and «Priority-2030» programs in the Russian Federation / L.O. Izilyaeva, K.V. Mikhailova // Eurasian Legal Journal. 2022. № 9(172). P. 465–466.
8. Han L. Education resource reallocation and innovation: Evidence from university mergers in China / L. Han, H. Xu, Y. Zhong // China Economic Quarterly International. 2022. Vol. 2. № 4. P. 265–277.
9. Sengupta A. The relationship between universities' funding portfolios and their knowledge exchange profiles: A dynamic capabilities view / A. Sengupta, F. Rossi // Technovation. 2022. Vol. 121. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0166497222002371> (date of the application 01.12.2023).
10. Baum F., Anaf J. Corporatisation and the health of Australian universities // Australian and New Zealand Journal of Public Health. 2023. Vol. 47. № 3. URL : <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1326020023052342> (date of the application 01.12.2023).

Информация об авторе

Зубарев Александр Евстратьевич
доктор экономических наук,
профессор,
директор Института экономики и управления,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
000008@pnu.edu.ru

Alexander E. Zubarev
Doctor of Economics,
Professor,
Director of the Institute of Economics and Management,
Pacific State University, Khabarovsk
000008@pnu.edu.ru

Меньшикова Елена Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент Высшей экономической школы,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
menshikova.63@mail.ru

Коуров Владимир Филаретович

доцент,
кандидат экономических наук,
доцент высшей экономической школы,
Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск
kourov-v@mail.ru

Elena A. Menshikova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Higher Economic School,
Pacific National University,
Khabarovsk
menshikova.63@mail.ru

Vladimir F. Kourov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Higher Economic School,
Pacific National University,
Khabarovsk
kourov-v@mail.ru

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.45.73.016>
УДК 338.001.36

Attribution
cc by

МЕТОДИКА ВЫБОРА ПИЛОТНЫХ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО ТУРИЗМА

Кадетова Н.А., Серeda Н.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Костромская государственная сельскохозяйственная академия»

Аннотация. Развитие сельской местности как значительной части территории — один из основных факторов социально-экономического благополучия России. Импульсом к развитию сельских территорий может послужить аграрный туризм. Для более эффективной реализации государственной политики, направленной на развитие аграрного туризма, необходимо сконцентрироваться на приоритетных территориях — «точках роста». В работе предложены детерминанты и механизм выделения пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма. В качестве информации при проведении исследования использованы открытые статистические данные Росстата. В основу методики выделения пилотных территорий положен многомерный кластерный анализ по предложенной группе показателей. На примере Костромской области апробирована возможность выявления приоритетных территорий для развития агротуризма.

Ключевые слова: аграрный туризм, сельские территории, факторы развития, ресурсный потенциал, кластерный анализ, дендрограмма.

METHODOLOGY FOR SELECTING PILOT RURAL TERRITORIES FOR THE DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL TOURISM

Natalya A. Kadetova, Nadezhda A. Sereda

*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Kostroma State Agricultural Academy»*

Abstract. Rural areas make up a significant part of Russia's territory, and its development is one of the main factors in the socio-economic well-being of the country as a whole. Agricultural tourism can serve as an impetus for the development of rural areas. For more effective implementation of state policy aimed at the development of agricultural tourism, it is necessary to concentrate on priority territories — «growth points». The work suggests factors contributing to the development of agricultural tourism, as well as a mechanism for identifying pilot rural areas for the development of agricultural tourism. Open statistical data from Rosstat were used as information during the study. The basis of the methodology. The methodology for identifying pilot territories is based on multidimensional cluster analysis based on the proposed group of indicators. Using the example of the Kostroma region, the possibility of allocating territories for the priority development of agritourism was tested.

Keywords: agricultural tourism, rural areas, development factors, resource potential, cluster analysis, dendrogram.

Введение.

В Российской Федерации к сельской территории относится более 2/3 общей площади государства. В Костромской области практически вся территория является сельской, за исключением областного и некоторых районных центров.

Вопросы развития сельских территорий волнуют ученых, законодателей и практиков уже длительное время, однако данная тематика по-прежнему остается важной и имеет ряд нерешенных проблем.

В настоящее время развитие внутреннего туризма является одной из экономически важных задач для Российской Федерации. Поскольку значительная территория нашего государства явля-

ется сельской местностью, следует сделать акцент на развитии такого вида туризма, как аграрный, который может способствовать привлечению дополнительного финансирования для сельских территорий, дать импульс развития сельскохозяйственному производству. По нашему мнению, на начальных этапах необходима концентрация усилий на наиболее приоритетных «точках роста», целесообразно формирование пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма.

Обсуждение. Результаты.

В России сегодня развитие внутреннего туризма является одной из важнейших социально-экономических задач. Одновременно с этим, одним из основных условий экономического и

социального благополучия России является развитие сельских территорий. Поскольку значительная территория нашего государства является сельской местностью, очевидна перспективность развития сельского туризма, который может способствовать привлечению дополнительных финансовых ресурсов для сельских территорий, дать импульс к развитию сельским предпринимателям [2, 5]. При этом под сельским туризмом имеется в виду туризм, организованный на сельской территории.

Развитие туризма на сельских территориях во многом определяется самими территориями, их многообразием как по природно-климатическим характеристикам, так и по инфраструктурным, экономическим, историческим и иным составляющим. Существуют территории, на которых ключевым аспектом для развития туризма является природный потенциал, другие территории могут привлекать внимание культурным и историческим наследием, третьи, в свою очередь, интересны инфраструктурным развитием [1].

Развитие сельского туризма способствует наиболее полному и рациональному использованию земель различных категорий и назначения, повысить доходность и привлекательность территории в целом [6].

Аграрный туризм набирает популярность и является привлекательным бизнесом для сельской местности. Влияние данного вида туризма весомо не только для развития экономики, но и позволяет решать инфраструктурные, социальные и культурные проблемы села. Нами дано определение аграрного туризма, как «разновидности сельского туризма, вида отдыха и познавательной деятельности с возможностью наблюдения производственных процессов и непосредственного участия в сельскохозяйственном труде, потребления продуктов сельскохозяйственного производства» [3].

Агротуризм имеет большой потенциал и представляет интерес большей частью для субъектов малого и среднего предпринимательства на сельских территориях. Развитие агротуризма будет способствовать не только росту доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей, но и повышению социальной значимости данного вида деятельности, сохранению объектов культурного наследия, исторических сельских ландшафтов, повышению уровня жизни и устойчивости развития сельских территорий в целом.

По данным, приводимым Е.В. Токаревой, в России агротуризм развивается более чем в 60 регионах, функционирует около тысячи агротуристических ферм, удельный вес агротуризма в структуре туристического рынка составляет всего 6 %, при этом в европейских странах достигает 50 % [9].

В Костромской области аграрный туризм находится на стадии становления и представлен единичными проектами в некоторых муници-

пальных районах. Проекты аграрного туризма реализуются в основном фермерскими хозяйствами на базе своего сельскохозяйственного производства, например, проект «Агротуристический комплекс «Гусиная столица» главы крестьянского (фермерского) хозяйства Е.А. Доставалова в Кологривском муниципальном округе Костромской области; проект «FOOD & RESORT» главы крестьянского (фермерского) хозяйства А.В. Смирновой; «Детская ягодная ферма» семьи Таганцевых в Костромском муниципальном округе Костромской области. Есть проекты, развивающиеся на основе небольших семейных (фамильных) хозяйств, например, ферма «Фамилия» Н.Н. Гомзелевой, частный конный клуб «Royal Horse» Е.И. Токаревой в Сусанинском муниципальном районе развивается исторический конезавод «Медведки». Все проекты весьма разнообразны, имеют различную аудиторию потенциальных заинтересованных лиц, вносят разносторонний вклад в развитие как своих хозяйств, так и в целом территорий муниципальных образований.

По нашему мнению, наиболее эффективно становление аграрного туризма будет происходить через формирование пилотных территорий для агротуристической деятельности. Ранее нами было дано ее определение, как «части территории субъекта РФ, на которой, в соответствии с решением высшего исполнительного органа субъекта РФ, приоритетна реализация проектов в сфере аграрного туризма» [3; 4].

Пилотная территория должна располагать определенным набором ресурсов, необходимых для реализации проектов в сфере, определенной в качестве приоритетной. Для выявления пилотных территорий необходимо выбрать набор показателей, по оценке которых будет произведена их типологизация.

По нашему мнению, для развития аграрного туризма, исходя из предложенного понятия, необходимо наличие на территории деятельности в области сельского хозяйства, наличие инфраструктурных благ, которыми могут воспользоваться туристы.

Одним из основных факторов при выборе места посещения для туристов будет возможность добраться до этого места, то есть транспортная доступность. Не менее важным, является и наличие бытовых условий посещаемого места. При желании посетить сельскую местность, туристы, все же, желают оказаться в комфортных условиях. То есть, большое значение имеет развитие тех объектов инфраструктуры, которые имеют как производственное, так и социальное назначение – многофункциональной инфраструктуры [8].

Таким образом, для формирования аграрного туризма, в соответствии с его сущностью, приоритетными факторами в общем виде являются:

1. Демографический потенциал территории.
2. Развитие сельского хозяйства.
3. Наличие инженерной инфраструктуры.
4. Наличие природно-биологических ресурсов.

5. Наличие средств размещения.

По указанным факторам проведен динамический анализ показателей на примере Костромской области (рис. 1).

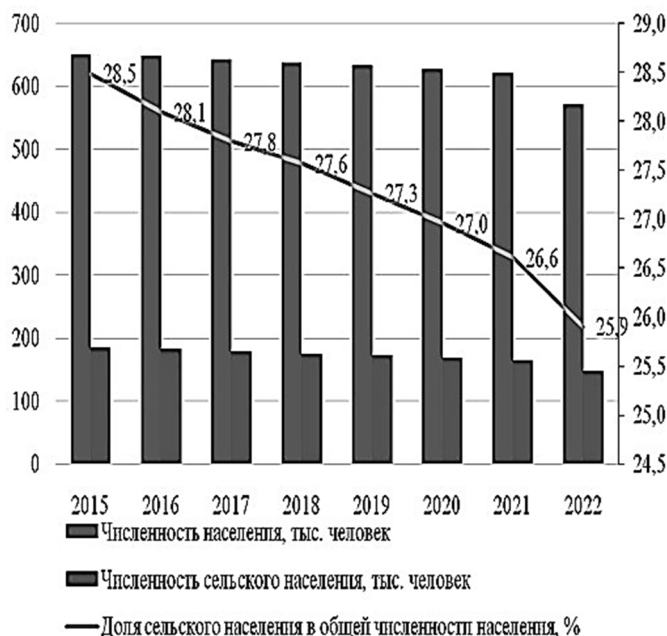

Рисунок 1 – Изменение численности и структуры населения Костромской области

Население Костромской области на 01 января 2023 года составляло почти 572 тысячи человек; к уровню 2015 года оно сократилась на 77 тыс. человек или на 12 %. Численность сельского населения за тот же период времени уменьшилась на 37,4 тыс. человек или 20,2 % и на 01 января 2023 года составила 148,2 тыс. человек. Доля сельских жителей в исследуемом регионе неуклонно снижается.

Естественная убыль населения, миграционный отток являются основными причинами сокращения численности населения области. Перспектива и далее весьма плачевна и без принятия каких-либо кардинальных мер на уровне региональных органов власти численность сельского населения Костромской области, находящейся в центре европейской части России, будет и дальше стремительно сокращаться.

Устойчивое развитие сельских территорий предполагает эффективное использование всех ресурсов, в первую очередь земель. За период 2015–2022 годы наблюдается незначительное увеличение общей площади сельскохозяйственных угодий, а именно на 1,7 тыс. га или 0,2 %. При этом существенно сокращается общая земельная площадь, используемая лицами, занимающимися сельскохозяйственным производством – на 35,5 тыс. га или 2,6 %. Посевные площади сельскохозяйственных культур также сокращаются. С 2015 года уменьшение произошло на 5,0 тыс. га, или 2,7 %. Соответствующее

увеличение наблюдается площадью лесного фонда, населенных пунктов.

В валовом региональном продукте Костромской области удельный вес сельского хозяйства составляет 7 %. С 2015 года наблюдается сокращение организаций, осуществляющих деятельность в области сельского хозяйства со 190 до 124; при этом объем производства в фактических действующих ценах, после некоторого спада вырос на 61 % по сравнению с 2015 годом и составил 43,5 млрд рублей (рис. 2).

Сельские территории Костромской области характеризуются низким уровнем инфраструктурного развития. Протяженность автомобильных дорог общего пользования на сельских территориях в 2022 году составила 12 тыс. км.; из них с твердым покрытием – менее 7 тыс. км или 57 % (рис. 3).

Существует проблема с уровнем газификации региона; так, из 24 муниципальных районов природный газ доступен только в 9; при этом и в них газифицированы далеко не все сельские населенные пункты.

Для типологии сельских территорий нами предложено использовать данные, имеющиеся в открытых источниках любого территориального органа федеральной службы государственной статистики в разделе «Основные показатели социально-экономического положения муници-

пальных образований» по сельским поселениям. К таким данным, характеризующим обозначенные выше приоритетные факторы, по муниципальным образованиям в части сельских поселений относятся:

1. Численность сельского населения, человек.
2. Общая площадь земель сельских поселений муниципального образования, га.
3. Продукция сельского хозяйства (в фактически

действовавших ценах), тыс. руб.

4. Протяженность автодорог общего пользования местного значения, на конец года, км (в том числе с твердым покрытием, с усовершенствованным покрытием).
5. Протяжение уличной газовой сети сельских поселений, м.
6. Протяжение уличной линии электропередачи сельских поселений, м.

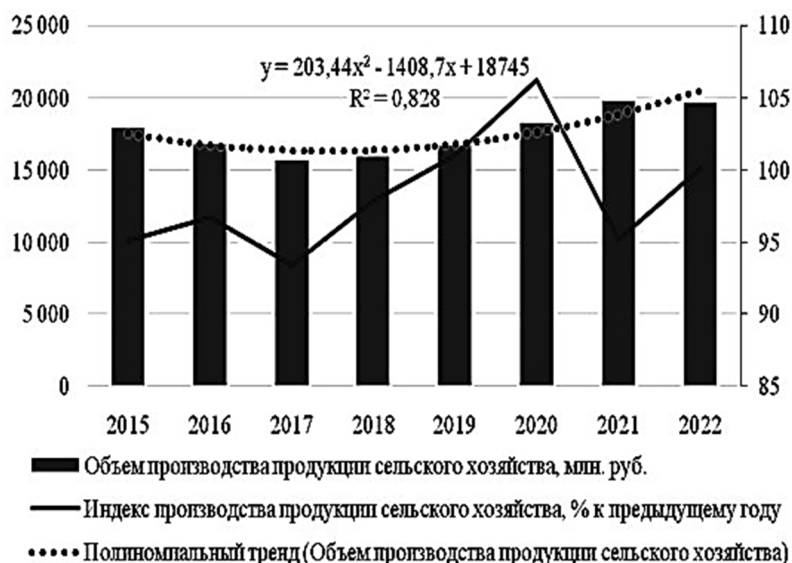

Рисунок 2 – Динамика производства продукции сельского хозяйства в Костромской области

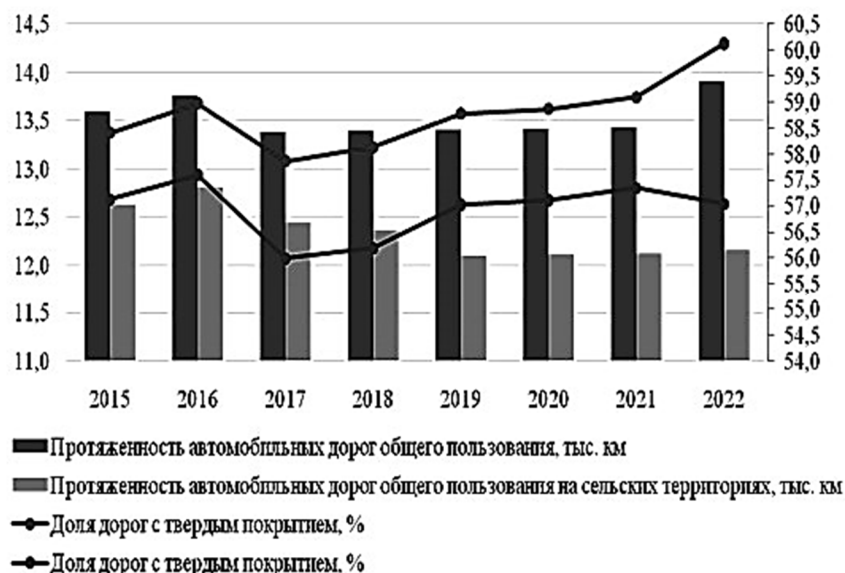

Рисунок 3 – Развитие дорожной сети сельских территорий Костромской области

Для адекватности сравнительной оценки различных территорий следует использовать удельные показатели. Нами рекомендовано выполнять расчет на единицу площади, соотнося,

таким образом, наличие различных видов ресурсов с количественно-территориальным потенциалом.

Таким образом, удельными показателями ресурсного потенциала развития аграрного туризма будут выступать:

1. Плотность сельского населения на 1000 га общей земельной площади сельских территорий муниципального образования, человек;
2. Продукция сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах), тыс. рублей/га.
3. Плотность автодорог общего пользования местного значения с твердым покрытием на 1000 га общей земельной площади сельских территорий муниципального образования, км.
4. Плотность уличной газовой сети на 1000 га общей земельной площади сельских территорий муниципального образования, метр.
5. Одиночное протяжение уличной линии электропередачи на 1000 га общей земельной площади сельских территорий муниципального образования, метр.

В российской науке для оценки социально-экономического развития территорий зачастую

используются интегральные индексы, основанные на взвешивании коэффициентов и бальной оценке, а также – на привлечении экспертов [7].

Во избежание нивелирования результата за счет избытка одних и недостатка других факторов, а также в связи с тем, что различные факторы имеют важное значение для развития аграрного туризма и необходимо их наличие в комплексе; в качестве метода для типологизации территорий предлагается использовать многомерную группировку по совокупности показателей – кластеризацию.

Для анализа сельских территорий исследуемого региона нами использованы открытые данные территориального органа федеральной службы государственной статистики по Костромской области (Костромастат) по состоянию на 01.01.2023. С использованием программы STATISTIKA проведена кластеризация сельских территорий муниципальных районов Костромской области по перечисленной совокупности показателей.

Принадлежность районов Костромской области к кластерам представлена на рисунке 4.

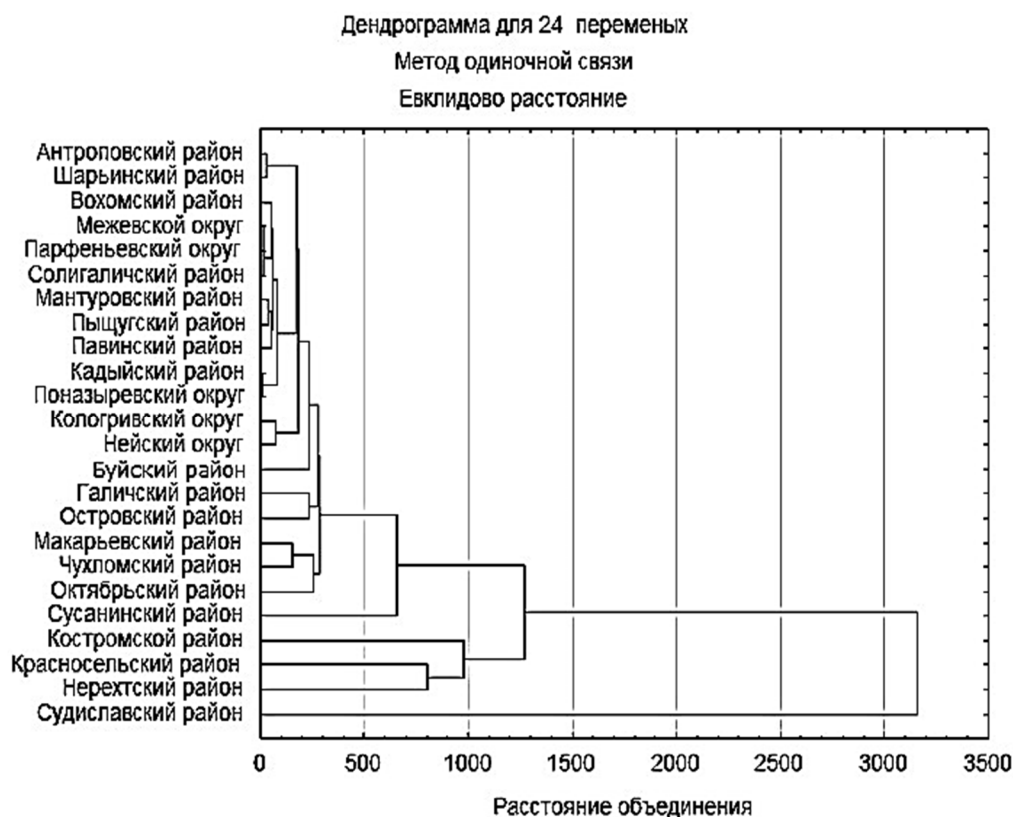

Рисунок 4 – Дендрограмма муниципальных образований Костромской области для определения пилотных сельских территорий развития агротуризма

При срезе дендрограммы на расстоянии объединения 1000 очевидно выделяются два кластера муниципальных образований Костромской области:

- 1 кластер: Судиславский муниципальный район;
- 2 кластер: Нерехтский, Красносельский, Костромской муниципальные районы.

Таким образом, перспективными для внедрения пилотных проектов развития аграрного туризма являются сельские территории Судиславского, Нерехтского, Красносельского и Костромского районов Костромской области, которые обладают необходимыми характеристиками согласно предложенной нами методике.

Наибольший эффект в развитии территории, достижении поставленных целей, может быть обеспечен если формирование стратегии развития будет происходить не однотипно для всех территорий, а с применением типологизации, выделения приоритетных территорий по тому или иному направлению.

Для устойчивого социально-экономического развития сельских территорий Костромской области мы предлагаем обратить особое внимание на поддержку аграрного туризма и сформировать пилотные сельские территории с учетом этого направления деятельности. С целью формирования привлекательности пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма предлагаем предусмотреть такие преференции для хозяйствующих субъектов, как:

- льготы по налогам (например, на период реализации проекта организация или индивидуальный предприниматель может быть освобожден от уплаты или предложена пониженная ставка по налогу на имущество или страховые взносы);
- льготы при предоставлении земли в аренду или выкупе участка (например, субъект, реализующий проект в сфере аграрного туризма, получает земельный участок, необходимый для реализации проекта в первоочередном порядке, может быть освобожден от уплаты земельного налога или может быть установлена пониженная ставка);
- повышающий коэффициент при предоставлении государственной поддержки. При обращении за государственной поддержкой в виде субсидий или грантов хозяйствующий субъект имеет

дополнительные оценочные баллы при проведении отбора;

- приоритетность территорий при включении в программы инфраструктурного развития (дорожного строительства, газификации и др.);
- компенсация из регионально бюджета затрат на подключение проекта агротуризма к объектам инфраструктуры: свет, вода, газ, водоотведение, теплоснабжение.

Одновременно с этим, выделение пилотных территорий не исключает права проектам агротуризма на сельских территориях, не относящихся к пилотным, участвовать в конкурсах грантов, претендовать на получение государственной поддержки, приобретать или арендовать земельные участки в общепринятом порядке [3].

Заключение.

Сельские территории Костромской области имеют определенный ресурсный потенциал для развития аграрного туризма. Аграрный туризм, в свою очередь, может стать импульсом к развитию сельского хозяйства и формированию привлекательного социально-экономического образа сельских территорий. Агротуризм целесообразно развивать, как минимум на первоначальных этапах, на территориях располагающим оптимальным набором ресурсов, использовать механизмы государственной поддержки, определенный набор преференций.

Необходима типологизация пространства региона и выделение пилотных территорий для развития аграрного туризма. Для этих целей нами предложен комплекс открытых статистических демографических, производственных и инфраструктурных показателей оценки сельских территорий, избрана и апробирована на примере Костромской области методика выделения пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма, в основу которой положен многомерный кластерный анализ.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Афанасьева А.В. Зарубежный опыт управления в сфере экологического туризма: тренды и модели развития / А.В. Афанасьева // Сервис в России и за рубежом. 2020. Т. 14. № 3(90). С. 27–56.
2. Григорьева М.В. Устойчивое развитие сельских территорий как правовая категория / М.В. Григорьева // Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий и АПК: Материалы национальной научно-практической конференции, Красноярск, 06 декабря 2019 года. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2020. С. 48–51.
3. Кадетова Н.А. Потенциал развития аграрного туризма в Костромской области / Н.А. Кадетова, Н.А. Середина // Аграрный вестник Нечерноземья. 2023. № 2(10). С. 60–67.

4. Кадетова Н.А. Формирование пилотных сельских территорий для развития аграрного туризма / Н.А. Кадетова, Н.А. Середина // Современные проблемы аграрной экономики и пути их решения: материалы Всерос. (национальной) науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 октября 2023 г.). Чебоксары, 2023. С. 111–116.
5. Калафатов Э.А. Понятие «сельские территории» в аспекте стратегии устойчивого развития / Э.А. Калафатов // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2022. № 2(59). С. 183–193.
6. Киянова Л.Д. Формирование региональных агротуристических кластеров как инструмент обеспечения устойчивого развития сельских территорий / Л.Д. Киянова, О.А. Миронова // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2018. № 3(55). С. 6.
7. Корниенко А.В. Российский и зарубежный опыт в оценке социально-экономического развития территорий / А.В. Корниенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 11. С. 267–272.
8. Середина Н.А. Роль модернизации инфраструктуры в повышении эффективности сельского хозяйства и развитии сельских территорий / Н.А. Середина, Р.Р. Шамина. Кострома : Костромская государственная сельскохозяйственная академия, 2019. 156 с.
9. Токарева Е.В. Агротуризм как перспективное направление развития сельских территорий в регионах России / Е.В. Токарева, Е.Н. Антамошкина // Туризм: право и экономика. 2022. № 1. С. 18–21.

References:

1. Afanasyeva A.V. Foreign management experience in the field of ecological tourism: trends and development models / A.V. Afanasyeva // Service in Russia and abroad. 2020. Т. 14. № 3(90). P. 27–56.
2. Grigorieva, M. V. Sustainable development of rural territories as a legal category / M.V. Grigorieva // Legal regulation of sustainable development of rural territories and agro-industrial complex: Materials of the national scientific and practical conference, Krasnoyarsk, December 06, 2019. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Agrarian University, 2020. P. 48–51.
3. Kadetova N.A. Potential for the development of agricultural tourism in the Kostroma region / N.A. Kadetova, N.A. Sereda // Agrarian Bulletin of the Non-Black Earth Region. 2023. № 2(10). P. 60–67.
4. Kadetova N.A. Formation of pilot rural territories for the development of agricultural tourism / N.A. Kadetova, N.A. Sereda // Modern problems of the agricultural economy and ways to solve them: Materials of the All-Russian. (national) scientific and practical conf. (Cheboksary, October 17, 2023). Cheboksary, 2023. P. 111–116.
5. Kalafatov E.A. The concept of «rural territories» in the aspect of sustainable development strategy / E.A. Kalafatov // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. 2022. № 2(59). P. 183–193.
6. Kiyanova L.D. Formation of regional agrotourism clusters as a tool for ensuring sustainable development of rural areas / L.D. Kiyanova, O.A. Mironova // Regional economics and management: electronic scientific journal. 2018. № 3(55). P. 6.
7. Kornienko A.V. Russian and foreign experience in assessing the socio-economic development of territories / A.V. Kornienko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2023. № 11. P. 267–272.
8. Sereda, N.A. The role of infrastructure modernization in increasing the efficiency of agriculture and the development of rural areas / N.A. Sereda, R.R. Shamin. Kostroma : Kostroma State Agricultural Academy, 2019. 156 p.
9. Tokareva E.V. Agricultural tourism as a promising direction for the development of rural territories in the regions of Russia / E.V. Tokareva, E. N. Antamoshkina // Tourism: law and economics. 2022. № 1. P. 18–21.

Информация об авторах

Кадетова Наталья Александровна
аспирантка,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
natalya_kadetova@mail.ru

Середина Надежда Александровна
доктор экономических наук,
профессор,
декан экономического факультета,
Костромская государственная
сельскохозяйственная академия
sereda_n@mail.ru

Natalya A. Kadetova
Graduate Student,
Kostroma State Agricultural Academy
natalya_kadetova@mail.ru

Nadezhda A. Sereda
Doctor of Economics,
Professor,
Dean of the Faculty of Economics,
Kostroma State Agricultural Academy
sereda_n@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.15.92.017>

УДК 502.335

Attribution

cc by

О НЕКОТОРЫХ ИНСТРУМЕНТАХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Нехайчук Д.В.¹, Митина Т.Л.²

¹Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова,

²Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальных проблем применения инструментов экономического механизма природопользования в практической плоскости. Показаны конкретные экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности. Доказывается, что экологические фонды являются важным инструментом в достижении устойчивого развития и сохранении природы для будущих поколений, способствуют сотрудничеству между государствами, организациями и гражданами в решении глобальных экологических проблем. Авторами приводится опыт создания и работы целевых экологических фондов в период с 1992 по 2001 год. Создание целевых экологических фондов на уровне субъектов Российской Федерации может быть целесообразным для обеспечения дополнительного финансирования мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды. Предложено создание в Республике Крым Регионального экологического фонда, целью деятельности которого будет содействие эффективному природопользованию, создание условий для воспроизводства и эффективного использования природных ресурсов. Эффективное использование средств РЭФ через реализацию инвестиционных проектов позволит вернуть привлеченные ресурсы инвестору и улучшить экологию.

Ключевые слова: экономический механизм природопользования, природоохранная деятельность, целевые экологические фонды, устойчивое развитие, Региональный экологический фонд, реализация инвестиционных проектов.

ABOUT SOME INSTRUMENTS OF THE ECONOMIC MECHANISM OF NATURE MANAGEMENT: PRACTICAL ASPECTS

Dmytry V. Nekhaychuk¹, Tamara L. Mitina²

¹Sevastopol branch Plekhanov Russian University of Economics,

²Russian Academy of National Economy and Public Service

under the President of the Russian Federation

Abstract. The scientific article is devoted to the study of current problems of applying the tools of the economic mechanism of environmental management in a practical sense. Specific economic instruments for stimulating environmental activities are shown. It is proven that environmental funds are an important tool in achieving sustainable development and preserving nature for future generations, promoting cooperation between states, organizations and citizens in solving global environmental problems. The authors provide experience in the creation and operation of target environmental funds in the period from 1992 to 2001. The creation of target environmental funds at the level of constituent entities of the Russian Federation may be appropriate to provide additional financing for environmental protection and restoration activities. It is proposed to create a Regional Environmental Fund in the Republic of Crimea, the purpose of which will be to promote efficient use of natural resources, create conditions for the reproduction and efficient use of natural resources. Effective use of REF funds through the implementation of investment projects will return the attracted resources to the investor and improve the environment.

Keywords: economic mechanism of environmental management, environmental activities, environmental trust funds, sustainable development, Regional Environmental Fund, implementation of investment projects.

Введение. В настоящее время важным аспектом экономического развития и экологической безопасности большинства стран мира является использование природных ресурсов. В XX веке природные ресурсы стали ключевым фактором в определении успеха государств.

Проблемы, связанные с экологическими изменениями и устойчивостью природных ресурсов, пред-

ставляют значительное значение для национальной безопасности Российской Федерации [1].

Широкомасштабное превращение экосистем и вовлечение природных ресурсов в хозяйственное обращение приводят к утрате ценных природных экосистем, необходимых для поддержания биологического разнообразия и экологического равновесия. Резкое снижение качества

природоресурсного потенциала создает серьезные вызовы для обеспечения устойчивого развития и сохранения природной среды в России. Экологические проблемы и угрозы для природных ресурсов стали важным фактором национальной безопасности, так как они могут оказывать прямое воздействие на здоровье, экономику и стабильность страны.

Потеря самовосстановительной и самоочищающей способности экосистем усугубляет их уязвимость перед различными видами антропогенного и природного воздействия [2; 3].

Устойчивость природных ресурсов и экосистем имеет глобальное значение, поскольку они важны для поддержания биоразнообразия и поддержания экологического баланса на планете, в целом.

Учитывая важность этих проблем для национальной безопасности, важно проводить комплексные и устойчивые стратегии по сохранению природных ресурсов и восстановлению экосистем, что способствует обеспечению устойчивого развития и защите будущих поколений.

Целью исследования является разработка предложений по формированию и использованию отдельных инструментов экономического механизма природопользования.

Обсуждение. Проводя критический обзор мнений отечественных и зарубежных авторов вопросам исследования инструментов экономического механизма природопользования можно выделить несколько важных аспектов.

Так, некоторые авторы [1; 3; 7] подчеркивают, что практическое применение экономического механизма природопользования сталкивается с

проблемой оценки окружающей среды и её компонентов. Это может затруднить определение конкретных цен на природные ресурсы и ущерб от экологических потерь.

Другие авторы [2; 5; 9] высказывают опасения относительно перспективы налоговых механизмов в области природопользования, поскольку существует риск того, что данные механизмы могут оказать негативное воздействие на конкурентоспособность предприятий и экономическое развитие в целом.

Кроме того, интересно мнение о том, что существующие инструменты экономического механизма природопользования могут быть недостаточно адаптированы для решения возрастающих экологических проблем, таких как изменение климата и утрата биоразнообразия. Поэтому возникает необходимость в поиске и внедрении новых инновационных подходов к экономическому регулированию в сфере природопользования.

Указанные критические аспекты свидетельствуют о сложности и актуальности проблем, связанных с применением экономических инструментов в сфере природопользования, предполагают необходимость дальнейших исследований и разработки более усовершенствованных методов управления природными ресурсами.

Результаты. Сегодня под экономическим механизмом природопользования понимается система принудительных и стимулирующих мер, способствующих реализации целей экологической политики.

Экономические инструменты природопользования можно классифицировать следующим образом:

Рисунок 1 – Экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности

Экологические фонды являются важным инструментом в достижении устойчивого развития и сохранении природы для будущих поколений. Они способствуют сотрудничеству между государствами, организациями и гражданами в решении глобальных экологических проблем.

Одной из задач экологических фондов является также привлечение общественного внимания к проблемам окружающей среды, и мобилизация гражданского общества для активного участия в решении этих проблем. Они также выполняют функцию контроля за использованием средств и эффективностью реализации проектов. Экологические фонды играют ключевую роль в сохранении биоразнообразия, охране уникальных экосистем, борьбе с климатическими изменениями, защите водных ресурсов и других природных ценностей. Благодаря их работе, множество природных территорий получают необходимую защиту и управление, а также проводятся мероприятия по восстановлению и сохранению природных ресурсов.

Также, важную роль в финансировании экологических фондов играют частные компании, меценаты и физические лица, которые делают пожертвования на поддержку природоохранных проектов. Работа экологических фондов включает в себя не только финансирование проектов, но и проведение научных исследований, разработку стратегий и программ по охране окружающей среды, образовательные мероприятия и информационную работу [5].

В Российской Федерации был опыт создания и работы целевых экологических фондов, которые функционировали в период с 1992 по 2001 год. За время существования этих фондов структура их источников доходов неоднократно менялась, но основная доля доходов постоянно приходилась на платежи за загрязнение окружающей среды. Платежи взимались с каждого предприятия в зависимости от объемов выбросов и сбросов в окружающую среду и использовались на предотвращение или устранение вреда окружающей среде. 90 % платежей оставалось в регионах, причем значительная часть из них возвращалась предприятиям, если они представляли обоснованные программы экологической модернизации производства и обеспечения его безопасности для окружающей среды. Оставшиеся 10 % направлялись в федеральный бюджет, где они использовались Федеральным экологическим фондом для целевых расходов [6].

Минфин России имеет определенную позицию относительно создания экологических фондов в России. Такие внебюджетные фонды не соответствуют принципам бюджетной системы Российской Федерации, включая единство системы бюджетов и самостоятельность бюджетов. Однако необходимо отметить, что Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации ведет работу по созданию экологических фондов с 2010 года. Это означает, что су-

ществует мнение и поддержка данной инициативы со стороны других ведомств и организаций.

Экологические фонды могут играть важную роль в финансировании и поддержке проектов по охране окружающей среды, экологическому образованию и развитию устойчивого использования природных ресурсов. Они позволяют привлекать дополнительные средства из частных источников и использовать их в целях улучшения экологической ситуации [4].

Считаем, что обсуждение принципов бюджетной системы и аргументы Минфина России приведут к поиску компромиссных решений и созданию экологических фондов, которые будут соответствовать требованиям бюджетной системы Российской Федерации и в то же время способствовать сохранению окружающей среды и устойчивому развитию.

Создание целевых экологических фондов на уровне субъектов Российской Федерации может быть целесообразным для обеспечения дополнительного финансирования мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды. Такие фонды могут привлекать дополнительные средства от различных источников, включая бизнес-сектор, благотворительные организации, международные фонды и т.д. Целевые экологические фонды могут использовать полученные средства для финансирования проектов, направленных на решение экологических проблем конкретного региона. Это могут быть мероприятия по очистке загрязненных водных объектов, восстановлению лесов, охране и восстановлению биологического разнообразия, внедрению и развитию экологически чистых технологий [7; 8].

Определение источников финансирования целевых экологических фондов на уровне субъектов Российской Федерации может быть основано на разнообразных механизмах. Это могут быть пожертвования от предприятий и частных лиц, осуществление экологического налогообложения, использование части выручки от продажи природных ресурсов или использование долей платежей за НВОС. Важно обеспечить прозрачность и эффективную систему управления средствами фондов, чтобы обеспечить их планомерное использование и достижение целей по охране и восстановлению окружающей среды.

Таким образом, создание целевых экологических фондов на уровне субъектов Российской Федерации может стать дополнительным источником финансирования мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды, что способствует улучшению экологической ситуации в регионах и стране в целом.

Предприятия могли бы стать источниками средств для экологических фондов, если бы они выплачивали плату за выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую среду, а также за размещение отходов, которые превышают

установленные нормы. Кроме того, средства могли бы поступать от компенсации вреда, вызванного экологическими правонарушениями, и штрафов, наложенных за нарушения экологических правил. Распределение средств из экологических фондов на реализацию природоохранных программ разных уровней должно быть закреплено законодательно. Запрещено использование этих средств для других целей.

Согласно статье 72 Конституции Российской Федерации, ответственность за охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности лежит на федеральном и региональном уровнях. В связи с этим, возможно, стоит рассмотреть вопрос о совместном финансировании деятельности экологических фондов за счет средств федерального бюджета, выделяемых на охрану окружающей среды [9].

Функционирование фонда как части бюджета имеет преимущество в том, что не требуется отдельная организация и поддержание структуры, так как используются уже существующие механизмы бюджетного процесса. Однако в этом случае возможно ограничение в доступе к финансированию и более жесткое участие в конкуренции за бюджетные ассигнования. Выбор конкретной схемы функционирования фонда зависит от ряда факторов, таких как цели и задачи фонда, возможности привлечения дополнительного финансирования, степень автономности. Необходимо провести анализ и оценку эффективности каждой из предложенных моделей и определить наиболее подходящую для конкретной ситуации.

Согласно принципу «дорожных фондов», экологический фонд будет функционировать независимо от общего бюджета и получать дополнительные средства от экологических неналоговых платежей предприятий. Это позволит обеспечить более эффективное использование средств, выделяемых на экологические мероприятия. Для обеспечения контроля за целевым использованием средств фонда можно организовать дополнительный механизм проверок и аудита, а также установить строгую отчетность и прозрачность в расходовании средств.

Также, необходимо обеспечить межведомственное взаимодействие для координации экологических проектов и достижения оптимальных результатов. Очистные сооружения являются важным элементом экологической инфраструктуры, поэтому приобретение, строительство и реконструкция таких сооружений должны быть финансово поддержаны фондом.

Фонд может также финансировать другие природоохранные мероприятия, которые выполняются предприятиями, уплачивающими экологические неналоговые платежи. Учитывая сложившиеся условия, использование принципа «дорожных фондов» в экологическом секторе представляется более перспективным. Он позволяет обеспечить устойчивое финансирование и эффектив-

ное расходование средств на экологические мероприятия, а также контроль и прозрачность в их выполнении.

В поддержку инициатив национального проекта «Экология» в стране в 2022 году создан первый экологический Фонд, как единый центр для всех существующих в России проектов в области экологии [5; 7].

Фонд «КОМПАС» будет способствовать достижению целей национального проекта «Экология» в каждом из его направлений. Основные задачи Фонда включают установление эффективной системы сотрудничества в области законодательных инициатив, разработку научно-технологических проектов, поддержку общественных организаций и проведение образовательной работы в сфере экологии.

Эксперты считают, что новый экологический фонд должен будет дополнить работу других фондов, уже работающих в России.

Новый фонд зарегистрирован в налоговой инспекции 24 марта 2022 года; согласно ОКВЭД, организация имеет право вести деятельность по девяти направлениям, например, предоставлять прочие финансовые услуги, кроме услуг по страхованию и пенсионному обеспечению, издавать книги, организовывать выставки, конференции, вести научные исследования и разработки в области естественных и технических наук. Это - исключительно российский фонд полного цикла, ориентированный как на экологические инициативы населения, например, очистку территории или высадку деревьев, так и на сотрудничество с российской наукой, и российским экологоориентированным бизнесом.

В России сейчас множество организаций, ведущих работу по одному или по двум направлениям. Экологический фонд планирует вести комплексную масштабную работу по разным направлениям.

Организаторы фонда намерены получать информацию от населения о проблемах экологии в стране и аккумулировать ее с целью отбора наиболее важных проектов на свое усмотрение для выделения материальной помощи в дальнейшем. Чтобы стать членом «Компаса», необходимо зарегистрироваться на его официальном сайте. Из личного кабинета граждане смогут перечислять пожертвования, предлагать экологические инициативы, принимать участие в тематических мероприятиях, которые будут отражаться в едином календарном экологическом плане России.

Удастся ли фонду привлекать пожертвования в условиях экономического спада и будет ли он конкурировать с экологическими организациями, такими, как WWF или «Гринпис», пока неясно, но его организаторы говорят, что делать этого не будут.

Эксперты считают, что новый фонд должен сотрудничать с работающими в России WWF и «Гринпис» и не стараться им подражать или конкурировать, а дополнять их и замещать, поскольку ресурсов иностранных структур, работающих в России, недостаточно для решения всех экологических проблем страны. «Компас» не должен заменять таких гигантов, как WWF, но вполне может их дополнить. Ведь WWF присутствует в пяти регионах России, в частности, на Камчатке, Баренце, в Арктике, в части регионов Дальнего Востока и в Алтае (Саяны). На деле, это – примерно четверть площади всей России, но есть много других регионов; в них тоже живут люди и присутствует немало экологических проблем, которые могли бы стать полем деятельности для нового фонда [9]. Например, горячая проблема – это лесные пожары в Сибири, в частности, в Якутии, и иностранные фонды не имеют сегодня ресурса заниматься сопряженными с пожарами проблемами, особенно с учетом снижения объема пожертвований в связи с непростой геополитической обстановкой.

Создание региональных экологических фондов просит решения целого комплекса организационных и денежных вопросов.

Предлагается создание в Республике Крым Регионального экологического фонда (далее – РЭФ), целью деятельности которого будет содействие эффективному природопользованию, создание условий для воспроизводства и эффективного использования природных ресурсов.

Основными задачами РЭФ должны быть:

1. Содействие реализации государственной политики поддержки охраны природы посредством привлечения и эффективного использования финансово-экономических и научно-технических ресурсов.
2. Ключевая роль в разработке и реализации государственных и региональных экологических программ.
3. Финансовая поддержка целевых программ и проектов, включающая кредитование на определенный срок и под проценты, на условиях кредитного контракта, а также частичную компенсацию процентов по кредитам, выдаваемым банками.

Организационный механизм функционирования РЭФ представлен на рисунке 2.

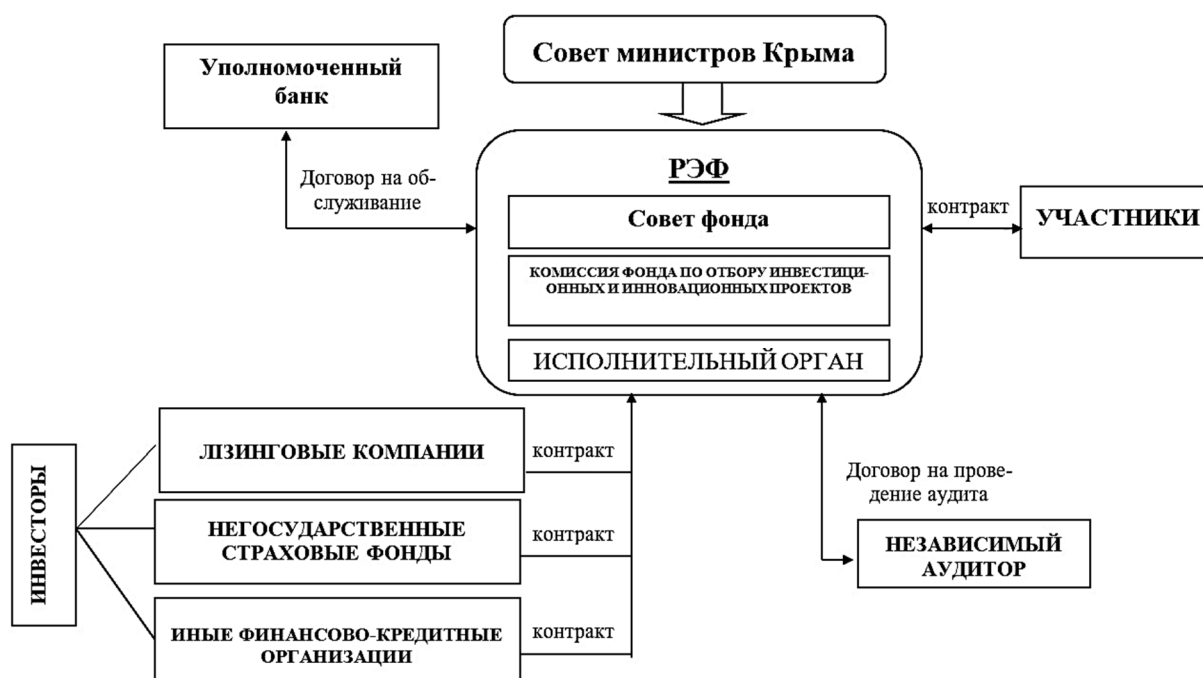

Рисунок 2 – Организационный механизм функционирования Регионального экологического Фонда

Принципы деятельности РЭФ:

1. Принцип формирования возможностей для денежного обеспечения экологии региона.
2. Принцип обеспечения единства интересов участников Фонда.
3. Принцип обязательного конкурсного отбора инвестиционных программ и проектов, предлагаемых к реализации в природопользовании региона.

гаемых к реализации в природопользовании региона.

4. Принцип привлечения отечественных и иностранных инвесторов для финансового обеспечения экологического развития.

Фонд должен быть коммерческой организацией. Финансовые ресурсы будут использоваться для реализации следующих мер:

– Проведение технико-экономических экспертиз программ и проектов, поступающих в Фонд, и решение об их финансовой поддержке;

– Контроль за целевым использованием средств, выданных Фондом;

– Обеспечение пополнения денежных ресурсов Фонда;

– Приобретение средств производства для передачи их в аренду (лизинг).

Ведение инвестиционной и инновационной деятельности путем:

а) частичной компенсации процентной ставки за кредиты, предоставленные водохозяйственным предприятиям;

б) денежного кредита через уполномоченный банк на реализацию инвестиционных и инновационных проектов.

Предложенный Фонд будет осуществлять свою деятельность на базе объединения денежных и других ресурсов учредителей и участников в рамках утвержденных государственных и региональных программ и проектов, направленных на поддержку и развитие экологии.

Необходимые средства формируются за счет:

1. Уставного фонда, созданного учредителями.
2. Взносов участников Фонда.
3. Средств государственного, республиканского и местного бюджетов, предусмотренных для денежной поддержки экологии.
4. Добровольных благотворительных взносов юридических и физических лиц, включая иностранные и международные организации, в том числе имеющие целевой характер (гранты), предоставленные в денежной и натуральной формах.
5. Платежей компаний за внедрение природных ресурсов.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Литература:

1. Хамхоев М.Б. Роль государственного регулирования природопользования / М.Б. Хамхоев, М.И. Китиева, З.М. Погорова // *Colloquium-journal*. 2018. № 8-5(19). С. 37–39.
2. Гришина И.В. Экономические механизмы охраны окружающей среды / И.В. Гришина, И.С. Зиновьева // *Успехи современного естествознания*. 2012. № 4. С. 181–182.

© Нехайчук Д.В., Митина Т.Л.

6. Платежей компаний за особое природопользование.

7. Средства инвесторов.

Эффективное использование средств РЭФ через реализацию инвестиционных проектов позволяет вернуть привлеченные ресурсы инвестору и улучшить экологию.

Заключение. Проведенное научное исследование подчеркивает важность и актуальность привлечения экономических механизмов в решении экологических проблем. В статье обозначены конкретные экономические инструменты стимулирования природоохранной деятельности и показано их положительное влияние на устойчивое развитие и сохранение природы для будущих поколений.

Экологические фонды могут играть важную роль в достижении целей природопользования. Они не только способствуют сотрудничеству между государствами, организациями и гражданами для решения глобальных экологических проблем, но и представляют собой средства, обеспечивающее финансирование мероприятий по охране и восстановлению окружающей среды.

Опыт создания и работы целевых экологических фондов с 1992 по 2001 гг. позволяет предложить создание Регионального экологического фонда в Республике Крым, важной целью которого станет не только содействие эффективному природопользованию, но и создание условий для воспроизводства и эффективного использования природных ресурсов.

В статье доказывается, что эффективное использование средств Регионального экологического фонда через реализацию инвестиционных проектов позволит вернуть привлеченные ресурсы инвестору и улучшить экологическую обстановку в регионе.

Эти выводы представляют собой ценный вклад в практическое применение инструментов экономического механизма природопользования и указывают на перспективы создания подобных фондов на региональном уровне.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

3. Абдурахманов М.А. Экономический механизм природопользования и охраны природы в новых экономических условиях / М.А. Абдурахманов, Я.Т. Рахимов // Формирование и развитие сельскохозяйственной науки в XXI веке. Сборник научных статей. 2016. С. 74–80.
4. Бюллетень Счетной палаты РФ. Неналоговые платежи. URL : <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cfb/h75p4x5t2ron78jtt0ymi307066wg0sx.pdf>
5. Сидорова Л.А. Современные концепции организационно-экономического механизма рационального природопользования / Л.А. Сидорова // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 8-3(22). С. 171–174.
6. Китиева М.И. Экономический механизм регулирования природопользования / М.И. Китиева, М.А. Орцханова, Ф.Я. Полонкоева // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1(61). С. 89–91.
7. Моисенко Е.В. Экономический механизм природопользования и формирование устойчивого типа экономического развития / Е.В. Моисенко // Роль инновационных методов познания в развитии современной науки. Инновационные процессы в российском образовании. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 36–39.
8. Косенко Т.Г. Экономический механизм управления природопользованием / Т.Г. Косенко // Приоритеты социально-экономического развития евразийского пространства. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак, 2021. С. 34–36.
9. Организационно-правовой и экономический механизм природопользования и охраны окружающей среды : учеб. пособие / О.Г. Асмарян, В.А. Кирьян, Н.В. Стенякина, О.И. Асмарян. М. : ООО «Издательство «Спутник+», 2023. 172 с.

References:

1. Hamhoyev M.B. The role of state regulation of environmental management / M.B. Hamhoyev, M.I. Kitieva, Z.M. Pogorova // Colloquium-journal. 2018. № 8-5(19). P. 37–39.
2. Grishina I.V. Economic mechanisms for environmental protection / I.V. Grishina, I.S. Zinovieva // Advances of modern natural science. 2012. № 4. P. 181–182.
3. Abdurahmanov M.A. Economic mechanism of environmental management and conservation in new economic conditions / M.A. Abdurahmanov, Y.T. Rahimov // Formation and development of agricultural science in the 21st century. Collection of scientific articles. 2016. P. 74–80.
4. Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. Non-tax payments. URL : <https://ach.gov.ru/upload/iblock/cfb/h75p4x5t2ron78jtt0ymi307066wg0sx.pdf>
5. Sidorova L.A. Modern concepts of the organizational and economic mechanism of rational environmental management / L.A. Sidorova // Competitiveness in a global world: economics, science, technology. 2016. № 8-3(22). P. 171–174.
6. Kitieva M.I. Economic mechanism for regulating environmental management / M.I. Kitieva, M.A. Ortshanova, F.Y. Polonkoeva // Economics and business: theory and practice. 2020. № 3-1(61). P. 89–91.
7. Mousenko E.V. Economic mechanism of environmental management and the formation of a sustainable type of economic development / E.V. Mousenko // The role of innovative methods of cognition in the development of modern science. Innovative processes in Russian education. Materials of the All-Russian scientific and practical conference. 2019. P. 36–39.
8. Kosenko T.G. Economic mechanism for environmental management / T.G. Kosenko // Priorities of socio-economic development of the Eurasian space. Collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference. Sterlitamak, 2021. P. 34–36.
9. Institutional, legal and economic mechanism of nature management and environmental protection : textbook / O.G. Asmarian, V.A. Kirian, N.V. Steniakina, O.I. Asmarian. M. : LLC «Publishing House «Sputnik+», 2023. 172 с.

Информация об авторах

Нехайчук Дмитрий Валериевич

доктор экономических наук,
профессор,
заместитель директора,
Севастопольский филиал
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова
dimchikn@mail.ru

Dmitry V. Nekhaychuk

Doctor of Economics,
Professor,
Deputy Director,
Sevastopol branch
of the Plekhanov Russian University of Economics
dimchikn@mail.ru

Митина Тамара Леонидовна

аспирантка,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
tamzhurav@mail.ru

Tamara L. Mitina

Graduate Student,
Russian Academy of National Economy
and Public Service
under the President of the Russian Federation
tamzhurav@mail.ru

Научная статья

<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.78.22.010>

УДК 340

Attribution

cc by

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ БРЕНДА ГОРОДА

Соколов А.Я.

EdgeЦентр

Аннотация. С начала 2000-х годов многие города осознали важность разработки своего бренда, что повышает потенциал привлечения жителей, развития бизнеса и туризма. За последнее десятилетие многие города предприняли кардинальные меры по изменению своего бренда, чтобы стимулировать инвестиции и рост. Однако создание и продвижение территориального бренда отличается от брендинга продуктов или услуг, в связи с чем, актуализируются вопросы разработки и обоснования соответствующего теоретико-методического базиса брендинга городов.

Цель: изучить теоретико-методические основы создания бренда города.

Методы: анализ, синтез, обобщение и систематизации научных источников по проблеме исследования.

Результаты: рассмотрены вопросы разработки и обоснования соответствующего теоретико-методического базиса брендинга городов. Определены подходы к трактовке бренда города, также с использованием кластерного подхода выделены ключевые элементы, необходимые для создания бренда, обозначены и классифицированы факторы, влияющие на бренд города.

Выводы: сделан вывод о том, что особую значимость приобретает создание бренда города, который может стать важным фактором его долгосрочного конкурентного развития. Выделено, что бренд города функционирует как стратегическая конструкция, способная либо повысить, либо понизить его ценность.

Ключевые слова: бренд, город, факторы, методы, привлекательность

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF CREATING A CITY BRAND

Yaroslav A. Sokolov

EdgeCenter

Abstract. Since the beginning of the 2000s, many cities have realized the importance of developing their brand, which increases the potential of attracting residents, developing business and tourism. Over the last decade, many cities have taken drastic measures to change their brand in order to stimulate investment and growth. However, the creation and promotion of a territorial brand is different from the branding of products or services. In connection with this, the issues of development and substantiation of the relevant theoretical and methodological basis of branding of cities are updated.

Object: to study the theoretical and methodological foundations of creating a city brand.

Methods: analysis, synthesis, generalization and systematization of scientific sources on research problems.

Findings. The issues of development and substantiation of the relevant theoretical and methodological basis of city branding are considered. Certain approaches to tracts of the city brand, as well as using the cluster approach, key elements necessary for creating a brand are identified and classified factors influencing the city brand.

Conclusions. It is concluded that the creation of a city brand, which can become an important factor in its long-term competitive development, is of particular importance. It is highlighted that the brand of the city functions as a strategic design that can either increase or decrease its value.

Keywords: brand, city, factor, method, attractiveness.

Введение.

Города и мегаполисы сталкиваются с последствиями глобализации, которые предопределяют необходимость проведения реформ в экономической, культурной и социальной сферах. Стремительный

рост конкуренции между агломерациями – одно из последствий глобализации, которое проявляется на разных уровнях и в разных сферах деятельности. Учитывая свободное перемещение капитала и людей в «эпоху городов», для их устойчивого развития важно, чтобы горо-

жане были довольны территорией, на которой они живут [1]. В попытке ответить на требования конкуренции и привлечь определенные целевые группы, в последние десятилетия в научных кругах и органах государственной власти наблюдается повышенный интерес к брендингу городов.

Создание и поддержка желаемого имиджа и репутации города требует больше усилий и обязательств, чем просто маркетинговая или рекламная кампания любого направления. Современный брендинг городов представляет собой стратегию привлечения и удержания целевых аудиторий за счет развития местной идентичности, которая выражается в предоставлении отличительных преимуществ от пребывания на данной территории. Этот процесс достигается в долгосрочной перспективе и связан с управлением и местной политикой. Брендинг территорий подразумевает применение стратегий, позволяющих дифференцировать города, конкурирующие в плане экономического, социального, политического и культурного развития [2].

Неправильное понимание факторов, влияющих на бренд города, приводит к тому, что иногда городские менеджеры и политики действуют без конкретных планов и стратегий или, в некоторых случаях, предпринимают независимые и даже противоречащие друг другу действия. Это может причинить множество неудобств агломерациям и, в целом, общественным интересам граждан из-за стоимости упущенных возможностей. В то же время, в специальной экономической литературе довольно трудно найти нужные рекомендации по разработке и внедрению стратегий бренда города. В большинстве случаев, брендинг рассматривают в плоскости товаров и услуг. В свою очередь, бренд города объединяет инфраструктуру, природную среду, идиосинкразию населения и культуру, но, прежде всего, он связан с тем, что делает, чувствует и ожидает население. Именно поэтому управление брендом города требует совокупности различных мыслей, дисциплин и знаний. Кроме того, в этом управлении применяются теории маркетинга, коммуникации и городского позиционирования, чтобы донести эти преимущества и выгоды людям.

Таким образом, уточнение концептуальных основ и теоретико-научных подходов к созданию бренда города представляет собой важную задачу, которая и обусловила выбор темы данной статьи.

Результаты.

Появление в последнем десятилетии массива публикаций, в которых город, территория, государство рассматриваются как нематериальный (вещественный) фактор социально-экономического развития, дает основания констатировать формирование нового исследовательского направления, включающего маркетинг и брендинг городов (территорий).

Вопросы маркетинга территорий освещены в работах А.Л. Коротковой, Е.С. Гонзовой, Е.Д. Герасименко, Nate Millington, Suraya Scheba, Joseph Cook.

Над разработкой системы оценки бренда города с использованием различных показателей и направлений развития трудятся такие авторы как: Ф.С. Темирова, Н.У. Муродова, В.А. Ворожейкина, А.А. Казарезов, Ю.С. Акентьева, Whitney Afonso, Kimberly Nelson, Jang-Hwa Leu, Bo-Chi Lin, Yen-Yi Liao.

Особенности коммуникационной и информационной функции, а также функции укрепления доверия к бренду города, в качестве ориентира для выявления потенциально значимых преимуществ бренда, рассматривают А.В. Волкова, К.М. Алмакучуков, Н.М. Старобинская, В. Синицина, В. Рябых, Е.А. Захарчук, В.Е. Упоров, Анна М. Babel, Justin Keeble, Molly Blatchly-Lewis.

В тоже время, необходимо отметить, что для практического применения инструментов брендинга города указанных исследований еще недостаточно. Сегодня нужно углублять знания о брендинге территорий с тем, чтобы научные разработки получили практическое применение и стали основой для создания действенных методик, которые смогут использоваться на уровне любого населенного пункта.

Таким образом, цель статьи заключается в разработке теоретико-методических основ создания бренда города.

Теоретический обзор имеющейся на сегодняшний день литературы позволяет обозначить различные подходы к рассмотрению бренда города. Так, некоторые исследования базируются на концепциях планирования, маркетинга, социологического и урбанистического подхода; последний использовался в наработках из области управления и государственной политики. Также можно отметить недавние наработки, которые были сформулированы в трех перспективах: бренд как производство, присвоение и критическая перспектива. Это означает, что бренд города возникает в характерных процессах и мультидисциплинарных аспектах. В этом смысле, по мнению А.Е. Жидрова городской брендинг широко используется и применяется для влияния на общественное восприятие людей, мест, организаций, проектов и физических объектов [3].

Как считают Gangren Zhang и Cheng Lu Wang [4], начиная с 1990-х годов, термин «бренд» ассоциируется с лояльностью, уважением и предпочтением и связан с отличительными именами или словами.

В.А. Храпова указывает на то, что бренд – это социально-историческое проявление творчества граждан, а также производство знаков идентичности, характерных для любого общества [5].

Аналогичным образом Н.А. Пашкус определяет бренд как ментальный образ, который формирует у населения определенное представление о территории, на которой они проживают [6].

Что касается термина «брендинг города», Каз М.С. трактует его как активную политику, нацеленную на два фронта: один способствует выявлению и определению потребностей, которые могут иметь основные стейкхолдеры, а другой ориентирован на разработку продуктов и услуг, которые удовлетворяют выявленные потребности [7].

На основании изученной литературы, по мнению автора, можно отметить, что брендинг города

включает в себя планирование и выполнение процессов, касающихся атрибутов бренда и его преимуществ, предназначенных как для внешних заинтересованных сторон (например, инвесторов, туристов, экспатриантов, иммигрантов), так и для внутренних (например, граждан, жителей, государственных органов, специалистов по маркетингу, менеджеров бренда), то есть создателей.

С целью выделения элементов, которые необходимы для создания бренда города, автором формализованы три кластера (рис. 1).

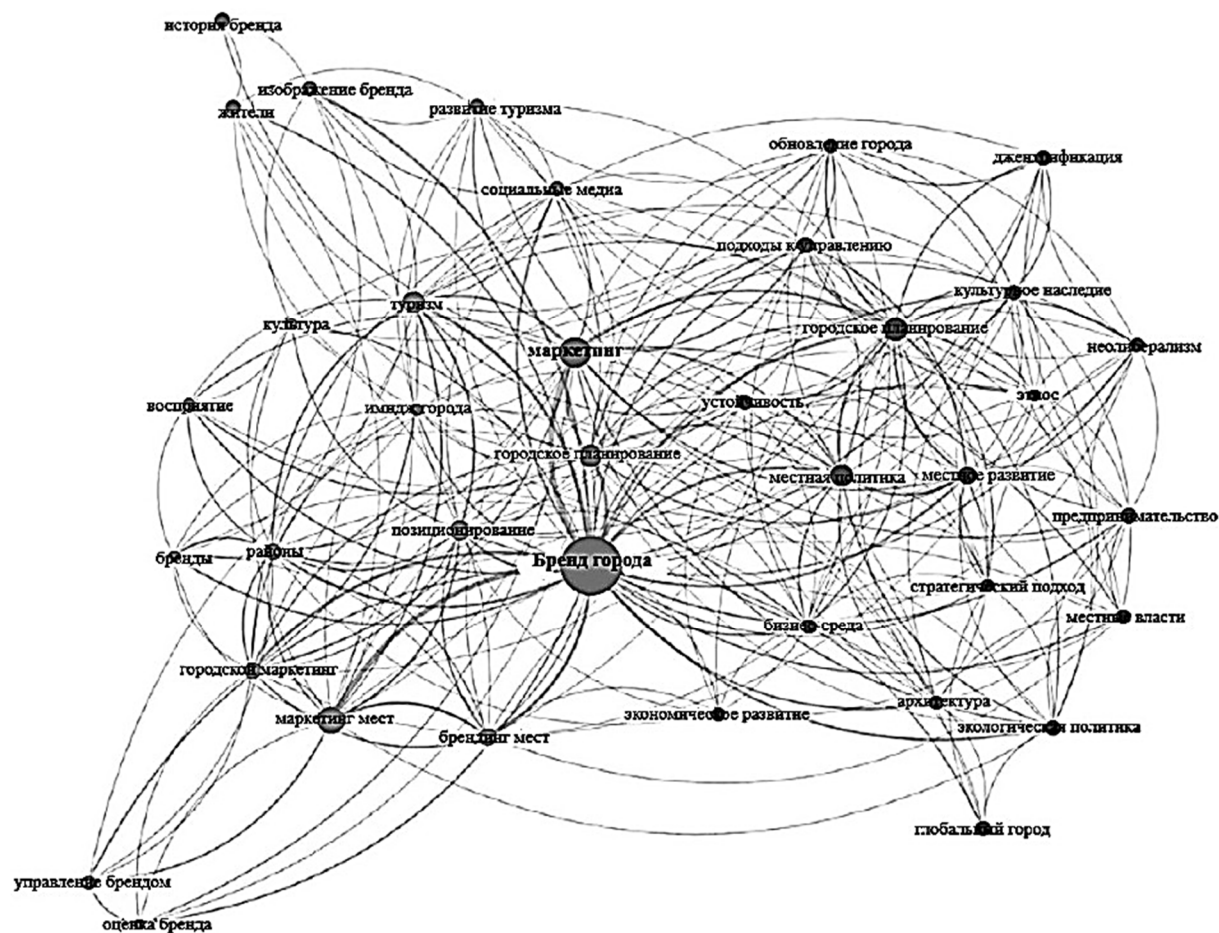

Рисунок 1 – Кластер для анализа бренда города

Первый кластер, выделенный красным цветом, показывает территориальное планирование, городское развитие и потенциальные возможности, которыми можно воспользоваться. Это называется стратегическим планированием.

Второй кластер, выделенный синим цветом, показывает рыночные стратегии, которые могут быть реализованы, и необходимые альянсы; этот кластер обозначен как управленческая среда.

Наконец, третий кластер, зеленый, показывает стратегии бренда для позиционирования города

в сознании потребителя; он представляет собой структуру бренда.

С методологической точки зрения, на сегодняшний день выделяется шесть основных тем в процессе создания бренда города. К ним относятся (1) то, чем город, несомненно, является; (2) то, что город говорит; (3) то, что город чувствует; (4) кому город стремится служить; (5) каким город видят; (6) что поощряется и ожидается.

Исходя из этого, брендинг города понимается в рамках трехуровневой системы коммуникации.

Первый уровень относится к физическим и видимым аспектам, по которым можно понять город.

Второй уровень состоит из рекламных инструментов, которые город использует для продвижения себя на рынке.

Третий уровень – это коммуникация людей о городе через их голоса и голоса СМИ.

Поэтому при брендинге города следует обратить внимание на то, как его характеристики, то есть архитектура и история, экономика и продукты, культурная деятельность, могут быть преобразованы в оправданную идентичность, приемле-

мую для всех людей. Более того, ключевым фактором успеха или неудачи стратегий брендинга города является определение заинтересованных сторон и их сопровождение в представлении и формулировании бренда, что приводит к повышению чувства собственности и устойчивости бренда.

В создании успешного бренда города решающую роль играет определение факторов, влияющих на него. Используя метод контент-анализа, в таблице 1 представлена классификация этих факторов, включая экономические показатели, СМИ и рекламу, культурную деятельность, формирование политики и городское планирование.

Таблица 1

Классификация факторов, влияющих на бренд города

Экономические показатели	Конкурентное преимущество	Улучшение качества жизни, экономика, основанная на знаниях, культурная и туристическая деятельность, снижение неопределенности при принятии решений об инвестициях
	Добавленная стоимость	Расширение производственных услуг, увеличение стоимости недвижимости и капитала, увеличение налогов, деловой бум
	Экономическое развитие	Привлечение инвесторов, устранение географических границ в экономических целях, бренд как нематериальный капитал, конкуренция между городами и странами
	Мировая экономика	Хостинг для мировых финансовых институтов, подключение к мировой экономике, использование туристических возможностей
Культурная активность	Улучшение идентичности города	Выявление городских различий, признание городской идентичности, возрождение культурного наследия, акцент на городских достопримечательностях
	Улучшение имиджа места	Выявление сильных сторон, анализ мнения жителей о городе, изучение мнения гостей о городе, участие горожан в создании идеального образа города
	Человеческое развитие сообщества	Развитие культурной политики, повышение уровня образования граждан, конкурентное преимущество университетов, глобализация учебных заведений
	Глобальные события	Целенаправленное проведение глобальных мероприятий, партнерства городов-побратимов и расширение международного взаимодействия
Создание политики	Конкурентная стратегия	Конкуренция между городами мира с разными мотивами, привлечение экономического и социального капитала, устойчивое городское развитие
	Внутриполитическая структура	Тип политической системы, деятельность городов под контролем национальной политики, брендинг города как государственная политика, участие государства в инвестициях для создания бренда города
	Внешнеполитическая структура	Роль индекса национального бренда в привлечении ресурсов, влияние национальной идентичности на идентичность городов, международные отношения
СМИ и реклама	Политика культурной рекламы	Использование средств массовой информации для внедрения бренда города, конструктивные изменения с помощью культурных инструментов
	Улучшение рекламной инфраструктуры	Разработка технологий освещения культурно-спортивных мероприятий, развитие спутниковых сетей, создание баз интернет-рекламы
	Разработка промо-рекламного пакета	Выбор логотипа, слогана, установление эффективных связей с ответственностью, иллюстрация города как лучшего выбора, таргетированная реклама
Городское планирование	Стратегический план	Баланс между глобальным давлением и местными потребностями, внимание к местоположению бренда города, выявление интересов целевых групп, использование полномочий заинтересованных сторон, признание отличительных характеристик города, поощрение чувства принадлежности к бренду города
	Городские проекты	Объединение строительных проектов в целях брендинга, развитие городских общественных пространств, развитие и обновление городской инфраструктуры, вдохновение глобальными моделями туризма
	Управление брендом города	Значимый брендинг, динамичное управление брендом, правильная идентификация групп интересов, принятие решений на основе вовлечения заинтересованных сторон, стабильность городских менеджеров в достижении целей городского брендинга, связь между политическими организациями

Выводы.

Обобщая полученные в процессе исследования результаты, можно сделать следующие выводы. Глобализация и экономические кризисы — явления, реформирующие социально-экономическую мозаику городов. Тот факт, что города сегодня находятся в острой конкуренции друг с другом за привлечение финансовых и человеческих ресурсов, обсуждается во многих исследованиях. Более того, в настоящее время иногда можно наблюдать конкуренцию между городами и странами.

В данном контексте особую значимость приобретает создание бренда города, который может стать важным фактором его долгосрочного конкурентного развития. Бренд города функционирует как стратегическая конструкция, способная либо повысить, либо понизить его ценность.

В процессе исследования автором с использованием кластерного подхода выделены ключевые элементы, необходимые для создания бренда города. Также, обозначены и классифицированы факторы, влияющие на бренд города.

Конфликт интересов

Не указан

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Грошев И.В. Особенности формирования бренда города / И.В. Грошев, А.А. Краснослободцев // Маркетинг в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 28–35.
2. Sören Scholvin Analyzing gateway cities at different scales: From global interlinking and regional development to urban branding // *Geography Compass*. 2021. Vol. 15. Iss. 7. P. 14–19.
3. Жидров А.Е. Выбор целевой аудитории при формировании стратегий долгосрочного развития и продвижении бренда города / А.Е. Жидров // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2021. № 3. С. 88–96.
4. Gangren Zhang. Why do consumers prefer a hometown geographical indication brand? Exploring the role of consumer identification with the brand and psychological ownership / Gangren Zhang, Cheng Lu Wang // *International Journal of Consumer Studies*. 2022. Vol.47. Iss. 1.
5. Храпова В.А. Бренд как способ формирования культурного статуса города / В.А. Храпова // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского*. 2022. Т. 8(74). № 3. С. 98–105.
6. Пашкус Н.А. Культурная идентичность городов: концептуальные подходы, бренды и глобальная конкурентоспособность / Н.А. Пашкус // *Проблемы современной экономики*. 2022. № 4(84). С. 156–160.
7. Каз М.С. Опыт формирования территориального бренда и границы метода / М.С. Каз // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2022. № 57. С. 211–228.

References:

1. Groshev I.V. Features of city brand formation / I.V. Groshev, A.A. Krasnoslobodtsev // *Marketing in Russia and abroad*. 2020. № 4. P. 28–35.
2. Sören Scholvin Analyzing gateway cities at different scales: From global interlinking and regional development to urban branding // *Geography Compass*. 2021. Vol. 15, Iss. 7. P. 14–19.
3. Zhidrov A.E. Selection of the target audience during the formation of strategies for long-term development and promotion of the city brand / A.E. Zhidrov // *Marketing in Russia and abroad*. 2021. № 3. P. 88–96.
4. Gangren Zhang. Why do consumers prefer a hometown geographical indication brand? Exploring the role of consumer identification with the brand and psychological ownership / Gangren Zhang, Cheng Lu Wang // *International Journal of Consumer Studies*. 2022. Vol.47. Iss. 1.
5. Khrapova V.A. Brand as a method of forming the cultural status of the city / V.A. Khrapova // *Academic records of the Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadsky*. 2022. Vol. 8(74). № 3. P. 98–105.
6. Pashkus N.A. Cultural identity of cities: conceptual approaches, brands and global competitiveness / N.A. Pashkus // *Problems of modern economy*. 2022. № 4(84). P. 156–160.
7. Kaz M.S. Experience of formation of territorial brand and border method / M.S. Kaz // *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. 2022. № 57. P. 211–228.

Информация об авторе

Соколов Ярослав Андреевич
руководитель отдела маркетинга
и PR EdgeЦентр, Москва
skiner343@gmail.com

Yaroslav A. Sokolov
Head of Marketing and PR Department,
Edge Center, Moscow

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 22.01.2024
Подписано в печать 25.01.2024
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,5
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 125

e-mail: id.yug2016@gmail.com